

КАВКАЗСКАЯ ПОМИНКА

○

ПУШКИНЪ.

(26 мая 1799—26 мая 1899 г.)

(Издание редакціи газеты „КАВКАЗЪ“).

(Разсылается подписчикамъ «Кавказа» **бесплатно**, а въ розничной продажѣ цѣна книги 1 руб., причемъ всѣ вырученныя отъ продажи деньги поступаютъ безъ вычетовъ въ пользу **голодающихъ** во внутреннихъ губерніяхъ Россіи).

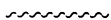
Тиф лись *1899 года.*

Типографія А. И. ПЕТРОВА, ГОЛОВИНСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, № 12.

Телефонъ типографіи № 387.

Доволено Цензурою Тифлисъ, 23-го мая 1899 года.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

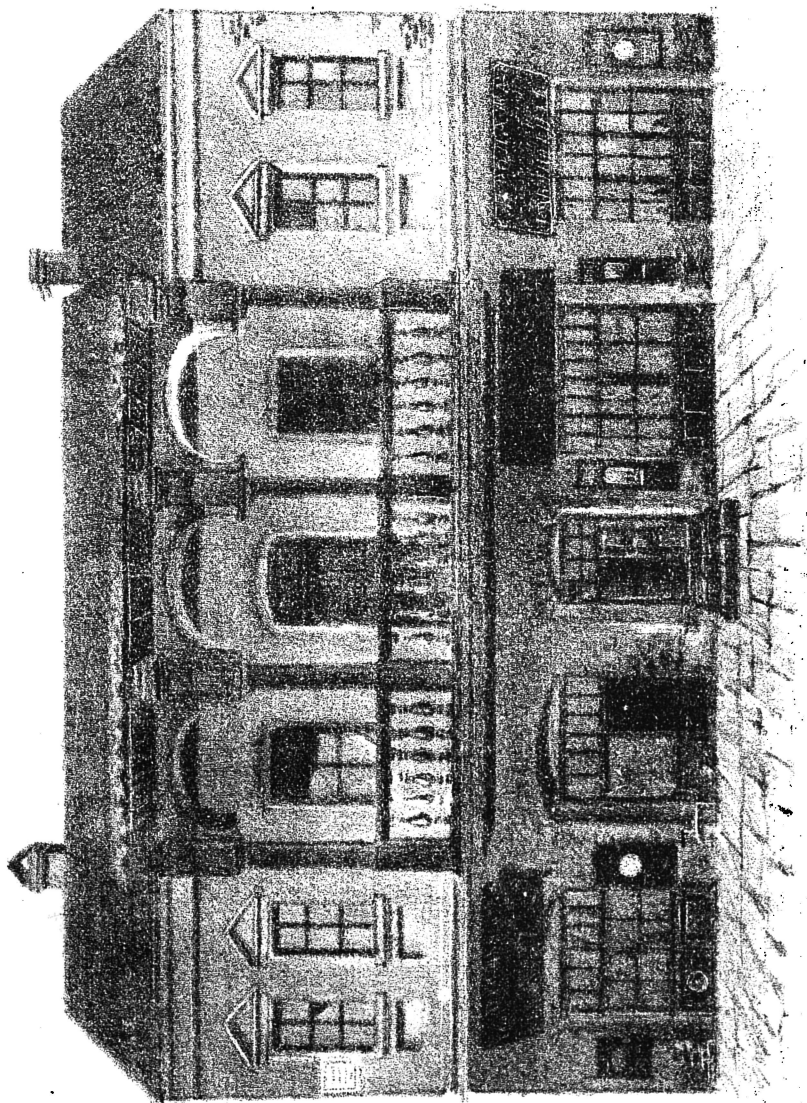
Виньетка художника <i>О. И. Шмерлинга</i> .	
Портретъ А. С. Пушкина.	
Домикъ, гдѣ жилъ Пушкинъ въ Тифлисѣ, рис. г. <i>Питалія</i> .	
„Привѣтъ Кавказа“, стих. <i>В. Л. Величко</i> .	Стр.
„Вѣчная память“, Рѣчь <i>О. Г. Восторгова</i> .	III—XX.
Путешествіе въ Арзрумъ (полное изданіе), подъ редакціей <i>Е. Г. Вейденбаума</i> .	1— 44.
Примѣчанія и объясненія къ „Путешествію въ Арзрумъ“ и хронологическія канва къ путешествію А. С. Пуш- кина на Кавказъ въ 1829 году, сост. <i>Е. Г. Вейденбаумъ</i>	45— 65.
Поэмы и стихотворенія <i>А. С. Пушкина</i> , относящіяся къ Кавказу.	67—100.
„О пребываніи Пушкина на Кавказѣ въ 1829 году“, ст. <i>Е. Г. Вейденбаума</i> .	101—127.
„Судьбы поэзіи Пушкина“, статья <i>В. Л. Величко</i> .	129—153.

Тин. Либермана.

**Александръ Сергѣевичъ
ПУШКИНЪ.**

Домикъ (нынѣ перестраиваемый) г. Цуринова въ Тифлисъ, гдѣ жилъ А. С. Пушкинъ въ 1829 г.
(Перерисовано со снимка г. Богатырева ученикомъ художника Г. И. Габеева, г-номъ Пятахіа).

Привѣтъ Кавказа.

Что значить мужество бойца,
Закона строгія велѣнья
И свѣта шумныя сужденья
Предъ мощной силой вдохновенья
И обаяніемъ пѣвца?
Какъ лѣсъ во власти непогоды,
Предъ силой клбняются народы,
Но втайнѣ ждуть ея конца!
Непобѣдимъ лишь другъ свободы,
Кто понялъ ближняго невзгоды
И покорять умѣлъ сердца!

* *
*

Привѣтъ твоей священной тѣни,
Безсмертный Пушкинъ, шлетъ Кавказъ,
Страна скорбей и вдохновеній,
Чью душу, вѣщій русскій геній,
Въ созвучьяхъ, въ краскахъ пѣснопѣній
Ты воплощать умѣлъ не разъ!
Угомонился бой кровавый,
Почили тихо въ дымкѣ славы
И полусказочной мечты
Снѣговѣнчаннныя хребты;
Подъ властью новой мирной доли,
Сыны когда-то дикой воли,
Оцѣпенѣвъ, вперяють взоръ
Въ ту даль степей необозримыхъ

Откуда рать непобѣдимыхъ
Дошла до гребня ихъ родимыхъ,
Дотолѣ грозныхъ, вольныхъ горь.
Вперяютъ взоръ—и ждутъ въ тревогѣ:
Какія новыя дороги
Укажетъ имъ вчерашній врагъ?
Куда ведетъ ихъ русскій стягъ
И чѣмъ грядущее богато?
Вознаградится-ли утрата
Былыхъ потѣхъ и простоты?!...

* *
*

И тамъ, вдали, сіяешь Ты,
Ты,—воплощеніе мечты
Побѣдоноснаго народа!
Ты весь—духовная свобода!
И сердцемъ чуютъ дѣти горь,
Чѣмъ вѣетъ сѣверный просторъ:
Тамъ сила разуму покорна,
Тамъ безгранично-плодотворна,
Неодолима власть Любви!
Пускай во прахѣ и въ крови,
Въ закатѣ меркнувшихъ преданій
Исчезнетъ, полная страданій,
И жизнь, и слава прежнихъ лѣтъ:
Надежды радостный разсвѣтъ
Все разгорается багрянѣй!
Пестрѣютъ новыя цвѣты,
Красой неожиданною плѣняя!
Велѣнье Божье выполняя,
Вездѣ, отъ края и до края,
Пѣвецъ, ихъ щедро сѣялъ Ты!...

* *
*

И въ день, когда воспоминаемъ
Объ этихъ подвигахъ полна
Твоя безбрежная страна,—

Пускай роднымъ благоуханьемъ
Предѣлы, гдѣ Твой духъ царить,
Привѣтъ Кавказа напоить!
И новыхъ братьевъ неразлучныхъ
Единодушьемъ сильна,
Завѣтамъ Пушкина вѣрна,
На гусяхъ Руси многозвучныхъ
Звени, кавказская струна!...

Василій Величко.

ВЪЧНАЯ ПАМЯТЬ.

Рѣчь при поминовеніи великаго русскаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина въ день столѣтняго юбилея со дня его рожденія¹⁾.

(26 мая 1799 г.—26 мая 1899 г.).

„Пусть поэтъ ни разу даже не позоветъ Бога, но лишь бы самъ онь зналъ Бога, шелъ къ Богу,—онъ все равно всѣхъ и поведетъ къ Богу, о чемъ бы ни говорилъ. Если душа поэта чиста, то и мы всегда только очистимся отъ соприкосновенія съ нею, и нвкогда не осквернимся, какіе бы нечистые, даже чудовищные образы ни представлялъ онъ намъ“ Жуковский.

„Я думаю, что Пушкинъ—серьезно вѣрующій, но онъ про это мало говоритъ.... Жуковский сказалъ о немъ однажды: какъ Пушкинъ созрѣлъ, и какъ развилось его религіозное чувство! Онъ несравненно болѣе вѣрующій, чѣмъ я“. Записки А. О. Смирновой.

Всякій разъ, когда христіане поминаютъ молитвою умершаго собрата,—будь то младенецъ или старецъ, будь то знатный вельможа или безвѣстный простой поселенинъ,—всегда и неизмѣнно умершему церковь возглашаетъ *вѣчную память*. Для людей вдумчивыхъ въ этомъ обыкновеніи церкви найдется много глубоко-поучительнаго, глубоко-отраднаго. Церковь не можетъ отказаться отъ этого обыкновенія, не отказавшись отъ одного изъ основныхъ устоевъ христіанства и всякой религіи вообще,—отъ вѣры въ безсмертіе челоѣческаго духа. Человѣкъ—не особъ только своего рода, не листикъ отъ дерева, не волна—одна изъ безчисленныхъ волнъ—

¹⁾ Въ церкви 1-й тиф. женской гимназіи.

въ морѣ... Человѣкъ—это *личность*, и какъ личность, онъ *не можетъ возникнуть для того, чтобы исчезнуть безслѣдно*; отлившись въ законченный духовно-нравственный образъ, опредѣливъ себя здѣсь, въ земной жизни, оставивъ въ ней замѣтный, или мало примѣтный, но все же тотъ или другой слѣдъ,—онъ продолжаетъ жить и послѣ смерти и развиваться въ области иного бытія, для изображенія котораго у насъ нѣтъ ни словъ въ языкѣ, ни красокъ, ни образовъ въ воображеніи. И современники, и потомки могутъ забыть умершаго; имя его можетъ изгладиться быстро, не переживши и холмика земли на его безвѣстной могилѣ,—но будетъ о немъ память предъ лицомъ Бога, для котораго нѣтъ мертвыхъ, а всѣ живы ¹⁾; будетъ о немъ память въ молитвахъ церкви, которая до скончанія міра содержитъ въ лонѣ материнской любви своей всякую вѣрующую душу, какъ богосозданную и богоискупленную ни одной изъ нихъ не считаетъ ничтожною, и за каждую и за всѣхъ умоляетъ Божественное милосердіе.

Сегодня мы поминаемъ рѣдкаго человѣка-христианина; поминаемъ человѣка, у котораго съ вѣчною памятью общаго всѣмъ безсмертія сливается вѣчная память въ своемъ народѣ и безсмертіе въ сознаніи лучшихъ представителей всего человѣчества. И потому въ настоящія молитвенныя минуты особенно знаменательно, особенно вразумительно звучитъ церковное возгласеніе ему *вѣчной памяти*.

Съ самыхъ первыхъ дней литературной дѣятельности имя Александра Сергѣевича Пушкина стало пріобрѣтать себѣ славу; шли годы, расширялась его дѣятельность,—ширилась и росла его извѣстность. Смерть принесла ему не забвеніе, а еще большую славу: слухъ о немъ прошелъ по всей Руси великой, и нынѣ называютъ его всякъ сущій въ ней языкъ.. Въ послѣднія двадцать лѣтъ это уже въ третій разъ русская земля всенародно чтитъ своего поэта ²⁾, и каждый разъ образъ его вырисовывается все ярче и ярче, дѣятельность его понимается и цѣнится все глубже и глубже, растетъ и растетъ его имя, и мнится, и видится, что память о немъ становится чѣмъ дальше, тѣмъ дороже, и „любезная народу“ будетъ воистину «вѣчная память»... Его стиховъ цѣлительная сладость

¹⁾ Лук. XX, 38.

²⁾ Разумѣемъ 6 іюня 1880 г.—открытие памятника поэту въ Москвѣ; 29 января 1887 года—пятидесятилѣтіе со дня его смерти, и, наконецъ, настоящій праздникъ столѣтняго юбилея со дня его рожденія.

пройде́тъ вѣковъ завистливую даль... Это потому, что въ жизни и дѣятельности поминаемаго поэта, очевидно, много было несокрушимаго и вѣчнаго, было много неумирающаго, что прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ. Такъ исполняется и въ условіяхъ земныхъ слово апостола: *сьющій съ плоть, отъ плоти пожнетъ тлѣніе, а сьющій въ духъ отъ духа пожнетъ жизнь вѣчную* ¹⁾).

Что же такого вѣчнаго, несокрушимаго и неумирающаго было въ дѣятельности нашего поэта?

Знаю, что не мнѣ и не здѣсь говорить о его литературной дѣятельности въ цѣломъ, не мнѣ давать ея всестороннюю оцѣнку послѣ того, какъ столько объ этомъ и сказано и написано людьми, безъ сравненія болѣе меня свѣдущими и болѣе къ тому подготовленными. И въ нынѣшній день, безъ сомнѣнія, во всѣхъ концахъ великой Россіи и далеко за ея предѣлами этому предмету посвящены будутъ чтенія и рѣчи, и вы услышите сегодня оцѣнку поэта отъ специальныхъ, болѣе опытныхъ и умудренныхъ цѣнителей.

Но есть нѣчто, что и умѣстно и должно сказать служителю церкви, — и не станемъ скрывать: это „нѣчто“ выражено прежде всего въ словахъ заупокойнаго нашего моленія, въ которомъ, кромѣ возглашенія вѣчной памяти умершему, чаще и настойчивѣе звучитъ: о еже простится ему всякому согрѣшенію вольному же и невольному... Церковь также неизмѣнно возглашаетъ и это моленіе о всѣхъ своихъ чадахъ, отъ царя до простолюдина. Пусть не покажется оно нарушающимъ согласный хоръ похвалъ и славы въ честь великаго поэта. Прямота съ искренностью, напротивъ, разъяснить дѣло, облегчить сердце, а чрезъ это и на праздникъ нашъ не будутъ набѣгать унылыя тѣни. Нѣсть человекъ, иже поживетъ и не согрѣшитъ, говоритъ церковь въ оправданіе своего неизмѣннаго моленія. Согрешилъ, живя, и поминаемый писатель; согрѣшилъ и въ литературной дѣятельности, иногда какъ будто бы и далеко уклоняясь отъ религіозно-нравственнаго идеала, отъ того, что незбылемо и вѣчно; согрѣшилъ, наконецъ, и тѣмъ, что умеръ жертвою дуэли, этого нелѣпаго и нечестиваго общественнаго предразсудка. Кто обо всемъ этомъ не знаетъ? Кто объ этомъ не думалъ, кто не говорилъ? Правду сказать, на эту отрицательную сторону жизни и дѣятельности поэта обращали больше, чѣмъ надо, вниманія, такъ что можно сказать, и съ этой стороны слухъ о немъ

¹⁾ Гал. VI, 8.

прошелъ по всей Руси великой, и окружающее его и музу его туманное облако непониманія, недоумѣнія и клеветы, не совсѣмъ еще разсѣялось и доннынѣ. Нашлись и находятся особые любители, которые съ рвеніемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, обходя въ поэтѣ вѣчное и достойное, а часто и не зная его, съ особымъ наслажденіемъ подчеркивали его слабости и недостатки, съ непонятною радостью утверждали, что поэтъ былъ и ненадежнымъ христіаниномъ, и ненадежнымъ сыномъ отечества, и приписали ему много такого, чего онъ никогда не дѣлалъ, чего никогда не говорилъ. Что сказать на это?

Не нужно забывать, что поэтъ «платить дань своему вѣку, когда творить для вѣчности» (Гарамзинъ); не нужно забывать, что въ земной дѣятельности человѣческой высшіе дары небесныя, — а ими нескучно надѣлилъ Творецъ нашего поэта, — проявляются въ брешной человѣческой оболочкѣ; что задача нравственной жизни есть постепенное отрѣшеніе отъ всего, что есть въ этой оболочкѣ низменнаго, чувственнаго, себялюбиваго и жесткаго; что въ широтѣ природы лежитъ возможность и глубокаго отклоненія отъ нравственнаго идеала, но вмѣстѣ и возможность самаго возвышеннаго ему служенія. Великіе люди, какъ люди, безъ сомнѣнія, глубоко иногда падаютъ, но зато и возстаютъ, и каются, и прошлое смываютъ, заглаживаютъ, и являются опять-таки великими въ своемъ возстаніи. Церковь, олицетворяя нравственный законъ и нравственный судъ, не закрываетъ глазъ на эти паденія великихъ; не скрываетъ грѣха Давида, отреченія Петра, гонительства Павла, былой грѣховности Маріи Египетской или Евдокии преподобной; но она внушаетъ намъ при воспоминаніяхъ объ усопшихъ приводить себѣ на память лишь общее представленіе о человѣческой слабости и грѣховности «съ теплою мольбою о прощеніи согрѣшеній почившаго, съ смиреннымъ сознаніемъ собственной грѣховности и предстоящей всѣмъ людямъ смертной участи»: да вѣдаютъ потомки православныхъ земли родной минувшую судьбу, своихъ... *великихъ поминаютъ за ихъ труды, за славу, за добро, а за грѣхи, за темныя дѣянья Спасителя смущенно умоляютъ.* Только въ такомъ смыслѣ воспоминанія объ этой послѣдней сторонѣ жизни усопшихъ могутъ быть полезны и для усопшихъ, и для живыхъ. А иное припоминаніе — съ осужденіемъ, съ тайнымъ самоулажденіемъ, со злорадствомъ, съ кажимъ бы то ни было нечистымъ и страстнымъ отношеніемъ — это

„кошунство, болѣе преступное, чѣмъ разрываніе могилъ и поруганіе смертныхъ останковъ“, это оскверненіе внутренняго духовнаго міра живыхъ и нарушеніе вѣчнаго покоя мертвыхъ; это, наконецъ, наглядное свидѣтельство о невысокомъ нравственномъ состояніи самихъ судей и тѣхъ, кто имъ радостно внимааетъ ¹⁾... Да и полезно ли это кому-нибудь? — Нѣтъ, «укажутъ они все недостойное, дикое злое, но не дадутъ они силъ на благое, но не научатъ любить глубоко». Не справедливѣе ли слово поэта: «Спящихъ въ могилѣ виновныхъ тѣпей не разбужу я враждою моею» ²⁾.

По мѣткому выраженію одного изъ великихъ писателей нашихъ, Пушкинъ былъ *«всечеловкъ»* (Достоевскій); по словамъ современнаго Пушкину другаго великаго поэта, Пушкинъ удивительно могъ переноситься во всѣ вѣка, пережить, понять и художественно изобразить всѣ душевныя состоянія (Гоголь). Изображая жизнь во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, конечно, онъ отмѣчалъ и ея отрицательныя стороны; но изобразить ихъ художественно еще не значить имъ сочувствовать. Можетъ-быть, однако, съ этой стороны онъ былъ и виновенъ; виновенъ тѣмъ, что въ его изображеніи всякая страсть какъ бы имѣетъ право на законное существованіе, представлена не въ отталкивающемъ, а иногда какъ будто въ привлекательномъ видѣ, не заклеена огненнымъ обличеніемъ. Съ нравственной точки зрѣнія, это тѣневая сторона дѣятельности поэта. Но при всемъ томъ, онъ былъ болѣе всего поэтомъ не только «положительной стороны русской дѣйствительности», по выраженію извѣстнаго критика (Бѣлинскаго), но и *поэтомъ положительной стороны жизни вообще*. Этимъ онъ особенно дорогъ въ нашей литературѣ, вообще не очень богатой положительными талантами, положительными стремленіями; этимъ онъ дорогъ и въ воспитаніи юношества, какъ открывающій ему источникъ чистаго, возвышеннаго, жизнерадостнаго и уравновѣшеннаго *идеализма*. И нельзя не признать, что съ теченіемъ времени это положительное выступаетъ въ творчествѣ нашего поэта все сильнѣе, все ярче, входитъ въ связь съ его возвышеннымъ религиознымъ настроеніемъ, и въ послѣдніе

¹⁾ Вотъ рѣзкій приговоръ этому явленію со стороны самого Пушкина: „Толпа жадно читаетъ исповѣди, записки етс., потому что въ низости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могущаго: онъ малъ, какъ мы; онъ мерзокъ, какъ мы“.... (Письмо къ кн. Вяземскому).

²⁾ Слова Некрасова.

годы его недолгой жизни становится однимъ изъ основныхъ мотивовъ—если только не самымъ основнымъ—его творчества. И долго будетъ тѣмъ любезенъ онъ народу, что *чувства добрыя* онъ лирой пробуждалъ...

Но Пушкинъ, какъ личность, былъ нераздѣльнымъ съ своей поэзіей; это въ немъ особенно бросается въ глаза, и его глубокой искренности, необыкновенной правдивости не отрицала никакая даже самая пристрастная и озлобленная критика. Какъ натура художественная, чуткая, отзывчивая, Пушкинъ мыслилъ вслухъ, чувствовалъ вслухъ и, такъ-сказать, жилъ вслухъ.... Его душа—это какъ бы механизмъ въ хрустальномъ футлярѣ, всѣмъ видный, для всѣхъ открытый.... И все, что у насъ обыкновенно скрыто въ глубинѣ духа и не показывается на свѣтъ Божій, всѣ движенія страстей, всѣ грѣхи мыслей,—все это, при указанномъ свойствѣ поэтической натуры Пушкина, было открыто для наблюденія и все это у него выливалось въ словѣ. Оттого въ первыхъ раннихъ произведеніяхъ поэта мы видимъ слѣды его неправильнаго домашняго и школьнаго воспитанія, отраженія окружавшей его легкомысленной жизни,—видимъ иногда нѣчто несерьезное, нѣчто нечистое, недостойное, стоящее въ противорѣчій съ религіозно-нравственнымъ идеаломъ. По его собственному признанію, въ часы забавъ или праздной скуки, бывало, лиръ онъ своей ввѣрялъ извѣщенные звуки безумства, нѣги и страстей; самъ онъ говорилъ о себѣ, что межъ дѣтей ничтожныхъ міра, быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.... „Въ раннихъ его произведеніяхъ,—говоритъ о немъ одинъ глубокомысленный критикъ-философъ,—мы видимъ игру остроумія и формальнаго стихотворческаго дарованія, легкія отраженія житейскихъ и литературныхъ впечатлѣній. Но въ легкомысленномъ юношѣ быстро выросла великій поэтъ, и скоро онъ сталъ тѣснить „ничтожное дитя міра“. Подъ тридцать лѣтъ рѣшительно обозначается у Пушкина „смутное влеченіе чего-то жаждущей души“—неудовлетворительность игрою темныхъ страстей и ея свѣтлыми отраженіями въ легкихъ образахъ и нѣжныхъ звукахъ. «Позналъ онъ гласъ иныхъ желаній, позналъ онъ новую печаль! Онъ понялъ, что «служеніе музъ не терпитъ суеты», что «прекрасное должно быть величаво», т. е. что красота, прежде чѣмъ быть пріятною, должна быть достойною, что *красота есть только осязательная форма добра и истины*»¹⁾. Съ

¹⁾ Вл. Соловьевъ. „Судьба Пушкина“.

теченіємъ времени въ нашемъ поэтѣ, рядомъ съ художникомъ, не подавляя художника, усиливается и живетъ глубокой мыслитель, и плодомъ этой совокупной дѣятельности является намъ нашъ великій Пушкинъ, *вѣчный* Пушкинъ. Какъ послѣдній ударъ рѣзца надъ великимъ произведеніемъ, открывая міру надлежащую красоту души поэта, является его смерть, которая завешила и дала намъ и Пушкина-христианина.

Никто изъ судей Пушкина не осудилъ такъ безповоротно и не оплакалъ такъ сильно его паденій, какъ самъ же поэтъ; эти минуты, въ которыя лира служила звукамъ безумства, вѣги и страстей, вмѣсто звуковъ сладкихъ и молитвъ, вызывали въ немъ глубокія сожалѣнья, тяжкія чувства. И тогда «струны лугавой невольно звукъ онъ прерывалъ», и лилъ потоки слезъ неожиданныхъ и ранамъ совѣсти своей искалъ цѣлебнаго елея. Въ уныньи часто помышлялъ онъ о юности своей, утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ, о строгости заслуженныхъ упрековъ—и горькія кипѣли въ сердцѣ чужства. Онъ сознавалъ, что въ пылу восторговъ скоротечныхъ, въ безплодномъ вихрѣ суеты, о, много расточилъ сокровищъ онъ сердечныхъ за недоступныя мечты... Онъ, выражаясь его сильнымъ языкомъ, проклиналъ коварныя стремленья преступной юности своей, самолюбивыя мечты, утѣхи юности безумной.

„Когда на память мнѣ невольно придетъ внушенный ими стихъ, я содрогаюсь, сердцу больно, мнѣ стыдно идиоловъ моихъ. Къ чему, несчастный, я стремился! Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ? Кого восторгомъ чистыхъ думъ боготворить не устыдился? Ахъ, лира, лира! Зачѣмъ мое безумство разгласила! Ахъ, еслибъ Лета поглотила мои летучія мечты!“ Въ порывѣ покаяннаго чувства поэту предносится образъ евангельскаго блуднаго сына, и онъ „какъ отрокъ бібліи, безумный расточитель, до капли истощивъ раскаянья фіаль, увидѣвъ, наконецъ, родимую обитель, главой поникъ и зарыдалъ! Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ часы томительнаго бдѣнья: въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ *зми сердечной урызема*; мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской, тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ; воспоминаніе безмолвно предо мной свой длинный развиваетъ свитокъ: и *съ отращеніемъ* читая жизнь мою, я трепещу и проклинаю, и горько жалуясь, и горько слезы лью, но строкъ печальныхъ не смываю. Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ, въ безумствѣ ги-

lib.pushkinskijdom.ru

бельной свободы, въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ мои утраченные годы. И нѣтъ оправды мнѣ,—и тихо предо мной встаютъ два ангела.... но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечемъ, и стерегутъ.... и мстятъ мнѣ оба, и оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ о тайнахъ вѣчности и гроба.“ И когда онъ такъ блуждалъ, часто утомленный, раскаянемъ гори, предчувствуя бѣды, въ немъ надрывалъ постепенно полный нравственный переворотъ. Бывали минуты унынія, когда казалось поэту: „напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ, грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ“,—но это были только минуты. Въ общемъ все же «въ надеждѣ славы и добра глядѣлъ впередъ онъ безъ боязни», и все болѣе и болѣе звучали въ немъ струны того вѣчнаго, живого, высокого, свѣтлаго, святого, что мы называемъ *реалией*. Много стихотвореній вылилось у него въ этомъ новомъ, все усиливавшемся настроеніи духа,—и это самыя чистыя, самыя возвышенныя созданія его поэзіи, вызывающія на глубокое раздумье. Такъ, онъ не палъ подъ бремя грѣха и отчаянья, и не стыдился влукъ предъ міромъ оплакивать свои паденья, не стыдился исповѣдывать тотъ символъ вѣры, который звучалъ въ немъ все явственнѣе, все звучнѣе, все настойчивѣе. Читайте его стихотвореніе «Сгранникъ». Какъ сильно изображено въ немъ его пробужденіе къ новой жизни, принятое окружающими чуть ли не за бѣзуміе; указаніе этой жизни находить онъ у юноши, чигавшаго какую-то книгу, о которой не трудно догадаться по содержанію. «Узкій путь спасенья и тѣсныя врата», очевидно, указаны были ему въ священной книгѣ евангелія (Магѹ. VII гл., ст. 13 и 14). «Какъ отъ бѣльма врачомъ избавленный слѣпецъ», увидѣлъ онъ свѣтъ и въ немъ—спасенья тѣсныя врата, и къ нимъ бѣжать пустился въ тотъ же мигъ. Побѣгъ мой произвелъ въ семьѣ моей тревогу: и дѣти, и жена кричали мнѣ съ порогу, чтобъ воротился я скорѣй. Крики ихъ на площадь привлекли пріятелей моихъ. Одинъ бранилъ мѣя, другой мѣей супругъ совѣгы подавалъ, иной жалѣлъ о другѣ, кто поносилъ меня, кто на смѣхъ подымалъ, кто силой воротить сосѣдямъ предлагалъ. Иные ужъ за мной гнались,—но я тѣмъ болѣ слышалъ перебѣжать городовое поле, дабы скорѣй узрѣть, оставя тѣ мѣста, спасенья узкій пугъ и тѣсныя врата“ (26 іюня 1834 г.) Съ наступленіемъ поры полного расцвѣта силъ въ немъ замѣчательно ясно пробудилось и опредѣлилось религиозное сознаніе. Такъ называемое полуневѣріе его раннихъ

лѣтъ было не глубоко, оно «было болѣе легкомысліемъ, чѣмъ убѣжденіемъ, и оно прошло вмѣстѣ съ другими легкомысленными увлеченіями» (Ві. Соловьевъ). То, что поэтъ сказалъ о Байронѣ, приложимо вполне и къ нему самому: «вѣра внутренняя перевѣшивала въ душѣ его скептицизмъ, высказанный имъ мѣстами въ своихъ твореніяхъ. Скептицизмъ сей былъ временнымъ своенравіемъ ума, идущаго вопреки убѣженію внутреннему, вѣрѣ душевной»¹⁾, а у Пушкина онъ былъ и временнымъ отпечаткомъ того уродливаго въ нравственно-религіозномъ отношеніи воспитанія, которое онъ получилъ и которое онъ самъ, даже въ годы молодости, такъ беспощадно осудилъ, какъ «самое недостаточное и самое безнравственное» (въ извѣстной запискѣ, поданной Императору Николаю I-му въ 1826 г.) Читайте его стихотвореніе «Безвѣріе»; оно тѣмъ болѣе поучительно, что написано въ первый періодъ его поэтической дѣятельности, когда нравственный переломъ въ немъ обозначился еще недостаточно ясно (1817 г.). Стихотвореніе можетъ быть названо подробнымъ раскрытіемъ мысли древне-языческаго поэта Виргилія: «блаженъ, кто вѣруетъ: ему тепло на свѣтѣ»... Нашъ поэтъ и въ раннемъ возрастѣ глубоко прочувствовалъ истину этихъ словъ. Онъ проситъ взглянуть на невѣрующаго не тамъ, гдѣ каждый день *тщеславіе* на всѣхъ наводитъ ложную тѣнь, но въ тишинѣ семьи, подъ кровлею родной, въ бесѣдахъ съ дружествомъ, иль съ *темно о мечтой*. Взгляните: бродитъ онъ съ увядшею душой, своей ужасною томимый пустотой... Того, кто съ первыхъ лѣтъ *безумно* погасилъ отрадный сердцу свѣтъ, котораго вся жизнь есть мракъ и изступленье, — *восплачте въ о немъ, имѣйте сожалѣніе*. Напрасно вокругъ себя печально взоръ онъ водитъ: *умъ ищетъ Божества, а сердце не находитъ*. Лишенный всѣхъ опоръ, отпавшій вѣры сыпь, ужъ видитъ съ ужасомъ, что въ мірѣ онъ одинъ, и мщная рука къ нему съ дарами мира не простирается изъ-за предѣловъ міра. Ужасно чувствовать слезы послѣдней муку и съ міромъ начинать безвѣстную разлуку. Тогда, бесѣдуя съ оставленной душой, о, вѣра, ты стоишь у двери гробовой. При древнемъ торжествѣ священныхъ алтарей, при гласѣ пастыря, при сладкомъ хоромъ пѣньѣ, тревожится его безвѣрное мученье. „Счастливыцы, — мыслить онъ, — почто не можно мнѣ, страстей бунтующихъ въ смиренной тишинѣ, забывъ о разумѣ, и *немогнѣю и строгомъ*, съ одной лишь вѣрою повергнуть-

¹⁾ Поля. сбор. сочинен., изд. Ефремова. V, 107—110.

ся предъ Богомъ“. „Нѣтъ, нѣтъ, не суждено ему сей тайны знать. *Безвпріе одно по жизненной стези во мракъ возждь унылый*“.....

При чтеніи другихъ сочиненій поэта видимъ, что онъ безповоротно отказывается отъ сочувствія всякому виду вольнодумства, осуждаетъ Вольтера и его направленіе; библія вдохновляетъ его ¹⁾ евангеліе становится его любимой книгой ²⁾. Онъ призываетъ Бога, допускаетъ Его Промыслъ, восхищается псалмами, приводитъ слова Екклесіаста, въ стихи перелагаетъ молитвы, слова свящ. писанія, молится Богу, ходитъ въ церковь, посѣщаетъ монастыри служить молебны, приступаетъ къ таинствамъ ³⁾, высказываетъ желаніе, въ память своего рожденія (случившагося въ праздникъ Вознесенія), выстроить въ своемъ селѣ церковь во имя Вознесенія ⁴⁾. Въ простомъ углу своемъ средь медленныхъ трудовъ одной картины онъ желалъ быть вѣчный зритель; одной—чтобъ на него съ холста, какъ съ облаковъ, Пречистая и нашъ Божественный Спаситель, Она—съ величіемъ, Онъ—съ разумомъ въ очахъ,—взирали кроткіе во славу и въ лучахъ.

Онъ чтитъ благоговѣя, возмущаясь всякимъ видомъ кощунства,—чтитъ Христа-Владыку, терніемъ вѣвчаннаго колючимъ, Христа, предавагося послушно бичамъ мучителей, гвоздямъ и копью, того, чья казнь весь родъ Адамовъ искупила.—Въ своей лирѣ поэтъ теперь находитъ чудные, чарующіе звуки возвышеннаго религіознаго строя. Оживаютъ у него „отцы пустынники и жены непорочны“ съ своею умилительною молитвою; съ великою силою утверждается значеніе нравственнаго элемента въ жизни. У всякаго своя есть совѣсть, „она проснется въ черный день“, говоритъ поэтъ даже о разбойникахъ; возвышеннымъ вдохновеніемъ звучать его слова о совѣсти, влагаемая въ уста Скупого рыцаря и Бориса Годунова: „совѣсть,—когтистый звѣрь, скребущій сердце, незванный гость, докучный собесѣдникъ, отъ коей меркнетъ мѣсяцъ и могилы смущаются и мертвыхъ высылаютъ; она одна среди мір-

¹⁾ Письмо къ женѣ 25 окт. 1834 г.

²⁾ См. Записки А. О. Смирновой. Цитаты изъ этихъ записокъ ниже приводятся по ст. Мережковского о Пушкинѣ въ кн. „Философскія теченія русской поэзіи“.

³⁾ Полн. собран. сочинен. Пушкина, т. VII, стр. 7, 180, 287, 305, 316, 343, 349.

⁴⁾ Анненковъ. „А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи. Изд. 1873 г., стр. 306.

скихъ печалей успокоить, и здравая, она восторжествуетъ надъ злобою, надъ темной клеветою. Но если въ ней единое пятно, единое случайно завелось, тогда бѣда! Какъ язвой моровою, душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ... Ужасно! Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста¹⁾! Въ наставленіяхъ дѣтямъ—въ словахъ Бориса Годунова и Гринева-отца поэтъ обнаруживаетъ глубокое, согрѣтое теплымъ сочувствіемъ и убѣжденное пониманіе основъ религіозно-нравственной жизни; выступаютъ у него въ произведеніяхъ люди истинной чести и долга („Капит. дочка“) и поэтъ сумѣлъ найти ихъ среди непримѣтныхъ героевъ нашего смиреннаго прошлаго; рисуются у него женскіе образы непорочной чистоты—эта Татьяна, что „молитвой услаждала тоску волнуемой души“, и эта набожная, душевно-привлекательная дочь безстрашнаго и скромнаго въ подвигѣ героя-капитана. Въ своихъ произведеніяхъ, проникая въ глубь исторіи, поэтъ входитъ въ духовное общеніе съ многовѣковой жизнью цѣлаго народа, и затѣмъ съ мыслью и жизнью всего человѣчества. Здѣсь прошлое не представляется ему „мертвою скрижалю“: онъ ищетъ въ немъ смысла и той внутренней связи, по которой прошедшее является основой для будущаго. Постигаетъ онъ здѣсь цѣну религіи, этой вѣковѣчной основы жизни и въ исторіи человѣчества, и въ исторіи родины.

„Религія, —говоритъ онъ, —создала искусство и литературу, — все, что было великаго въ самой глубокой древности; все находится въ зависимости отъ религіознаго чувства. Безъ него не было бы ни философіи, ни поэзіи, ни нравственности“¹⁾. Величаво выступаетъ у него патріархъ Іовъ, какъ представитель древней русской церкви; привлекательными чертами рисуется инокъ Пименъ-лѣтописецъ. Значенію духовенства и духовному образованію приписываетъ онъ высшую государственную важность²⁾; признаетъ благодѣтельное значеніе для Россіи православія; заявляетъ, что „въ Россіи вліяніе церкви было столь же благотворно, сколько пагубно въ въ земляхъ неправославныхъ; что огражденное святыней религіи, духовенство наше было посредникомъ между народомъ и высшею властью; что монахамъ русскіе обязаны нашею исторіей и просвѣщеніемъ“²⁾. Изучивъ глубже исторію Россіи, онъ уразумѣлъ

¹⁾ Записки А. О. Смирновой.

²⁾ Т. VII, стр. 45.

²⁾ Т. VII, стр. 61.

великій подвигъ власти въ дѣлѣ строенія русской земли, понявъ глубоко-политическій и философскій смыслъ нашего единодержавія ¹⁾, и признательными стихами отвѣчалъ на подвиги царей, вождей и правителей народа, осудивъ бунты и измѣны: „лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, *которыя происходятъ отъ улучшенія нравовъ*, безъ всякихъ насильственныхъ потрясеній“ ²⁾. Самое рабство народа, крѣпостничество, которое поэтъ ненавидѣлъ всею душою, въ его воображеніи рисовалось „падшимъ по манію царя“, а не насильственнымъ переворотомъ ³⁾. По его словамъ, „тѣ, которые замышляютъ у насъ невозможные перевороты, или молоды, или не знаютъ пашего народа, или ужъ люди жестокосердые, коимъ и своя шейка—копейка, и чужая головушка—полушка“ ⁴⁾.

Теперь и жизнь не кажется ему, какъ прежде, „даромъ напраснымъ и случайнымъ“. Извѣстно, что на это унылое стихотвореніе московскій архипастырь, митроп. Филаретъ, въ свою очередь, написалъ отвѣтное стихотвореніе, глубокомысленное и истинно-христіанское: „Не напрасно, не случайно жизнь отъ Бога мнѣ дана“. Пушкинъ съ величіемъ покаяннаго чувства писалъ архипастырю: „ранамъ совѣсти моей твоихъ рѣчей благоуханныхъ отраденъ чистый былъ елей. И нынѣ съ высоты духовной мнѣ руку простираешь ты, и силой кроткой и любовной смиряешь гордыя мечты. Твоимъ огнемъ душа палима, отвергла мракъ земныхъ суетъ, и внемлетъ арфѣ серафима въ священномъ ужасѣ поэтъ“. И ужъ не смерть призываетъ онъ къ себѣ: душа полна замыслами твореній новыхъ, въ которыхъ скажется просвѣтленный духъ поэта, отвергшій мракъ земныхъ суетъ. Правда, и теперь день каждый, каждую минуту привыкъ онъ думой провождать, грядущей смерти годовщину межъ нихъ стараясь угадать; и теперь минувшихъ лѣтъ угасшее веселье ему тяжело, какъ смутное похмѣлье, и даже, какъ вино, печаль минувшихъ дней въ его душѣ была чѣмъ старѣй, тѣмъ сильнѣй. Сулило ему трудъ и горе грядущаго волнуемое море. Но не хочу,—говоритъ онъ,—не хочу, о други, умирать, я жить

¹⁾ См. Зап. Смирновой, у Мережковского выше цит. сочин., стр. 46. Очень пространное и интересное разсужденіе поэта, замѣчательно совпадающее съ выводами Ле-Бона, автора сочиненія „Психологія толпы“.

²⁾ „Капит. дочка“.

³⁾ Стихотвореніе „Деревня“.

⁴⁾ Собр. сочинен. т. IV, 344 стр. VII, 44 и 61.

хочу, *чтобъ мыслить и страдать*.... Это онъ писалъ, по словамъ біографовъ, какъ разъ предъ тѣмъ, когда жакетъбой полагають предѣлъ жизни старой и начинають новую, просвѣтленную. Онъ понялъ *значеніе страданія*, а это значитъ понять и христіанство. И слово его оказалось пророческимъ: страданіями проразумѣлъ онъ смыслъ жизни и, наконецъ, смыслъ смерти; трехдневныя страданія послѣ дуэли окончательно укрѣпили его духъ и сдѣлали его зрѣлымъ для жизни новой, вѣчной.

Но остановимся на краткое время, и отъ его литературныхъ произведеній перейдемъ къ его личности, какъ она являлась наблюдательному взору его лучшихъ и болѣе вдумчивыхъ современниковъ и послѣдующихъ цѣнителей. Здѣсь мы увидимъ опять, что поэзія Пушкина была нераздѣльною отъ его личности и, при его глубокой искренности, сливалась совершенно съ его жизнью.

Пушкинъ всегда производилъ впечатлѣніе огромной умственной силы на всѣхъ его знавшихъ. Это былъ „умъ здравый, живой, трезвый, уравновѣшенный, чуждый всякихъ болѣзненныхъ уклоненій“. (Вл. Соловьевъ). Такимъ въ годы молодости показался онъ Императору Николаю I-му, который послѣ перваго свиданія съ поэтомъ сказалъ: „сегодня я бесѣдовалъ съ самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ въ Россіи“. Такимъ онъ казался лучшимъ русскимъ людямъ — современникамъ его; Гоголь, Вяземскій, Плетневъ, Жуковскій—это все его друзья и почитатели. Иностранцы утверждаютъ то же. Французскій посолъ Барантъ называетъ его „великимъ мыслителемъ“¹⁾; Мицкевичъ говоритъ о немъ: „Пушкинъ удивлялъ слушателей живостью, товкостью и ясностью ума... Рѣчь его, въ которой можно было замѣтить зародыши будущихъ его произведеній, становилась болѣе и болѣе серіозною. Онъ любилъ разбирать великіе *религіозные* и общественные вопросы“²⁾. Но и при такомъ постоянномъ умѣ всѣмъ бросалось въ глаза, что Пушкинъ въ послѣдніе годы какъ то особенно выросъ. Очевидно, то, что вылилось въ его стихотвореніяхъ, — его религіозно философское настроеніе, охватило его всецѣло. «Въ послѣднее время, говоритъ о немъ Гоголь, набрался онъ такъ много русской жизни и говорилъ обо всемъ такъ мѣтко и умно, что хоть записывай каждое слово: оно стоило лучшихъ его стиховъ; но еще замѣчательнѣе было то, что

¹⁾ Зап. Смирновой.

²⁾ Сочин. В. Д. Спасовича. II, 265.

строилось внутри самой души его и готовилось освѣтить предъ нимъ еще больше жизнь». Другой великій писатель, — кроткая, благочестивая и вдумчивая, чистая душа — В. А. Жуковскій, — послѣ одной бесѣды съ Пушкинымъ, оставшись въ кругу друзей, замѣтилъ о немъ: «Какъ Пушкинъ созрѣлъ, и какъ развилось его религиозное чувство! Онъ несравненно болѣе вѣрующій, чѣмъ я». «Я думаю, говоритъ А. О. Смирнова, въ запискахъ которой мы находимъ приведенные отзывы, — я думаю что Пушкинъ серьезно вѣрующій, но онъ про это мало говоритъ. Глинка разсказалъ мнѣ, что онъ засталъ его однажды съ евангеліемъ въ рукахъ, при чемъ Пушкинъ сказалъ ему: «вотъ единственная книга въ мірѣ: въ ней все есть». Вышеупомянутый Барантъ сообщаетъ Смирновой послѣ одного философскаго разговора съ Пушкинымъ: «я и не подозрѣвалъ, что у него такой религиозный умъ, что онъ такъ много размышлялъ надъ евангеліемъ». По словамъ кн. Вяземскаго, поэтъ нашъ находилъ веистощимое наслажденіе въ евангеліи и многіе священные тексты заучивалъ наизусть, «имѣлъ сильное религиозное чувство, былъ проникнутъ красотою многихъ молитвъ (особенно любилъ покаянную великопостную, которую и переложилъ стихами), зналъ ихъ наизусть и часто твердилъ ихъ» ¹⁾. А вотъ благоговѣйный отзывъ Пушкина о святыхъ: «воля создавала, разрушала, преобразовывала... Ничто не можетъ быть интереснѣе исторіи святыхъ, этихъ людей съ чрезвычайно сильною волею... За этими людьми шли, ихъ поддерживали, но первое слово всегда было сказано ими» ²⁾. Съ этими словами, которые дошли до насъ въ запискахъ современницы — почитательницы Пушкина, вполне согласуются оставшіяся черновыя рукописи поэта; изъ нихъ мы видимъ, что Пушкинъ въ концѣ жизни тщательно изучалъ житія святыхъ — Четинъ Минеи и Прологъ, откуда дѣлалъ выписки, переложенія и проч.

Въ 1835 году онъ принимаетъ участіе и совѣтомъ и самымъ дѣломъ въ составленіи «Словаря историческаго о святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви», а въ слѣдующемъ году даетъ объ этомъ словарѣ отчетъ въ своемъ журналѣ («Современникъ»); здѣсь онъ дѣлаетъ краткій обзоръ нашей литературы этого рода и высказываетъ удивленіе по тому поводу, что есть люди, не имѣю-

¹⁾ П. Анненковъ: „А. С. Пушкинъ“. Матеріалы для біографіи. Стр. 373—379.

²⁾ Записки Смирновой.

щіе никакого понятія о жизни святого, имя котораго носятъ отъ купели до могилы. Замѣчательнѣе по глубинѣ и разумнѣю духа библейской религіозной морали отзывъ Пушкина о пророкѣ Моисей. Личность Моисея всегда поражала и привлекала его; «это пророкъ, царящій надъ всей исторіей народа израильскаго и возвышающійся надъ всѣми людьми. Моисей великъ въ совершенно другомъ родѣ, чѣмъ греческій Прометей. Онъ не возстаетъ противъ Вѣчнаго, онъ твердитъ Его волю, онъ участвуетъ въ дѣлахъ Божественнаго Промысла.... Онъ видитъ Бога лицомъ къ лицу. И умираетъ онъ одинъ предъ лицомъ Всевышняго»¹⁾). Уразумѣвъ съ этой стороны сущность и величіе библейской нравственности въ исполненіи Вышей воли, поэтъ уразумѣлъ и другую близкую истину христіанства — ученіе о глубокой поврежденности человѣческой воли, — о первородномъ грѣхѣ и силѣ зла. Бесѣдуя однажды о философскомъ значеніи библейскаго образа духа тьмы, искушителя, Пушкинъ замѣтилъ: «суть въ нашей душѣ, въ нашей совѣсти и въ обаяніи зла. Это обаяніе было бы необъяснимо, если бы зло не было одарено иногда прекрасной и пріятной внѣшностью»²⁾). Объ этой сторонѣ зла и самъ поэтъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній говоритъ: «сомнительный и живой идеалъ, волшебный демонъ — живой, но прекрасный».

Намъ остается теперь сказать о смерти поэта, которая завершила его правственное перерожденіе. Кто хочетъ знать объ этомъ захватывающія подробности, того мы отсылаемъ къ неподобному по глубинѣ мысли и чувства разсказу Жуковскаго, друга Пушкина, и свидѣтеля его трехдневной предсмертной агоніи. Нельзя читать безъ глубокаго умиленія, какъ терпѣливо переносилъ поэтъ свои ужасныя страданія, о чемъ говорилъ, какъ щадилъ покой домашнихъ, какъ благословлялъ дѣтей, какъ готовился къ смертному исходу. Умирая, онъ выразилъ желаніе получить послѣднее христіанское напутство въ исповѣди и причащеніи, отъ чего, мы знаемъ, не отказывался онъ и раньше. «За кѣмъ прикажете послать?» — спросили его. Онъ отвѣчалъ: „Возьмите перваго ближайшаго священника“. Между тѣмъ начались его ужасныя страданія. Боль отъ полученной раны возросла до высочайшей степени; то была настоящая пытка. Лицо страждущаго измѣнилось; взоръ его сдѣлался дикъ; казалось,

¹⁾ Зап. Смирновой.

²⁾ Тамъ же.

глаза его готовы были выскочить изъ своихъ оубить; чело покрывлось холоднымъ потомъ; руки охолодѣли; пульса какъ не бывало. Больной испытывалъ ужасную муку, и здѣсь-то необыкновенная твердость его души раскрылась въ полной мѣрѣ. Готовый вскрикнуть, онъ удерживался, боясь обезпокоить близкихъ.... Когда боли утихли, началась послѣдняя исповѣдь и предсмертное причащеніе. По словамъ кн. Вяземскаго, священникъ—совершитель таинства «со слезами говорилъ ему о благочестіи, съ коимъ умирающій исполнилъ долгъ христіанскій». «Трехдневный смертельный недугъ, разрывая связь его съ житейской злобой и суетою, но не лишая его ясности и живости сознанія, освободилъ его нравственныя силы и позволилъ ему внутреннимъ авторъ воли перерѣшить для себя жизненный вопросъ въ истинномъ смыслѣ. Что передъ смертью въ немъ дѣйствительно совершилось духовное возржденіе, это сейчасъ было замѣчено близкими людьми»¹⁾. «Особенно замѣчательно то,—пишетъ Жуковскій,—что въ эти послѣдніе часы жизни онъ какъ будто сдѣлался иной: буря, которая за нѣсколько часовъ волновала его душу, исчезла. не оставивъ на ней слѣда; ни слова, ни воспоминанія о случившемся». «Но это не было потею памяти, а внутреннимъ повышеніемъ и очищеніемъ нравственнаго сознанія. Когда его тогдашнъ и секундантъ (на дуэли),—рассказываетъ кн. Вяземскій,—желая вывѣдать, въ какихъ чувствахъ умираетъ онъ къ Геккерну» спросилъ его,—то Пушкинъ отвѣчалъ: «Требую, чтобы ты не мстилъ за мою смерть; прошая ему *и хочу уметь христіаниномъ*».

Жуковскій такъ описываетъ первыя минуты послѣ смерти поэта: «Когда всѣ ушли, я сѣлъ передъ нимъ и долго смотрѣлъ ему въ лицо. Никогда на этомъ лицѣ я не видалъ ничего подобнаго тому, что было на немъ въ эту первую минуту смерти. Что выражалось на его лицѣ, я сказать словами не умѣю. Оно было для меня такъ ново, и въ то же время такъ знакомо. Это не было ни сонъ, ни покой; не было выраженіе ума, столь пржде свойственное этому лицу, не было также и выраженіе поэтическое. Нѣтъ, какая-то важная, удивительная мысль на немъ разливалась, что-то похожее на видѣніе, на какое-то *полное, глубоко-удовлетворяющее знаніе*»....

Трехдневнымъ страданіемъ, трехдневнымъ этимъ крестомъ совершилось до конца его нравственное созрѣваніе и перерожденіе, какъ нѣкогда на Голгоѣ совершилось перерожденіе распятаго съ

¹⁾ Вл. Соловьевъ. „Судьба Пушкина“.

Иисусомъ послѣ покаянной молитвы. Мы видимъ здѣсь окончательное торжество духа въ немъ и его примиреніе съ Богомъ.

«Я увѣряю,—говорить Жуковский,—что никогда на лицѣ его не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, таилась въ немъ и прежде, будучи свойственна его высокой природѣ; но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда все земное отдѣлилось отъ него съ прикосновеніемъ смерти. Таковъ былъ конецъ *нашего Пушкина*».

Нашъ Пушкинъ умеръ рано; умеръ не въ ослабленіи мысли и дѣятельности, не уставшій отъ жизни, не изжившій своего ума и энергіи; умеръ, еще будучи въ состояніи совершить гораздо болѣе того,⁶ чѣмъ сколько онъ сдѣлалъ. «Пушкинъ—выше своихъ произведеній»; «наиболѣе совершенныя его созданія не даютъ полной мѣры его силъ». Такова точка зрѣнія литературной критики. Но мы, поминая поэта, поминаемъ въ немъ человѣка-христіанина. Съ этой точки зрѣнія, жизнь человѣка цѣнится не количественно, а качественно, и моментъ смерти—есть дѣло Божьяго Провидѣнья. Поживъ вма⁶лѣ, исполнь лѣта долга... Отъ Господа исправляются стопы мужу...

Поэзія, эта «религія небесной сестра земная, лѣкарство душъ, безвѣріемъ крушимыхъ» привела Пушкина «къ нетлѣнной той завѣсѣ, которою предъ нами горній міръ задернуть»¹⁾, въ то время, когда душа его созрѣла въ христіанскомъ смыслѣ окончательно, когда путь земного очищенія имъ былъ пройденъ. Даль бы поэтъ еще намъ что-либо великое, и что именно, или ужъ не могъ дать,—это, собственно, вопросъ ненужный, бесполезный. Но то, что онъ оставилъ по себѣ, то, чѣмъ онъ самъ былъ въ своихъ воззрѣніяхъ, въ своей личности, въ своей смерти,—даетъ намъ залогомъ для свѣтлыхъ христіанскихъ чаяній и упованій. Онъ вѣчному служилъ. Пусть же въ памяти нашей сохранится изъ жизни и дѣятельности поэта только то, что, по существу своему, достойно вѣчности: не слабости, увлеченія и паденія, а то, въ чемъ выражается вѣчная нравственная природа духа. Пусть то, что сѣялъ онъ въ плоть—по немощи, по грѣховности—отъ плоти пожнетъ смерть и тлѣніе, и въ памяти людской пусть будетъ забыто и похоронено. А то, что сѣялъ онъ въ духъ—разумное, духовное, вѣчное—пусть склонитъ къ нему

¹⁾ Слова В. А. Жуковского.

XX

милость Превѣчнаго, пусть отъ духа ему пожнетъ жизнь вѣчную и среди людей дастъ ему *вѣчную память!* Аминь.

Священникъ *Иоаннъ Восторговъ*

11 мая 1899 года.

Г. Тифлисъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ АРЗРУМЪ

Во время похода 1829 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Недавно попалась мнѣ въ руки книга, напечатанная въ Парижѣ въ прошломъ 1834 году подъ названіемъ: «Voyage en Orient entrepris par ordre du Gouvernement Français». Авторъ, по своему описывая походъ 1829 года. оканчиваетъ свои разсужденія слѣдующими словами:

Un poëte distingué par son imagination a trouvé dans tant de hauts faits dont il a été témoin, non le sujet d'un poëme, mais celui d'une satire.

Изъ поэтовъ, бывшихъ въ турецкомъ походѣ, зналъ я только объ А. С. Хомяковѣ и объ А. Н. Муравьевѣ. Оба находились въ арміи графа Дибича. Первый написалъ въ то время нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній, второй обдумывалъ свое «Путешествіе къ святымъ мѣстамъ», произведшее столь сильное впечатлѣніе. Но я не читалъ никакой сатиры на арзрумскій походъ.

Никакъ-бы я не могъ подумать, что дѣло здѣсь идетъ обо мнѣ, если бы въ этой самой книгѣ не нашелъ я своего имени между именами генераловъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Parmi les chefs qui la commandaient (l'armée du Prince Paskévitch) on distinguait le Général Mouravief.. le Prince Georgien Tsitsevaze... le Prince Armenien Beboutof.. le Prince Potemkine, le Général Raiewsky, et enfin—M. Pouchkine... qui avait quitté la capitale pour chanter les exploits de ses compatriotes.

Признаюсь: эти строки французскаго путешественника, не смотря на лестные эпитеты, были мнѣ гораздо досаднѣе, нежели брань русскихъ журналовъ. Искать вдохновенія всегда казалось мнѣ смѣшной и нелѣпой причудою: вдохновенія не сыщешь; оно само должно найти поэта. Пріѣхать на войну съ тѣмъ, чтобъ воспѣвать будущіе подвиги, было-бы для меня съ одной стороны слишкомъ самолю-

биво, а съ другой слишкомъ непристойно. Я не вмѣшиваюсь въ военныя сужденія. Это не мое дѣло. Можетъ быть, смѣлый переходъ черезъ Сагань-Лу, движеніе, коимъ графъ Паскевичъ отрѣзалъ сераскира отъ Османъ-паши, пораженіе двухъ непріятельскихъ корпусовъ въ теченіе однѣхъ сутокъ, быстрый походъ къ Арзруму—все это, увѣнчанное полнымъ успѣхомъ, можетъ быть, и чрезвычайно достойно похвалы въ глазахъ военныхъ людей (каковы, напримѣръ, г. купеческій консулъ Фонтань, ¹) авторъ «Путешествія на Востокъ»), но я устыдился бы писать сатиры на прославленнаго полководца, ласково принявшаго меня подъ сѣнь своего шатра и находившаго время посреди своихъ великихъ заботъ оказывать мнѣ лестное вниманіе. Человѣкъ, не имѣющій нужды въ покровительствѣ сильныхъ, доводитъ ихъ радшіемъ и гостепрѣимствомъ, ибо иного отъ нихъ не можетъ и требовать. Обвиненіе въ неблагодарности не должно быть оставлено безъ возраженія, какъ ничтожная критика или литературная брань. Вотъ почему рѣшился я напечатать это предисловіе и выдать свои путевыя записки, какъ все, что мною было написано о походѣ 1829 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Степи. Калмыцкая кибитка. Кавказскія воды. Военная грузинская дорога. Владикавказъ. Осетинскія похороны. Терекъ. Даріальское ущелье. Переѣздъ чрезъ снѣговья горы Первый взглядъ на Грузію. Водопротокъ. Хозревя-мирза. Душетскій городничій.

15 мая. Георгіевскъ.

Изъ Москвы поѣхалъ я (1-го мая) на Калугу, Бѣлевъ и Орелъ и сдѣлалъ такимъ образомъ двѣсти верстъ лишнихъ, за то увидѣлъ Ермолова. Онъ живетъ въ Орлѣ, близъ котораго находится его деревня. Я пріѣхалъ къ нему въ 8 часовъ утра и не засталъ его дома. Извозчикъ мой сказалъ мнѣ, что Ермоловъ ни у кого не бываетъ, кромѣ какъ у отца своего, простого, набожнаго старика; что онъ не принимаетъ однихъ только городскихъ чиновниковъ, а что всякому другому доступъ свободенъ. Черезъ часъ я снова къ нему пріѣхалъ. Ермоловъ принялъ меня съ обыкновенною своею любезностію. Съ перваго взгляда я не нашель въ немъ ни малѣйшаго сходства съ его портретами, писанными обыкновенно профилемъ. Лицо круглое, огненные сѣрые глаза, сѣдые волосы дыбомъ. Голова тигра на Геркулесовомъ торсѣ. Улыбка неприятная, потому что неестественна. Когда же онъ задумывается и хмурится, то онъ становится прекрасенъ и разительно напоминаетъ поэтическій портретъ, писанный Довомъ. Онъ былъ въ зеленомъ черкесскомъ чекменѣ. На стѣнахъ его кабинета висѣли шашки и кинжалы—памятники его владычества на Кавказѣ. Онъ, повидимому, нетерпѣливо сноситъ свое бездѣйствіе. Нѣсколько разъ принимался онъ говорить о Паскевичѣ и всегда язвительно: говоря о легкости его побѣдъ, онъ сравнивалъ его съ Навиномъ, предъ которымъ стѣны падали отъ трубнаго звука, и называлъ графа Эриванскаго—графомъ Эрихонскимъ. «Пускай нападетъ онъ,—говорилъ Ермоловъ:—на пашу не умнаго, не искуснаго, но только упрямаго, напимѣръ на пашу, начальствовавшего въ Шумлѣ,—и Паскевичъ пропалъ». Я передалъ Ермолову слова гр. Толстого, что Паскевичъ такъ хорошо дѣйствовалъ въ

персидскую кампанію, что умному человѣку осталось бы только дѣйствовать похуже, чтобы отличиться отъ него. Ермоловъ засмѣялся, но не соглашался. «Можно было бы сберечь людей и издержки», сказалъ онъ. Думаю, что онъ пишетъ, или хочетъ писать свои записки. Онъ недоволенъ исторіей Карамзина: онъ желалъ бы, чтобы пламенное перо изобразило переходъ русскаго народа отъ ничтожества къ славѣ и могуществу. О запискахъ кн. Курбскаго говорилъ онъ соп аште. Нѣмцамъ досталось. «Лѣтъ черезъ 50,—сказалъ онъ:—подумаютъ, что въ нынѣшнемъ походѣ была вспомогательная прусская или австрійская армія, предводительствуемая такими-то нѣмецкими генералами». Я пробылъ у него часа два; ему было досадно, что онъ не помнилъ моего полного имени. Разговоръ нѣсколько разъ касался литературы. О стихахъ Грибоѣдова говоритъ онъ, что отъ ихъ чтенія скулы болятъ. О правительствѣ и политикѣ не было ни слова.

Мнѣ предстоялъ путь черезъ Курскъ и Харьковъ, но я своротилъ на прямую тифлисскую дорогу, жертвуя хорошимъ обѣдомъ въ курскомъ трактирѣ (что не бездѣлица въ нашихъ путешествіяхъ) и не любопытствуя посѣтить харьковскій университетъ, который не стоитъ курской рестораціи. До Ельца дороги ужасны. Нѣсколько разъ коляска моя вязла въ грязи, достойной грязи одесской. Мнѣ случалось въ цѣлые сутки проѣхать не болѣе 50 верстъ. Смогря на маневры ямщиковъ, я со скуки пародировалъ американца Купера въ его описаніяхъ морскихъ эволюцій. Наконецъ, воронежскія степи оживили мое путешествіе. Я свободно покатился по зеленой равнинѣ и благополучно прибылъ въ Новочеркасскъ, гдѣ нашелъ гр. Вл. Пушкина²⁾, также ѣдущаго въ Тифлисъ. Я сердечно ему обрадовался, и мы согласились путешествовать вмѣстѣ. Онъ ѣдетъ въ огромной бричкѣ. Это родъ укрѣпленнаго мѣстечка; мы ее прозвали Отрадною. Въ сѣверной ея части хранятся вина и съѣстные припасы; въ южной—книги, мундиры, шляпы etc. etc. Съ западной и восточной стороны она защищена ружьями, пистолетами, мушкетонами, саблями и проч. На каждой станціи выгружается часть сѣверныхъ запасовъ, и такимъ образомъ мы проводимъ время какъ нельзя лучше.

Переходъ отъ Европы къ Азіи дѣлается часть отъ часу чувствительнѣе: лѣса исчезаютъ, холмы сглаживаются, трава густѣетъ и являетъ большую силу растительности; показываются птицы,

невѣдомыя въ нашихъ лѣсахъ; орлы сидятъ на кочкахъ, означающихъ большую дорогу, какъ будто на стражѣ, и гордо смотрятъ на путешественника. Калмыки располагаются около станціонныхъ хатъ У кибитокъ ихъ пасутся уродливыя, косматыя козы, знакомыя вамъ по прекраснымъ рисункамъ Орловскаго.

Надняхъ посѣтилъ я калмыцкую кибитку (клѣтчатный плетень, обтянутый бѣлымъ войлокомъ). Все семейство собиралось завтракать; котель варился посрединѣ, и дымъ выходилъ въ отверстіе, сдѣланное въ верху кибитки. Молодая калмычка, собою очень не дурная, шила, куря табакъ. Я сѣлъ подлѣ нея. «Какъ тебя зовутъ?»—***—«Сколько тебѣ лѣтъ?»—Десять и восемь.—«Что ты шьешь?»—Портка.—«Кому?»—Себя.—Она подала мнѣ свою трубку и стала завтракать. Въ котлѣ варился чай съ бараньимъ жиромъ и солью. Она предложила мнѣ свой ковшикъ. Я не хотѣлъ отказаться и хлебнулъ, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже. Я попросилъ чѣмъ-нибудь заѣсть. Мнѣ дали кусочекъ сушеной кобылятины; я былъ и тому радъ. Калмыцкое кокетство испугало меня: я поскорѣе выбрался изъ кибитки и поѣхалъ отъ степной Цирцеи.

Въ Ставрополѣ увидѣлъ я на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры ровно за девять лѣтъ. Очи были всѣ тѣ же, все на томъ же мѣстѣ. Это—снѣжныя вершины кавказской цѣпи.

Изъ Георгіевска я заѣхалъ на Горячія воды. Здѣсь нашель большую перемѣну. Въ мое время ванны находились въ лачужкахъ, наскоро постренныхъ. Источники, большей частью въ перво-бытномъ своемъ видѣ, били, дымилась и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлыя и красноватыя слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ коры или дномъ разбитой бутылки. Нынче выстроены великолѣпныя ванны и дома. Бульваръ, обсаженный липками, проведенъ по склоненію Машука. Вездѣ чистенькія дорожки, зеленая лавочки, правильные цвѣтники, мостики, павильоны. Ключи обдѣланы, выложены камнемъ; на стѣнахъ ваннъ прибиты предписанія отъ полиціи; вездѣ порядокъ, чистота, красивость...

Признаюсь, кавказскія воды представляютъ нынѣ болѣе удобностей; но мнѣ было жаль прежняго дикаго состоянія; мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ тропинокъ, кустарниковъ и неогорожен-

ныхъ пропастей, надъ которыми, бывало, я карабкался Съ грустью оставилъ я воды и отправился обратно въ Георіевскъ. Скоро настала ночь. Чистое небо усыялось милліонами звѣздъ; я ѣхалъ берегомъ Подкумка. Здѣсь, бывало, сиживалъ со мною Ал. Раевскій, прислушиваясь къ мелодіи водъ. Величавый Бешту чернѣе и чернѣе рисовался въ отдаленіи, окруженный горами, своими вассалами, и наконецъ исчезъ во мракѣ...

На другой день мы отправились далѣе и прибыли въ Екатериноградъ, бызшій нѣкогда намѣстническимъ городомъ.

Мая 22. Владикавказъ.

Съ Екатеринограда ³⁾ начинается военная грузинская дорога: почтовый трактъ прекращается. Нанимаютъ лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачій и пѣхотный и одна пушка. Почта отправляется два раза въ недѣлю, и проѣзжіе присоединяются къ ней: это называется оказіей. Мы дожидались недолго. Почта пришла на другой день, и на третье утро, въ 9 часовъ, мы были готовы отправиться въ путь. На сборномъ мѣстѣ соединился весь караванъ, состоявшій изъ пятисотъ человекъ или около. Пробыли въ барабанъ. Мы тронулись. Впередъ поѣхала пушка, окруженная пѣхотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдатокъ, переѣзжающихъ изъ одной крѣпости въ другую; за ними заскрипѣлъ обозъ двухколесныхъ аробъ. По сторонамъ бѣжали конскіе табуны и стада воловъ. Около нихъ скакали ногайскіе проводники въ буркахъ и съ арканами. Все это сначала мнѣ очень нравилось, но скоро надоѣло. Пушка ѣхала шагомъ, фитиль курился, и солдаты раскуривали имъ трубки. Медленность нашего похода (въ первый день мы прошли только пятнадцать верстъ), несносная жаръ, недостатокъ припасовъ, безпокойные ночлеги, наконецъ непрерывный скрипъ ногайскихъ аробъ выводили меня изъ терпѣнія. Татары тщеславятся этимъ скрипомъ, говоря, что они разѣзжаютъ какъ честные люди, не имѣющіе нужды укрываться. На сей разъ пріятнѣе было бы мнѣ путешествовать не въ столь почтенномъ обществѣ. Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонамъ холмы. На краю неба—вершины Кавказа, кажлый день являющіяся выше и выше. Крѣпости, достаточныя для здѣшняго края, со рвомъ, когорый каждый изъ насъ перепрыгнулъ бы въ старину не разбѣгаясь, с-

заржавѣвшими пушками, не стрѣлявшими со времени графа Гудовича, съ обрушеннымъ валомъ, по которому бродить гарнизонъ курицъ и гусей. Въ крѣпостяхъ нѣсколько лажучекъ, гдѣ съ трудомъ можно достать десятокъ яицъ и кислаго молока.

Первое замѣчательное мѣсто есть крѣпость Минаретъ ⁴⁾. Приближаясь къ ней, нашъ караванъ ѣхалъ по прелестной доли нѣ, между курганами, обросшими липой и чинаромъ. Это могилы нѣсколькихъ тысячъ умершихъ чумою. Пестрѣлись цвѣты, порожденные зараженнымъ пепломъ. Справа сіялъ снѣжный Кавказъ; впереди возвышалась огромная, лѣсистая гора, за нею находилась крѣпость; кругомъ ея видны были слѣды разореннаго аула, называвшагося Татартубомъ и бывшаго нѣкогда главнымъ въ Большой Кабардѣ. Легкій, одинокій минаретъ свидѣтельствуетъ о бытіи исчезнувшаго селенія. Онъ стройно возвышается между горами камней, на берегу иссохшаго потока. Внутренняя лѣстница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, съ которой уже не раздается голось муллы. Тамъ нашелъ я нѣсколько неизвѣстныхъ именъ, нацарапанныхъ на кирпичахъ славобивыми путешественниками.

Дорога наша сдѣлалась живописна. Горы тянулись надъ нами. На ихъ вершинахъ ползали чуть видимыя стада и казались насѣкомыми. Мы различили и пастуха, быть можетъ русскаго, нѣкогда взятаго въ плѣнъ и составившагося въ невольѣ. Мы встрѣтили еще курганы, еще развалины. Два-три надгробныхъ памятника стояли на краю дороги. Тамъ, по обычаю черкесовъ, похоронены ихъ наѣзники. Татарская надпись, изображеніе шашки, танга ⁵⁾, изсѣченныя на камнѣ, оставлены хищнымъ внукамъ въ память хищнаго предка.

Черкесы насъ ненавидятъ. Мы вытѣснили ихъ изъ привольныхъ пастбищъ; аулы ихъ разорены, цѣлыя племена уничтожены. Они часъ отъ часу далѣе углубляются къ горы и оттуда направляютъ свои набѣги. Дружба мирныхъ ⁶⁾ черкесовъ ненадежна; они всегда готовы помочь буйнымъ своимъ единоплеменникамъ. Духъ дикаго ихъ рыцарства замѣтно упалъ. Они рѣдко нападаютъ въ равномъ числѣ на казаковъ, никогда на пѣхоту, и бѣгутъ, завидя пушку. За то никогда не пропускаютъ случая напасть на слабый отрядъ или на беззащитнаго. Почти нѣтъ никакого способа ихъ усмирить, пока ихъ не обезоружатъ, какъ

обезоружили крымскихъ татаръ, что чрезвычайно трудно исполнить, по причинѣ господствующихъ между ими наслѣдственныхъ распрей и мщенія крови. Кинжалъ и шашка суть члены ихъ тѣла, и младенецъ начинаетъ владѣть ими прежде, нежели лепетать. У нихъ убійство—простое тѣлодвиженіе. Плѣнниковъ они сохраняютъ въ надеждѣ на выкупъ, но обходятся съ ними съ ужаснымъ безчеловѣчіемъ, заставляютъ работать сверхъ силъ, кормятъ сырымъ тѣстомъ, бьютъ, когда вздумается, и приставляютъ къ нимъ для сгражи своихъ мальчишекъ, которые за одно слово въ правѣ ихъ изрубить своими дѣтскими шашками. Недавно поймали мирного черкеса, выстрѣлившаго въ солдата. Онъ оправдывался тѣмъ, что ружье его слишкомъ долго было заряжено. Чго дѣлать съ такимъ народомъ? Должно, однакожь, надѣяться, что приобрѣтеніе восточнаго края Чернаго Моря, отрѣзавъ черкесовъ отъ торговли съ Турціей, принудитъ ихъ съ нами сблизиться. Вліяніе роскоши можетъ благопріятствовать ихъ укрощенію: самоваръ былъ бы важнымъ нововведеніемъ. Есть, наконецъ, средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе евангелія; но объ этомъ средствѣ Россія доннѣ и не подумала. Терпимость сама по себѣ вещь очень хорошая, но развѣ апостольство съ ней несомѣстно? Развѣ истина дана намъ для того, чтобъ скрывать ее подъ спудомъ? Мы окружены народами, пресмыкающимися во мракѣ дѣтскихъ заблужденій, и никто еще изъ насъ не думалъ препоясаться и идти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братіямъ, лишеннымъ доннѣ свѣта истиннаго. Такъ ли исполняемъ мы долгъ христіанства? Кто изъ насъ, мужъ вѣры и смиренія, уподобится святымъ старцамъ, скитавшимся по пустынямъ Африки, Азіи и Америки, въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленнымъ теплымъ усердіемъ? Какая награда ихъ ожидаетъ?—Обращеніе престарѣлаго рыбака, или странствующаго семейства дикихъ, или мальчика, а затѣмъ нужда, голодъ, мученическая смерть. Кажется, для нашей холодной лѣности легче, взамѣнъ слова живого, выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, незнающимъ грамоты, чѣмъ подвергаться трудамъ и опасностямъ, по примѣру древнихъ апостоловъ и новѣйшихъ римско-католическихъ миссіонеровъ. Мы умѣемъ спокойно въ великолѣпныхъ храмахъ блестѣть велерѣчіемъ.

Мы читаемъ свѣтскія книги и важно находимъ въ суетныхъ произведеніяхъ выраженія предосудительныя. Предвижу улыбку на многихъ устахъ. Многіе, сближая мои коллекціи стиховъ съ черкесскимъ негодованіемъ, подумаютъ, что не всякій имѣетъ право говорить языкомъ высшей истины. Я не такого мнѣнія. Истина, какъ добро Мольера, тамъ и берется, гдѣ попадаетъ.—Черкесы очень недавно приняли магометанскую вѣру. Они были увлечены дѣятельнымъ фанатизмомъ апостоловъ корана, между коими отличался Мансуръ⁷⁾, человѣкъ необыкновенный, долго возмущавшій Кавказъ противъ русскаго владычества, наконецъ схваченный нами и умершій въ Соловецкомъ монастырѣ. Кавказъ ожидаетъ христіанскихъ миссіонеровъ.

Мы достигли Владикавказа, прежняго Капъ-коя⁸⁾, преддверія горъ. Онъ окруженъ осетинскими аулами. Я посѣтилъ одинъ изъ нихъ и попалъ на похороны. Около сакли толпился народъ. На дворѣ стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершаго съѣзжались со всѣхъ сторонъ и съ громкимъ плачемъ шли въ саклю, ударяя себя кулаками въ лобъ. Женщины стояли смиренно. Мертвеца вынесли на буркѣ...

... like a warrior taking his rest
With his martial cloak around him,

положили его на арбу. Одинъ изъ гостей взялъ ружье покойника, сдулъ съ полки порохъ и положилъ его подлѣ тѣла. Волы тронулись. Гости поѣхали слѣдомъ. Тѣло должно было быть похоронено въ горахъ, верстахъ въ тридцати отъ аула. Къ сожалѣнію, никто не могъ объяснить мнѣ сихъ обрядовъ.

Осетинцы самое бѣдное племя изъ народовъ, обитающихъ на Кавказѣ; женщины ихъ прекрасны и, какъ слышно, очень благосклонны къ путешественникамъ. У воротъ крѣпости встрѣтилъ я жену и дочь заключеннаго осетинца. Онѣ несли ему обѣдъ. Обѣ казались спокойны и смѣлы; однакожь, при моемъ приближеніи, обѣ потупили голову и закрылись своими изодранными чадрами. Въ крѣпости видѣлъ я черкесскихъ аманатовъ⁹⁾, рѣзвыхъ и красивыхъ мальчиковъ. Они поминутно проказятъ и бѣгаютъ изъ крѣпости. Ихъ держатъ въ жалкомъ положеніи. Они ходятъ въ лохмотьяхъ, полунагіе, и въ отвратительной нечистотѣ. На иныхъ видѣлъ я деревянные колодки. Вѣроятно, что

аманаты, выпущенные на волю, не жалѣютъ о своемъ пребываніи въ Владикавказѣ.

Пушка оставила насъ. Мы отправились съ пѣхотой и казаками. Кавказъ насъ принялъ въ свое святилище. Мы услышали глухой шумъ и увидѣли Терекъ, разливающийся по разнымъ направлениямъ. Мы поѣхали по его лѣвому берегу. Шумныя волны его приводятъ въ движеніе колеса низенькихъ осетинскихъ мельницъ, похожихъ на собачьи конуры. Чѣмъ далѣе углублялись мы въ горы, тѣмъ уже становилось ущелье. Стѣсненный Терекъ съ ревомъ бросаетъ свои мутныя волны черезъ утесы, преграждающіе ему путь. Ущелье извивается вдоль его теченія. Каменные подошвы горъ обточены его волнами. Я шелъ пѣшкомъ и поминутно останавливался, пораженный мрачною прелестью природы. Погода была пасмурная; облака тяжело тянулись около черныхъ вершинъ. Графъ Пушкинъ и Ш. ¹⁰, смотря на Терекъ, вспоминали Иматру и отдавали преимущество рѣкѣ, на сѣверѣ гремящей ¹¹). Но я ни съ чѣмъ не могъ сравнить мнѣ предстоящаго зрѣлища.

Не доходя до Ларса, я отсталъ отъ конвоя, засмотрѣвшись на огромныя скалы, между которыми хлещетъ Терекъ съ яростью неизъяснимой. Вдругъ бѣжитъ ко мнѣ солдатъ, крича издали: не останавливайтесь, в. б., убьютъ! Это предостереженіе съ непривычки показалось мнѣ чрезвычайно страннымъ. Дѣло въ томъ, что осетинскіе разбойники, безопасные въ эгомъ узкомъ мѣстѣ, стрѣляютъ черезъ Терекъ въ путешественниковъ. Наканунѣ нашего перехода, они напали такимъ образомъ на генерала Бековича ¹²), проскакавшаго сквозь ихъ выстрѣлы. На скалѣ видны развалины какого-то замка: онѣ облѣплены саклями мирныхъ осетинцевъ, какъ будто гнѣздами ласточекъ.

Въ Ларсѣ остановились мы ночевать. Тутъ нашли мы путешественника француза, который напугалъ насъ предстоящею дорогой. Онъ совѣтовалъ намъ бросить экипажи въ Коби и ѣхать верхомъ. Съ нимъ выпили мы въ первый разъ кахетинскаго вина изъ вонючаго бурдюка, вспоминая пированія Иліады:

„И въ козихъ мѣхахъ вино, отраду нашу!“

Здѣсь нашель я измаранный списокъ Кавказскаго плѣнника и, признаюся, перечель его съ большимъ удоволь-

ствіемъ. Все это слабо, молодо, неполно, но многое угадано и выражено вѣрно.

На другой день поутру отправились мы далѣе. Турецкіе плѣнники разработывали дорогу. Они жаловались на пищу, имъ выдаваемую. Они никакъ не могли привыкнуть къ русскому черному хлѣбу. Это напоминало мнѣ слова моего пріятеля Ш. по возвращеніи его изъ Парижа: «Худо, братъ, жить въ Парижѣ; ѣсть нечего; чернаго хлѣба не допросишься!»

Въ семи верстахъ отъ Ларса находится Даріальскій постъ. Ущелье носитъ то же имя. Скалы съ обѣихъ сторонъ стоятъ параллельными стѣнами. Здѣсь такъ узко, пишеть одинъ путешественникъ, что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тѣсноту. Клочекъ неба, какъ лента, синѣеть надъ вашей головою. Ручьи, падающіе съ горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мнѣ похищеніе Ганимеда, странную картину Рембрандта. Къ тому же и ущелье освѣщено совершенно въ его вкусѣ. Въ иныхъ мѣстахъ Терекъ подмываетъ самую подошву скалъ, и на дорогѣ, въ видѣ плотины, навалены камни. Недалеко отъ поста мостикъ смѣло переброшенъ черезъ рѣку. На немъ стоишь, какъ на мельницѣ. Мостикъ весь такъ и трясется, а Терекъ шумитъ, какъ колеса, движущія жерновъ. Противъ Даріала, на крутой скалѣ, видны развалины крѣпости. Преданіе гласитъ, что въ ней скрывалась какая-то царица Дарія, давшая имя свое ущелью: сказка. Даріаль на древнемъ персидскомъ языкѣ значить ворота. По свидѣтельству Плинія, Кавказскія врата, ошибочно называемыя Каспійскими, находились здѣсь. Ущелье замкнуто было настоящими воротами, деревянными, окованными желѣзомъ. Подъ ними, пишетъ Плиній, течетъ рѣка Диріодорисъ. Тутъ была воздвигнута и крѣпость для удержанія набѣговъ дикихъ племенъ, и проч. (см. Путешествіе графа И. Потоцкаго, коего ученія изысканія столь же занимательны, какъ и испанскіе романы.)

Изъ Даріала отправились мы къ Казбеку. Мы увидѣли Троицкія ворота (арка, образованная въ скалѣ взрывомъ пороха); подъ ними шла нѣкогда дорога, а нынѣ протекаетъ Терекъ, часто мѣняющій свое русло.

Недалеко отъ селенія Казбекъ, переѣхали мы черезъ Бѣшеную Балку, оврагъ, во время сильныхъ дождей превращаю-

щійся въ яростный потокъ. Онъ въ это время былъ совершенно сухъ и громокъ однимъ своимъ именемъ.

Деревня Казбекъ находится у подошвы горы Казбекъ и принадлежит князю Казбеку. Князь, мужчина лѣтъ сорока-пяти, ростомъ выше преображенскаго флигельмана. Мы нашли его въ духанѣ (такъ называются грузинскія харчевни, которыя гораздо бѣднѣе и не чище русскихъ). Въ дверяхъ лежалъ пузатый бурдюкъ (воловій мѣхъ), растопыря свои четыре ноги. Великанъ тянулъ изъ него чихирь и сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, на которые отвѣчалъ я съ почтеніемъ, подобаемымъ его званію и росту. Мы разстались большими пріятелями.

Скоро притупляются впечатлѣнія. Едва прошли сутки, и уже ревъ Терека и его безобразные водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего вниманія. Нетерпѣніе доѣхать до Тифлиса исключительно овладѣло мною. Я столь же равнодушно ѣхалъ мимо Казбека, какъ нѣкогда плылъ мимо Чатырдага. Правда и то, что дождливая и туманная погода мѣшала мнѣ видѣть его снѣговую гряду, но выраженію поэта, подпирющую небосклонъ.

Ждали персидскаго принца. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Казбека попались намъ на встрѣчу нѣсколько колясокъ и затруднили узкую дорогу. Покамѣстъ экипажи разѣзжались, конвойный офицеръ объявилъ намъ, что онъ провожаетъ придворнаго персидскаго поэта, и, по моему желанію, представилъ меня Фазиль-хану¹³⁾. Я, съ помощію переводчика, началъ было высокопарное восточное привѣтствіе; но какъ же мнѣ стало совѣсно, когда Фазиль-ханъ отвѣчалъ на мою неумѣстную затѣйливость простою, умной учтивостью порядочнаго человѣка! «Онъ надѣялся увидѣть меня въ Петербургѣ; онъ жалѣлъ, что знакомство наше будетъ непродолжительнымъ», и проч. Со стыдомъ принужденъ я былъ оставить важно-шутливый тонъ и сѣхалъ на обыкновенныя европейскія фразы. Вотъ урокъ нашей русской насмѣшливосты. Впередъ не стану судить о человѣкѣ по его бараньей папахѣ и по крашенымъ ногтямъ.

Постъ Коби находится у самой подошвы Кресговой горы, чрезъ которую предстоялъ намъ переходъ. Мы тутъ остановились ночевать и стали думать, какимъ бы образомъ совершить этотъ ужасный подвигъ: сѣсть ли, бросивъ экипажи, на казачьихъ лошадей, или послать за осетинскими волами? На всякій случай, я

написалъ отъ имени всего нашего каравана официальную просьбу къ Ч***¹⁴⁾, начальствующему въ здѣшней сторонѣ, и мы легли спать въ оживленіи подводъ.

На другой день, около 12 часовъ, услышали мы шумъ, крики, и увидѣли зрѣлище необыкновенное: осьмнадцать паръ тощихъ малорослыхъ воловъ, понуждаемыхъ толпою полунагихъ осетинцевъ, насилу тащили легкую вѣнскую коляску пріятеля моего О**. Это зрѣлище тотчасъ разсѣяло всѣ мои сомнѣнія. Я рѣшился отправить мою тяжелую петербургскую коляску обратно въ Владикавказъ и ѣхать верхомъ до Тифлиса. Графъ Пушкинъ не хотѣлъ слѣдовать моему примѣру. Онъ предпочелъ впредъ глѣбое стадо воловъ въ свою бричку, нагруженную запасами всякаго рода, и съ торжествомъ переѣхалъ черезъ снѣговой хребетъ. Мы разстались, и я поѣхалъ съ полковниковъ Ог...¹⁵⁾, осматривающимъ здѣшнія дороги.

Дорога шла черезъ обвалъ, обрушившійся въ концѣ іюня 1827 года¹⁶⁾. Такіе случаи бывають обыкновенно каждыя семь лѣтъ. Огромная глыба, сваясь, засыпала ущеліе на цѣлую версту и запрудила Терекъ. Часовые, стоявшіе ниже, слышали ужасный грохотъ и увидѣли, что рѣка быстро мелѣла и въ четверть часа совсѣмъ утихла и истощилась. Терекъ прорылся сквозь обвалъ не прежде, какъ черезъ два часа. То-то былъ онъ ужасенъ!

Мы круто подымались выше и выше. Лошади наши вязли въ рыхломъ снѣгу, подъ которымъ шумѣли ручьи. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на дорогу и не понималъ возможности ѣзды на колесахъ.

Въ это время услышалъ я глухой грохотъ. «Это обвалъ», сказалъ мнѣ Ог... Я оглянулся и увидѣлъ въ сторонѣ груды снѣга, которая осыпалась и медленно съѣзжала съ крутизны. Малые обвалы здѣсь нерѣдки. Въ прошломъ году русскій извощикъ ѣхалъ по Крестовой горѣ; обвалъ оборвался: страшная глыба свалилась на его повозку, поглотила телѣгу, лошадь и мужика, перевалилась черезъ дорогу и покатила въ пропасть съ своею добычею. Мы достигли самой вершины горы. Здѣсь поставленъ гранитный крестъ, старый памятникъ, обновленный Ермоловымъ.

Здѣсь путешественники обыкновенно выходятъ изъ экипажей и идутъ пѣшкомъ. Недавно проѣзжалъ какой то иностранный консулъ: онъ такъ былъ слабъ, что велѣлъ связать себѣ

глаза; его вели подъ руки, и когда сняли съ него повязку, тогда онъ сталъ на колѣна, благодарилъ Бога, и проч., что очень изумило проводниковъ.

Мгновенный переходъ отъ грознаго Кавказа къ миловидной Грузіи восхитителенъ. Воздухъ юга вдругъ начинаетъ повѣвать на путешественника. Съ высоты Гуть-горы открывается Кайшаурская долинка съ ея обитаемыми скалами, съ ея свѣтлой Арагвой, извивающейся, какъ серебряная лента, и все это въ уменьшенномъ видѣ, на днѣ трехверстной пропасти, по которой идетъ опасная дорога.

Мы спустились въ долину. Молодой мѣсяцъ показался на ясномъ небѣ. Вечерній воздухъ былъ тихъ и тепелъ. Я ночевалъ на берегу Арагвы въ домѣ Ч. ¹⁷⁾). На другой день я разстался съ любезнымъ хозяиномъ и отправился далѣе.

Здѣсь начинается Грузія. Свѣтлыя долины, орошаемая веселой Арагвой, смѣнили мрачныя ущелья и грозный Терекъ. Въ сто голыхъ утесовъ, я видѣлъ около себя зеленыя горы и плодоносныя деревья. Водопроводы доказывали присутствіе образованности. Одинъ изъ нихъ поразилъ меня совершенствомъ оптического обмана: вода, кажется, имѣетъ свое теченіе по горѣ снизу вверхъ.

Въ Пайсанаурѣ остановился я для перемѣны лошадей. Тутъ я встрѣтилъ русскаго офицера, сопровождающаго персидскаго принца. Вскорѣ услышалъ я звукъ колокольчиковъ, и цѣлый рядъ катаровъ (муловъ), привязанныхъ одинъ къ другому и навьюченныхъ по азіатски, потянулся по дорогѣ. Я пошелъ пѣшкомъ, не дождавшись лошадей, и въ полуверстѣ отъ Ананура, на поворотѣ дороги, встрѣтилъ Хозревъ Мирзу ¹⁸⁾). Экипажи его стояли. Самъ онъ выглянулъ изъ своей коляски и кивнулъ мнѣ головою. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ нашей встрѣчи, на принца напали горцы. Услыша свистъ пуль, Хозревъ выскочилъ изъ своей коляски, сѣлъ на лошадь и ускакалъ. Русскіе, бывшіе при немъ, удивились его смѣлости. Дѣло въ томъ, что молодой азіатецъ, не привыкшій къ коляскѣ, видѣлъ въ ней скорѣе западню, нежели убѣжище.

Я дошелъ до Ананура, не чувствуя усталости. Лошади мои не приходили. Мнѣ сказали, что до города Душета осталось не болѣе какъ десять верстъ, и я опять отправился пѣшкомъ. Но я

lib.pushkinskijdom.ru

не зналъ, что дорога шла въ гору. Эти десять верстъ стоили добрыхъ двадцати.

Наступилъ вечеръ; я шель впередъ, подымаясь все выше и выше. Съ дороги сбиться было невозможно; но мѣстами глинистая грязь, образуемая источниками, доходила мнѣ до колѣна. Я совершенно утомился. Темнота увеличилась. Я слышалъ вой и лай собакъ и радовался, воображая, что городъ недалеко. Но ошибался: лаяли собаки грузинскихъ пастуховъ, а были шакалы, звѣри въ той сторонѣ обыкновенные. Я проклиналъ свое нетерпѣніе; но дѣлать было нечего. Наконецъ, увидѣлъ я огни и около полуночи очутился у домовъ, осѣненныхъ деревьями. Первый встрѣчный вызвался провести меня къ городничему и требовалъ за то съ меня абазъ.

Появленіе мое у городничаго, стараго офицера изъ грузинъ, произвело большое дѣйствіе. Я требовалъ, во-первыхъ, комнаты, гдѣ бы могъ раздѣться, во-вторыхъ, стакана вина, въ третьихъ, абазы для моего провожатаго. Городничій не зналъ, какъ меня принять, и посматривалъ на меня съ недоумѣніемъ. Видя, что онъ не торопится исполнить мои просьбы, я сталъ передъ нимъ раздѣваться, прося извиненія *de la liberté grande*. Къ счастью, нашелъ я въ карманѣ подорожную, доказывавшую, что я мирный путешественникъ, а не Ринальдо-Ринальдини. Благословенная хартія возымѣла тотчасъ свое дѣйствіе: комната была мнѣ отведена, стаканъ вина принесенъ и абазъ выданъ моему проводнику съ отеческимъ выговоромъ за его корыстолюбіе, оскорбительное для грузинскаго гостепріимства. Я бросился на диванъ, надѣясь послѣ моего подвига заснуть богатырскимъ сномъ: не тутъ-то было! Блохи, которыя гораздо опаснѣе шакаловъ, напали на меня и во всю ночь не дали мнѣ покою. Поутру явился ко мнѣ чело-вѣкъ и объявилъ, что графъ Пушкинъ благополучно переправился на волахъ черезъ снѣговья горы и прибылъ въ Душетъ. Нужно было мнѣ торопиться! Графъ Пушкинъ и Ш. посѣтили меня и предложили опять отправиться вмѣстѣ въ дорогу. Я оставилъ Душетъ съ пріятной мыслию, что ночую въ Тифлисѣ.

Дорога была такъ же пріятна и живописна, хотя рѣдко видѣли мы слѣды народонаселенія. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Гарцискалы ¹⁰⁾ мы переправились черезъ Куру по древнему мосту, памятнику римскихъ походовъ, и крупной рысью, а иногда и

lib.pushkinskijdom.ru

вскачь, поѣхали къ Тифлису, въ которомъ непримѣтнымъ образомъ и очутились часу въ одиннадцатомъ вечера.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Тифлисъ. Народныя бани. Безносый Гассанъ. Нравы грузинскіе. Пѣсни. Кахетинское вино. Причина жаровъ. Дороговизна. Описание города. Отъѣздъ изъ Тифлиса. Грузинская ночь. Видъ Арменіи. Двойной переходъ. Армянская деревня. Гергеры. Грибоѣдовъ. Безобдаль. Минеральный ключъ. Бура въ горахъ. Ночлетъ въ Гумрахъ. Араратъ. Граница. Турецкое гостепрѣимство. Карсъ. Армянская семья. Выѣздъ изъ Карса. Лагерь графа Паскевича.

Я остановился въ трактирѣ; на другой день отправился въ славныя тифлисскія бани. Городъ показался мнѣ многолюденъ. Азіатскія строенія и базаръ напомнили мнѣ Кишиневъ. По узкимъ и кривымъ улицамъ бѣжали ослы съ перекидными корзинами; арбы, запряженные волами, перегорожали дорогу. Армяне, грузинцы, черкесы, персіяне тѣснились на неправильной площади; между ними молодые русскіе чиновники разѣзжали верхами на карабахскихъ жеребцахъ. При входѣ въ бани сидѣлъ содержатель, старый персіянинъ. Онъ отворилъ мнѣ дверь; я вошелъ въ обширную комнату, и что же увидѣлъ? Болѣе пятидесяти женщинъ, молодыхъ и старыхъ, полуодѣтыхъ и вовсе не одѣтыхъ, сидя и стоя раздѣвались, одѣвались на лавкахъ, разставленныхъ около стѣнъ. Я остановился. «Пойдемъ, пойдемъ, сказалъ мнѣ хозяинъ: сегодня вторникъ: женскій день; ничего, не бѣда». — Конечно, не бѣда, отвѣчалъ я ему, напротивъ. Появленіе мужчинъ не произвело никакого впечатлѣнія. Онѣ продолжали смѣяться и разговаривать между собою. Ни одна не поторопилась покрыться своею чадрою; ни одна не перестала раздѣваться. Казалось, я вошелъ невидимкой. Многія изъ нихъ были въ самомъ дѣлѣ прекрасны и оправдывали воображеніе Т. Мура:

...a lovely Georgian maid,
With all the bloom, the freshened glow
Of her own country maiden's looks,
When warm they rise from Teflis brooks.

Lalla Rookh.

Зато не знаю ничего отвратительнѣе грузинскихъ старухъ: это вѣдьмы.

Персіянинъ ввелъ меня въ бани: горячій, желѣзностѣрный источникъ лился въ глубокую ванну, исѣченную въ скаль. Отъ роду не встрѣчалъ я ни въ Россіи, ни въ Турціи ничего роскошнѣе тифлисскихъ бань. Опишу ихъ подробно.

Хозяинъ оставилъ меня на попеченіе татарину-баньщику. Я долженъ признаться, что онъ былъ безъ носа; это не мѣшало ему быть мастеромъ своего дѣла. Гассанъ (такъ назывался безносый татаринъ) началъ съ того, что разложилъ меня на тепломъ каменномъ полу, послѣ чего началъ онъ ломать мнѣ члены, вытягивать суставы, бить меня сильно кулакомъ: я не чувствовалъ ни малѣйшей боли, но удивительное облегченіе. (Азіатскіе баньщики приходятъ иногда въ восторгъ, вспрыгиваютъ вамъ на плеча, скользятъ ногами по бедрамъ и пляшутъ по спинѣ въ присядку, е *встрѣгъ вепе*). Послѣ сего долго теръ онъ меня шерстяною рукавицей и, сильно оплескавъ теплой водою, сталъ умывать намыленнымъ полотнянымъ пузыремъ; ошущеніе неизъяснимое: горячее мыло обливаешь васъ какъ воздухъ! NB. Шерстяная рукавица и полотняный пузырь непременно должны быть приняты въ русской банѣ; знатоки будутъ благодарны за такое нововведеніе.

Послѣ пузыря, Гассанъ опустилъ меня въ ванну; тѣмъ и кончилась церемонія.

Въ Тифлисѣ я надѣялся найти Раевского²⁰); но, узнавъ, что полкъ его уже выступилъ въ походъ, я рѣшился просить у графа Паскевича позволенія пріѣхать въ армію.

Въ Тифлисѣ пробылъ я около двухъ недѣль и познакомился съ тамошнимъ обществомъ. Санковскій²¹), издатель «Тифлисскихъ Вѣдомостей», рассказывалъ мнѣ много любопытнаго о здѣшнемъ краѣ, о князѣ Циціановѣ, объ А. П. Ермоловѣ и проч. Санковскій любитъ Грузію и предвидитъ для нея блестящую будущность.

Грузія прибѣгнула подъ покровительство Россіи въ 1783 году, что не помѣшало славному Агѣ-Махому взятъ и разорить Тифлисъ и двадцать тысячъ жителей увести въ плѣнъ (1795 г.). Грузія перешла подъ скипетръ императора Александра ~~въ 1801 г.~~ Грузины народъ воинственный. Они доказали свои храбрость

подъ нашими знаменами. Ихъ умственныя способности ожидаютъ большей образованности. Они, вообще, нрава веселаго и общежительнаго. По праздникамъ мужчины пьютъ и гуляютъ по улицамъ. Черноглазые мальчики поютъ, прыгаютъ и кувыркаются; женщины пляшутъ лезгинку.

Голосъ пѣсенъ грузинскихъ пріятель; мнѣ перевели одну изъ нихъ слово въ слово: она, кажется, сложена въ новѣйшее время; въ ней ссть какая-то восточная безсмыслица, имѣющая свое поэтическое достоинство. Вотъ вамъ она:

«Душа, недавно рожденная въ раю! Душа, созданная для моего счастья! Отъ тебя, бессмертная, ожидаю жизни.

«Отъ тебя, весна цвѣтушая, луна двунедѣльная, отъ тебя, ангель мой хранитель, отъ тебя ожидаю жизни.

«Ты сіяешь лицомъ и веселишь улыбкою. Не хочу обладать міромъ: хочу твоего взора. Отъ тебя ожидаю жизни.

«Горная роза, освѣженная росой! избранная любимица природы! Тихое, потаенное сокровище! отъ тебя ожидаю жизни».

Грузинцы пьютъ—и не по нашему, и удивительно крѣпки. Вина ихъ не терпятъ вывоза и скоро портятся, но на мѣстѣ они прекрасны. Кахетинское и карабахское стѣять нѣкоторыхъ бургонскихъ. Вино держать въ марапахъ, огромныхъ кувшинахъ, зарытыхъ въ землю. Ихъ открываютъ съ торжественными обрядами. Недавно русскій драгунъ, тайно открывъ такой кувшинъ, упалъ въ него и утонулъ въ кахетинскомъ винѣ, какъ несчастный Кларенсъ въ бочкѣ малаги.

Тифлисъ находится на берегахъ Куры, въ долинѣ, окруженной каменистыми горами. Онѣ укрываютъ его со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ, и раскалясь на солнцѣ, не нагрѣваютъ, а кипятятъ недвижимый воздухъ. Вотъ причина нестерпимыхъ жаровъ, царствующихъ въ Тифлисѣ, не смотря на то, что городъ находится только еще подъ 41 градусомъ широты. Самое его названіе (Тбимикаларъ²²) значить жаркій городъ.

Большая часть города выстроена по-азіатски: дома низкіе, кровли плоскія. Въ сѣверной части возвышаются дома европейской архитектуры и около нихъ начинаютъ образовываться правильныя площади. Базаръ раздѣляется на нѣсколько рядовъ; лавки полны турецкихъ и персидскихъ товаровъ, довольно дешевыхъ, если принять въ разсужденіе всеобщую дороговизну. Ору-

жіе тифлисское дорого цѣнится на всемъ Востокѣ. Графъ С. ²³) и В., прослывшіе здѣсь богатырями, обыкновенно пробовали свои новыя шашки, съ одного маху перерубля на двое барана или отсѣкая голову быку.

Въ Тифлисі главную часть народонаселенія составляютъ армяне: въ 1825 году было ихъ здѣсь до двухъ тысячъ пятисотъ семействъ. Во время нынѣшнихъ войнъ число ихъ еще умножилось. Грузинскихъ семействъ считается до тысячи пятисотъ. Русскіе не считаютъ себя здѣшними жителями. Военные, повинясь долгу, живутъ въ Грузіи, потому что такъ имъ велѣно. Молодые титулярные совѣтники пріѣзжаютъ сюда за чиномъ ассесорскимъ, толико вождельнымъ. Тѣ и другіе смотрятъ на Грузію, какъ на изгнаніе.

Климатъ тифлисскій, говорятъ, нездоровъ. Здѣшнія горячки ужасны; ихъ лѣчатъ меркуріемъ, котораго употребленіе безвредно, по причинѣ жаровъ. Лѣкаря кормятъ имъ своихъ больныхъ безъ всякой совѣсти. Генералъ С. ²⁴), говорятъ, умеръ оттого, что его домовый лѣкарь, пріѣхавшій съ нимъ изъ Петербурга, испугался пріема, предлагаемаго тамошними докторами, и не далъ онаго больному. Здѣшнія лихорадки похожи на крымскія и молдавскія и лѣчатся одинаково.

Жители пьютъ курскую воду, мутную, но пріятную. Во всѣхъ источникахъ и колодцахъ вода сильно отзывается сѣрой. Впрочемъ, вино здѣсь въ такомъ общемъ употребленіи, что недостатокъ въ водѣ былъ бы незамѣтенъ.

Въ Тифлисі удивила меня дешевизна денегъ. Переѣхавъ на извозчикѣ черезъ двѣ улицы и отпустивъ его черезъ полчаса, я долженъ былъ заплатить два рубля серебромъ. Я сперва думалъ, что онъ хотѣлъ воспользоваться незнаніемъ новопріѣзжаго, но мнѣ сказали, что цѣна точно такова. Все прочее дорого въ соразмѣрности.

Мы ѣздили въ нѣмецкую колонію и тамъ обѣдали. Пили тамошняго издѣлія пиво, очень непріятнаго вкусу, и заплатили очень дорого за очень плохой обѣдъ. Въ моемъ трактирѣ кормили меня также дорого и дурно. Г. С. ²⁵), извѣстный гастрономъ, позвалъ однажды меня отобѣдать; по несчастію, у него разносили кушанья по чинамъ, а за столомъ сидѣли англійскіе офицеры

въ генеральскихъ эполетахъ. Слуги такъ усердно меня обносили, что я всталъ изъ-за стола голодный. Чортъ побери тифлискаго гастронома!

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ разрѣшенія моей участи. Наконецъ, получилъ я записку отъ Раевского²⁶). Онъ писалъ мнѣ, чтобы я спѣшилъ къ Карсу, потому что черезъ нѣсколько дней войско должно было идти далѣе. Я выѣхалъ на другой же день.

Я ѣхалъ верхомъ, перемѣняя лошадей на казачьихъ постахъ. Вокругъ меня земля была опалена зноемъ. Грузинскія деревни издали казались мнѣ прекрасными садами, но, подѣзжая къ нимъ, видѣлъ я нѣсколько бѣдныхъ сакель, осѣненныхъ пыльными тополями. Солнце сѣло, но воздухъ все еще былъ душень.

Ночи знойныя!

Звѣзды чудныя!...

Луна сіяла; все было тихо; топотъ моей лошади одинъ раздавался въ ночномъ безмолвіи. Я ѣхалъ долго, не встрѣчая признаковъ жилья. Наконецъ, увидѣлъ уединенную саклю. Я сталъ стучаться въ дверь. Вышелъ хозяинъ. Я попросилъ воды, сперва по-русски, а потомъ по-татарски. Онъ меня не понялъ. Удивительная безпечность! Въ тридцати верстахъ отъ Тифлиса, и на дорогѣ въ Персію и Турцію, онъ не зналъ ни слова ни по-русски, ни по-татарски

Переночевавъ на казачьемъ посту, на разсвѣтѣ я отправился далѣе. Дорога шла горами и лѣсомъ. Я встрѣтилъ путешествующихъ татаръ; между ними было нѣсколько женщинъ. Онѣ сидѣли верхами, окутанныя въ чадры; видны были у нихъ только глаза да каблукы.

Я сталъ подыматься на Безобдалъ²⁷), гору, отдѣляющую Грузію отъ древней Арменіи. Широкая дорога, осѣненная деревьями, извиается около горы. На вершинѣ Безобдала я проѣхалъ сквозь малое ущелье, называемое, кажется, Волчьими Воротами, и очутился на естественной границѣ Грузіи. Мнѣ представились новыя горы, новый горизонтъ; подо мною разстлались злчныя зеленыя нивы. Я взглянулъ еще разъ на опаленную Грузію и сталъ спускаться по отлогому склону горы къ свѣжимъ равнинамъ Арменіи. Съ неописаннымъ удовольствіемъ замѣтилъ я, что зной вдругъ уменьшился: климатъ былъ другой.

Человѣкъ мой съ выюнными лошадыми отъ меня отсталъ. Я ѣхалъ въ цвѣтущей пустынѣ, окруженной издали горами. Въ разсѣянности проѣхалъ я мимо поста, гдѣ долженъ былъ перемѣнить лошадей. Прошло болѣе шести часовъ, и я началъ удивляться пространству перехода. Я увидѣлъ въ сторонѣ груды камней, похожія на сакли, и отправился къ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, я пріѣхалъ въ армянскую деревню. Нѣсколько женщинъ въ пестрыхъ лсхмотьяхъ сидѣли на плоской кровлѣ подземной сакли. Я объяснился кое какъ. Одна изъ нихъ сошла въ саклю и вынесла мнѣ сыру и молока. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, я пустился далѣе и на высокомъ берегу рѣки увидѣлъ противъ себя крѣпость Гергеры. Три потока съ шумомъ и пѣной низвергались съ высокаго берега. Я переѣхалъ черезъ рѣку. Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько грузинъ сопровождали арбу. «Откуда вы?» спросилъ я ихъ. — Изъ Тегерана. — «Что вы везете?» — Грибоѣда. — Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ.

Не думалъ я встрѣтить уже когда-нибудь нашего Грибоѣдова! Я разстался съ нимъ въ прошломъ году, въ Петербургѣ, передъ отъѣздомъ его въ Персію. Онъ былъ печаленъ и имѣлъ странныя предчувствія. Я было хотѣлъ его успокоить; онъ мнѣ сказалъ: *Vous ne connaissez pas ces gens là: vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux.* Онъ полагалъ, что причиною кровопролитія будетъ смерть шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но престарѣлый шахъ еще живъ, а пророческія слова Грибоѣдова сбылись. Онъ погибъ подъ кинжалами персіянъ, жертвой невѣжества и вѣроломства. Обезображенный трупъ его, бывшій три дня игрищемъ тегеранской черни, признанъ былъ только по рукѣ, нѣкогда прострѣленной пистолетною пулею.

Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣчества, все въ немъ было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали

ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о немъ, какъ о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой-нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ «Московскомъ Телеграфѣ». Впрочемъ, уваженіе наше къ славѣ происходитъ, можетъ-быть, отъ самолюбія: въ составъ славы входитъ и нашъ голосъ.

Жизнь Грибоѣдова была затемнена нѣкоторыми облаками: слѣдствіе пылкихъ страстей и могучихъ обстоятельствъ. Онъ почувствовалъ необходимость расцѣстяться единожды навсегда съ своею молодостью и круто поворотить свою жизнь. Онъ простился съ Петербургомъ и съ праздною разсѣянностью; уѣхалъ въ Грузію, гдѣ пробылъ восемь лѣтъ въ уединенныхъ, неусыпныхъ занятіяхъ. Возвращеніе его въ Москву, въ 1824 году, было переворотомъ въ его судьбѣ и началомъ непрерывныхъ успѣховъ. Его рукописная комедія Горе отъ Ума произвела неописанное дѣйствіе и вдругъ поставила его на ряду съ первыми нашими поэтами. Черезъ нѣсколько времени потомъ совершенное знаніе того края, гдѣ начиналась война, открыло ему новое поприще; онъ назначенъ былъ посланникомъ. Пріѣхавъ въ Грузію, женился онъ на той, которую любилъ... Не знаю ничего завиднѣе послѣднихъ годовъ бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смѣлаго, неровнаго боя, не имѣла для Грибоѣдова ничего ужаснаго, ничего томительнаго. Она была мгновенна и прекрасна.

Какъ жаль, что Грибоѣдовъ не оставилъ своихъ записокъ! Написать его біографію было бы дѣломъ его друзей; но замѣчательные люди исчезаютъ у насъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ. Мы лѣнивы и нелюбопытны.

Въ Гергерахъ встрѣтилъ я Б. ²⁸), который, какъ и я, ѣхалъ въ армію. Б. путешествовалъ со всевозможными прихотями. отобѣдалъ у него какъ бы въ Петербургѣ. Мы положили путешествовать вмѣстѣ; но демонъ нетерпѣнія опять мною овладѣлъ. Человѣкъ мой просилъ у меня позволенія отдохнуть. Я отправился безъ проводника. Дорога все была одна и совершенно безопасна.

Переѣхавъ черезъ гору и опустясь въ долину, оѣненную деревьями, я увидѣлъ минеральный ключъ, текущій поперекъ до-роги. Здѣсь я встрѣтилъ армянскаго попа, ѣхавшаго въ Ахалцкѣ изъ Эривани. «Что новаго въ Эривани?» спросилъ я его.—Въ Эривани чума, отвѣчалъ онъ: а что слышать объ Ахалцкѣ?—«Въ Ахалцкѣ чума», отвѣчалъ я ему. Обмѣнявшись этими пріятными извѣстіями, мы разстались.

Я ѣхалъ посреди плодоносныхъ нивъ и цвѣтущихъ луговъ. Жатва струилась, ожидая серпа. Я любовался прекрасной землею, плодородіе коей вошло на Востокъ въ пословицу. Къ вечеру прибылъ я въ Пернике. Здѣсь былъ казачій постъ. Урядникъ предсказалъ мнѣ бурю и совѣтовалъ остаться ночевать; но я хотѣлъ непременно въ тотъ-же день достигнуть Гумровъ²⁹⁾.

Мнѣ предстоялъ переходъ черезъ невысокія горы, естественную границу Карскаго пашалыка. Небо покрыто было тучами; я надѣялся, что вѣтеръ, который часъ отъ часу усиливался, ихъ разгонитъ. Но дождь сталъ накрапывать и шелъ все крупнѣе и чаще. Отъ Пернике до Гумровъ считается двадцать семь верстъ. Я затянулъ ремни моей бурки, надѣлъ башлыкъ на картузь и поручилъ себя Провидѣнію.

Прошло болѣе двухъ часовъ. Дождь не переставалъ. Вода ручьями лилась съ моей отяжелѣвшей бурки и съ башлыка, на-питаннаго дождемъ. Наконецъ, холодная струя начала пробираться мнѣ за галстухъ, и вскорѣ дождь меня промочилъ до послѣдней нитки. Ночь была темная. Казакъ ѣхалъ впереди, указывая дорогу. Мы стали подыматься на горы. Между тѣмъ дождь пересталъ и тучи разсѣялись. До Гумровъ оставалось верстъ десять. Вѣтеръ, дующій на свободѣ, былъ такъ силенъ, что въ четверть часа высушилъ меня совершенно. Я не думалъ избѣгать горячки. Наконецъ, я достигнулъ Гумровъ около полуночи. Казакъ привезъ меня прямо къ посту. Мы остановились у палатки, куда спѣшилъ я войти. Тутъ нашель я двѣнадцать казаковъ, спящихъ одинъ возлѣ другого. Мнѣ дали мѣсто: я повалился на бурку, не чувствуя самъ себя отъ усталости. Въ этотъ день проѣхалъ я 75 верстъ. Я заснулъ какъ убитый.

Казаки разбудили меня на зарѣ. Первою моею мыслию было: не лежу ли въ лихорадкѣ? но почувствовалъ, что слава Богу былъ здоровъ; не было слѣда не только болѣзни, но и усталости. Я

вышелъ изъ палатки на свѣжій утренній воздухъ. Солнце всходило. На ясноѣ небѣ бѣлѣла снѣговя, двуглавая гора.—Что за гора? спросилъ я, потягиваясь; и услышалъ въ отвѣтъ: «это Араратъ». Какъ сильно дѣйствіе звуковъ! Жадно глядѣлъ я на библейскую гору, видѣлъ ковчегъ, причалившій къ ея вершинѣ съ надеждой обновленія и жизни—и врана и голубицу излетающихъ, символы казни и примиренія...

Лошадь моя была готова. Я поѣхалъ съ проводникомъ. Угро было прекрасно. Солнце сіяло. Мы ѣхали по широкому лугу, по густой зеленой травѣ, орошенной росой и каплями вчерашняго дождя. Передъ нами блистала рѣчка, черезъ которую должны мы были переправиться. «Вотъ и Арпачай», сказалъ мнѣ казакъ. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакалъ къ рѣкѣ съ чувствомъ неизъяснимымъ. Никогда еще не видалъ я чужой земли. Граница имѣла для меня что-то таинственное; съ дѣтскихъ лѣтъ пугешествія были моею любимую мечтою. Долго велъ я потомъ жизнь кочующую, скигаясь то по югу, то по сѣверу, и никогда еще не вырывался изъ предѣловъ необъятной Россіи. Я весело въѣхалъ въ завѣтную рѣчку, и добрый конь вынесъ меня на турецкій берегъ. Но этотъ берегъ былъ уже завоеванъ; я все еще находился въ Россіи.

До Карса оставалось мнѣ еще 75 верстъ. Къ вечеру я надѣялся увидѣть нашъ лагерь. Я нигдѣ не останавливался. На половинѣ дороги, въ армянской деревнѣ, выстроенной въ горахъ, на берегу рѣчки, вмѣсто обѣда съѣлъ я проклятый чюрекъ, армянскій хлѣбъ, испеченный въ видѣ лепешки пополамъ съ золою, о которомъ такъ тужили турецкіе плѣнники въ Даріальскомъ ушелъи. Дорого бы я далъ за кусокъ русскаго чернаго хлѣба, который былъ имъ такъ противенъ. Меня провожалъ молодой турокъ, ужасный говорунъ. Онъ во всю дорогу болталъ по-турецки, не заботясь о томъ, понималъ ли я его или нѣтъ. Я напрягалъ вниманіе и старался угадать его. Казалось, онъ побранивалъ русскихъ и, привыкнувъ видѣть ихъ всѣхъ въ мундирахъ, по платью принималъ меня за иностранца. На встрѣчу намъ попался русскій офицеръ. Онъ ѣхалъ изъ нашего лагря и объявилъ мнѣ, что армія уже выступила изъ-подъ Карса. Не могу описать моего отчаянія: мысль, что мнѣ должно возвратиться въ Тифлисъ, измучась понапрасну въ пустынной Арменіи, совершен-

но убивала меня. Офицеръ поѣхалъ въ свою сторону. Турокъ началъ опять свой монологъ; но уже мнѣ было не до него. Я перемѣнилъ иноходъ на крупную рысь и вечеромъ пріѣхалъ въ турецкую деревню, находящуюся въ двадцати верстахъ отъ Карса.

Соскочивъ съ лошади, я хотѣлъ войти въ первую саклю; но въ дверяхъ показался хозяинъ и оттолкнулъ меня съ бранью. Я отвѣчалъ на его привѣтствіе нагайкою. Турокъ раскричался; народъ собрался. Проводникъ мой, кажется, за меня заступился. Мнѣ указали караванъ-сарай; я вошелъ въ большую саклю, похожую на хлѣвъ. Не было мѣста, гдѣ бы я могъ разостлать бурку. Я сталъ требовать лошадь. Ко мнѣ явился турецкій старшина. На всѣ его непонятныя рѣчи отвѣчалъ я одно: вербана атъ (дай мнѣ лошадь). Турки не соглашались. Наконецъ, я догадался показать имъ деньги (съ чего надлежало бы мнѣ начать). Лошадь тотчасъ была приведена, и мнѣ дали проводника.

Я поѣхалъ по широкой долинѣ, окруженной горами. Вскорѣ увидѣлъ я Карсъ, бѣлѣющей на одной изъ нихъ. Турокъ мой указывалъ мнѣ на него, повторяя: «Карсъ, Карсъ!» и пускалъ вскачь свою лошадь; я слѣдовалъ за нимъ, мучась безпокойствомъ: участь моя должна была рѣшиться въ Карсѣ. Здѣсь долженъ я былъ узнать, гдѣ находится нашъ лагерь и будетъ ли еще мнѣ возможность догнать армію Между тѣмъ небо покрылось тучами, и дождь пошелъ опять; но я объ немъ ужъ не заботился.

Мы вѣхали въ Карсъ. Подѣзжая къ воротамъ стѣны, услышалъ я русскій барабанъ: били зорю. Часовой принялъ отъ меня билетъ и отправился къ коменданту. Я стоялъ подъ дождемъ около получаса. Наконецъ, меня пропустили. Я велѣлъ проводнику везти меня прямо въ бани. Мы поѣхали по кривымъ и крутымъ улицамъ, лошади скользили по дурной турецкой мостовой. Мы остановились у одного дома довольно плохой наружности. Это были бани. Турокъ слѣзъ съ лошади и сталъ стучаться у дверей. Никто не отвѣчалъ. Дождь ливня лилъ на меня. Наконецъ, изъ ближняго дома вышелъ молодой армянинъ и, переговоря съ моимъ туркомъ, позвалъ меня къ себѣ, объясняясь на довольно чистомъ русскомъ языкѣ. Онъ повелъ меня по узкой лѣстницѣ во второе жилие своего дома. Въ комнатѣ, убранной низкими диванами и ветхими коврами, сидѣла старуха, его мать.

Она подошла ко мнѣ и поцѣловала мнѣ руку. Сынъ велѣлъ ей разложить огонь и приготовить мнѣ ужинъ. Я раздѣлся и сѣлъ передъ огнемъ. Вошелъ меньшей братъ хозяина, мальчикъ лѣтъ семнадцати. Оба брата бывали въ Тифлисѣ и жили въ немъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Они сказали мнѣ, что войска наши выступили наканунѣ, и что лагерь нашъ находится въ двадцати-пяти верстахъ отъ Карса. Я успокоился совершенно. Скоро старуха пригостила мнѣ баранину съ лукомъ, которая показалась мнѣ верхомъ повареннаго искусства. Мы всѣ легли спать въ одной комнатѣ; я разлегся противъ угасающаго камина и заснулъ въ пріятной надеждѣ увидѣть на другой день лагерь графа Паскевича.

Потру пошелъ я осматривать городъ. Младшій изъ моихъ хозяевъ взялся быть моимъ чичероне. Осматривая укрѣпленія и цитадель, вострсенную на неприступной скалѣ, я не понималъ, какимъ образомъ мы могли овладѣть Карсомъ. Мой армянинъ толковалъ мнѣ, какъ умѣлъ, военныя дѣйствія, коимъ самъ онъ былъ свидѣтелемъ. Замѣтя въ немъ охоту къ войнѣ, я предложилъ ему ѣхать со мною въ армію. Онъ тотчасъ согласился. Я послалъ его за лошадыми. Черезъ полчаса выѣхалъ я изъ Карса, и Артемій (такъ назывался мой армянинъ) уже скакалъ подлѣ меня на турецкомъ жеребцѣ, съ гибкимъ куртинскимъ дротикомъ въ рукѣ, съ кинжаломъ за поясомъ, и бредя о туркахъ и о сраженіяхъ.

Я ѣхалъ по землѣ, вездѣ засѣянной хлѣбомъ; кругомъ видны были деревни, но онѣ были пусты: жители разбѣжались. Дорога была прекрасна и въ топкихъ мѣстахъ вымощена; черезъ ручьи выстроены были каменные мосты. Земля примѣтно возвышалась; передовые холмы хребта Саганъ-лу (древняго Тавра) начинали появляться. Прошло около двухъ часовъ. Я взѣхалъ на отлогое возвышеніе и вдругъ увидѣлъ нашъ лагерь, расположенный на берегу Карсъ-чая; черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ палаткѣ Раевского.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Переходъ черезъ Сагань-ду. Перестрѣлка. Лагерная жизнь. Язиды. Сраженіе съ сераскиромъ Арзрумскимъ. Взорванная сакля.

Я пріѣхалъ вовремя. Въ тотъ же день (13 іюня) войско получило повелѣніе идти впередъ. Обѣдая у Раевского, слушалъ я молодыхъ генераловъ, разсуждавшихъ о движеніи, имъ предписанномъ. Генераль Бурцовъ³⁰⁾ отряженъ былъ вѣтво по большой арзрумской дорогѣ, прямо противъ турецкаго лагеря, между тѣмъ какъ все прочее войско должно было идти правою стороною въ обходъ непріятелю.

Въ пятомъ часу войско выступило. Я ѣхалъ съ нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ, разговаривая съ Раевскимъ, съ которымъ ужъ нѣсколько лѣтъ не видался. Настала ночь; мы остановились въ долинѣ, гдѣ все войско имѣло приваль. Здѣсь имѣлъ я честь быть представленъ графу Паскевичу.

Я нашелъ графа дома, передъ бивачнымъ огнемъ, окруженнаго своимъ штабомъ. Онъ былъ веселъ и принялъ меня ласково. Чуждый воинскому искусству, я не подсѣрѣвалъ, что участь похода рѣшилась въ эту минуту. Здѣсь увидѣлъ я нашего Вольховскаго³¹⁾, запыленнаго съ ногъ до головы, обросшаго бородой, изнуреннаго заботами. Онъ нашелъ, однако, время побесѣловать со мною, какъ старый товарищъ. Здѣсь увидѣлъ я и М. П.³²⁾, раненаго въ прошломъ году. Онъ любимъ и уважаемъ, какъ славный товарищъ и храбрый солдатъ. Многіе изъ старыхъ моихъ пріятелей окружили меня. Какъ они перемѣнились! какъ быстро уходитъ время!

Neu fugaces, Posthume, Posthume,

Labuntur anni...

Я воротился къ Раевскому и ночевалъ въ его палаткѣ. Посреди ночи разбудили меня ужасные крики: можно было подумать, что непріятель сдѣлалъ нечаянное нападеніе. Раевскій послалъ узнать причину тревоги. Нѣсколько татарскихъ лошадей, сорвавшихся съ привязи, бѣгали по лагерю, и мусульмане (такъ зовутся татары, служащіе въ нашемъ войскѣ) ихъ ловили.

На зарѣ войско двинулось. Мы подѣхали къ горамъ, поросшимъ лѣсомъ. Мы вѣхали въ ущелье. Драгуны говорили между собою: «смотри, братъ, держись - какъ-разъ картечью хватить». Въ самомъ дѣлѣ, мѣстоположеніе благопріятствовало

засадамъ; но турки, отвлеченные въ другую сторону движеніемъ генерала Бурцова, не воспользовались своими выгодами. Мы благополучно прошли опасное ущелье и стали на высотахъ Саганъ-лу, въ десяти верстахъ отъ непріятельскаго лагеря.

Природа около насъ была угрюма. Воздухъ былъ холодень, горы покрыты печальными соснами. Снѣгъ лежалъ въ оврагахъ.

... nec Armeniis in oris,
Anice Valge, stat glacies iners
Menses per omnes...

Только успѣли мы отдохнуть и отобѣдать, какъ услышали ружейные выстрѣлы. Раевскій послалъ освѣдомиться. Ему донесли что турки завязали перестрѣлку на передовыхъ нашихъ пикетахъ. Я поѣхалъ съ Семичевымъ³³⁾ посмотрѣть новую для меня картину. Мы встрѣтили раненаго казака: онъ сидѣлъ, штаясь на сѣдлѣ, блѣдень и окровавленъ. Два казака поддерживали его.—Много ли турокъ? спросилъ Семичевъ. «Свиньемъ валить, ваше благородіе», отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. Проѣхавъ ущелье, вдругъ увидѣли мы на скалѣ противоположной горы до двухсотъ казаковъ, выстроенныхъ въ лаву, и надъ ними около пятисотъ турокъ. Казаки отступали медленно; турки наѣзжали съ большой дерзостью, прицѣливались шагахъ въ двадцати и, выстрѣливъ, скакали назадъ. Ихъ высокія чалмы, красивые доломаны и блестящій уборъ коней составляли рѣзкую противоположность съ синими мундирами и простою сбруей казаковъ. Человѣкъ пятнадцать нашихъ было уже ранено. Подполковникъ Басовъ³⁴⁾ послалъ за подмогой. Въ это время самъ онъ былъ раненъ въ ногу. Казаки-было смѣшались; но Басовъ опять сѣлъ на лошадь и остался при своей командѣ. Подкрѣпленіе подоспѣло. Турки, замѣтивъ его, тотчасъ исчезли, оставя на горѣ голый трупъ казака, обезглавленный и обрубленный. Турки отсѣченныя головы отсылаютъ въ Константинополь а кисти рукъ, обмакнувъ въ крови, отпечатлѣваютъ на своихъ знаменахъ. Выстрѣлы утихли. Орлы, спутники войскъ, поднялись надъ горою, съ высоты высматривая себѣ добычу. Въ это время показалась толпа генераловъ и офицеровъ: графъ Паскевичъ пріѣхалъ и отправился на гору, за которою скрылись турки. Они были подкрѣплены четырьмя тысячами конницы, скрытой въ лошинѣ и въ оврагахъ. Съ высоты

горы открылся намъ турецкій лагерь, отдѣленный отъ насъ оврагами и высотами Мы возвратились поздно. Проѣзжая нашимъ лагеремъ, я видѣлъ нашихъ раненыхъ, изъ которыхъ человекъ пять умерло въ ту же ночь и на другой день. Вечеромъ нивѣстилъ я молодого Остенъ Сакена³⁵), раненаго въ тотъ же день въ другомъ сраженіи.

Лагерная жизнь очень мнѣ нравилась. Пушка подымала насъ на зарѣ Сонъ въ палаткѣ удивительно здоровъ. За обѣдомъ запивали мы азіатскій шашлыкъ англійскимъ пивомъ и шампанскимъ, застывшимъ въ снѣгахъ тиврійскихъ. Общество наше было разнообразно. Въ палаткѣ генерала Раевского собирались беки мусульманскихъ полковъ, и бесѣда шла черезъ переводчика. Въ войскѣ нашемъ находились и народы закавказскихъ нашихъ областей, и жители земель, недавно завоеванныхъ. Между ними съ любопытствомъ смотрѣлъ я на язидовъ, слывающихъ на Востокѣ дьяволопоклонниками. Около трехсотъ семействъ обитаютъ у подошвы Арарата. Они признали владѣчество русскаго государя. Начальникъ ихъ, высокій, уродливый мужчина, въ красномъ плащѣ и черной шапкѣ, приходилъ иногда съ поклономъ къ генералу Раевскому, начальнику всей конницы. Я старался узнать отъ язидовъ правду о ихъ вѣроисповѣданіи. На мои вопросы отвѣчалъ онъ, что молва, будто бы язиды поклоняются сатанѣ, есть пустая басня; что они вѣруютъ въ единого Бога; что по ихъ закону проклинать дьявола, правда, почитается неприличнымъ и неблагороднымъ, ибо онъ теперь несчастливъ, но современемъ можетъ быть прощень, ибо нельзя положить предѣловъ милосердію Аллаха. Это объясненіе меня успокоило. Я очень радъ былъ за язидовъ, что они сатанѣ не поклоняются, и заблужденія ихъ показались мнѣ уже гораздо простительнѣе.

Человекъ мой явился въ лагерь черезъ три дня послѣ меня. Онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ вагенбургомъ, который въ виду непріятеля благополучно соединился съ арміей. NB. Во все время похода ни одна арба изъ многочисленнаго нашего обоза не была захвачена непріятелемъ. Порядокъ, съ какимъ обозъ слѣдовалъ за войскомъ, въ самомъ дѣлѣ удивителенъ.

17 іюня утромъ мы вновь услышали перестрѣлку и черезъ два часа увидѣли карабахскій полкъ возвращающимся съ осмью турецкими знаменами; полковникъ Фридериксъ³⁶) имѣлъ дѣло съ не-

пріятелемъ, засѣвшимъ за каменными завалами, вытѣснилъ его и прогналъ; Османъ-паша, начальствовавшій конницей, едва успѣлъ спастись.

18 іюня лагерь передвинулся на другое мѣсто. 19-го, едва пушка разбудила насъ, все въ лагерѣ пришло въ движеніе. Генералы поѣхали къ своимъ постамамъ. Полки строились; офицеры становились у своихъ взводовъ. Я остался одинъ, не зная, въ которую сторону ѣхать и пустилъ лошадь на волю Божію. Я встрѣтилъ генерала Бурцова, который звалъ меня на лѣвый флангъ. Что такое лѣвый флангъ? подумалъ я, и поѣхалъ далѣе. Я увидѣлъ генерала Муравьева³⁷⁾, разставлявшаго пушки. Вскорѣ показались делибаши и закружились въ долинѣ, перестрѣливаясь съ нашими казаками. Между тѣмъ, густая толпа ихъ пѣхоты шла по лощинѣ. Генералъ Муравьевъ приказалъ стрѣлять. Картечьхватила въ самую середину толпы. Турки повалили въ сторону и скрылись за возвышеніемъ. Я увидѣлъ графа Паскевича, окруженнаго своимъ штабомъ. Турки обходили наше войско, отдѣленное отъ нихъ глубокимъ оврагомъ. Графъ послалъ П.³⁸⁾ осмотрѣть оврагъ П. поскакалъ. Турки приняли его за наѣздника и дали по немъ залпъ. Всѣ засмѣялись. Графъ велѣлъ выставить пушки и палить. Непритель разсыпался по горѣ и по лощинѣ. На лѣвомъ флангѣ, куда звалъ меня Бурцовъ, происходило жаркое дѣло. Передъ нами (противу центра) скакала турецкая конница. Графъ послалъ противъ нея генерала Раевского, который повелъ въ атаку свой нижегородскій полкъ. Турки исчезли. Татары наши окружали ихъ раненыхъ и проворно раздѣвали, оставляя нагихъ посреди поля. Генералъ Раевскій остановился на краю оврага. Два эскадрона, отдѣляясь отъ полка, занесли въ своемъ преслѣдованіи; они были выручены полковникомъ Симоничемъ³⁹⁾.

Сраженіе утихло. Турки у насъ въ глазахъ начали копать землю и таскать камень, укрѣпляясь по своему обыкновенію. Ихъ оставили въ покоѣ. Мы слѣзли съ лошадей и стали обѣдать, чѣмъ Богъ послалъ. Въ это время къ графу привели нѣсколькихъ плѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ былъ жестоко раненъ. Ихъ разспросили. Около шестого часу войска опять получили приказъ идти на непріятеля. Турки зашевелились за своими завалами, приняли насъ пушечными выстрѣлами и вскорѣ начали отступать. Конница наша была впереди; мы стали спускаться въ оврагъ. Земля обрывалась и сыпалась подъ конскими

ногами Поминутно лошадь моя могла упасть, и тогда (сводный) уланскій полкъ переѣхалъ бы черезъ меня. Однако, Богъ вынесъ. Едва выбрались мы на широкую дорогу, идущую горами, какъ вся наша конница поскакала во весь опоръ. Турки бѣжали; казаки стегали нагайками пушки, брошенныя на дорогѣ, и неслись мимо. Турки бросались въ овраги, находящіеся по обѣимъ сторонамъ дороги; они уже не стрѣляли; по крайней мѣрѣ ни одна пуля не просвистала мимо моихъ ушей. Первые въ преслѣдованіи были наши татарскіе полки, которыхъ лошади отличаются быстротою и силою. Лошадь моя, закусивъ поводя, отъ нихъ не отставала: я насилу могъ ее сдержать. Она остановилась передъ трупомъ молодого турка, лежившимъ поперегъ дороги. Ему, казалось, было лѣтъ осьмнадцать; блѣдное дѣвическое лицо не было обезображено; чалма его валялась въ пыли; обритый затылокъ прострѣленъ былъ пулею. Я поѣхалъ шагомъ; вскорѣ нагналъ меня Раевскій. Онъ написалъ карандашемъ на клочкѣ бумаги донесеніе графу Паскевичу о совершенномъ пораженіи непріятеля и поѣхалъ далѣе. Я слѣдовалъ за нимъ издали. Настала ночь. Усталая лошадь моя отставала и спотыкалась на каждомъ шагу. Графъ Паскевичъ повелѣлъ не прекращать преслѣдованія и самъ имъ управлялъ. Меня обогнали конные наши отряды. Я увидѣлъ полковника Полякова, начальника казацкой артиллеріи, игравшей въ тотъ день важную роль, и съ нимъ вмѣстѣ прибылъ въ оставленное селеніе, гдѣ остановился графъ Паскевичъ, прекратившій преслѣдованіе по причинѣ наступившей ночи.

Мы нашли графа на крозлѣ подземной сакли, передъ огнемъ. Къ нему приводили плѣнныхъ. Тутъ находились почти всѣ начальники. Казаки держали въ поводьяхъ ихъ лошадей. Огонь освѣщалъ картину, достойную Сальватора-Розы; рѣчка шумѣла во мракѣ. Въ это время донесли графу, что въ деревнѣ спрятаны пороховые запасы, и что должно опасаться взрыва. Графъ оставилъ саклю со всею своею свитою. Мы поѣхали къ нашему лагерю, находившемуся уже въ тридцати верстахъ отъ мѣста, гдѣ мы ночевали. Дорога полна была конныхъ отрядовъ. Только успѣли мы прибыть на мѣсто, какъ вдругъ небо освѣтилось, будто метеоромъ, и мы услышали глухой взрывъ. Сакля, оставленная нами назадъ тому четверть часа, взорвана была на воздухъ; въ ней находился пороховой запасъ. Разметанные камни задавили нѣсколькихъ казаковъ⁴⁰).

Вотъ все, что въ то время успѣлъ я увидѣть. Вечеромъ я узналъ, что въ этомъ сраженіи разбитъ сераскиръ Арзрумскій, шедшій на присоединеніе къ Гаки-пашѣ съ тридцатью тысячами войска. Сераскиръ бѣжалъ къ Арзруму; войско его, переброшенное за Саганъ-лу, было разсѣяно, артиллерія взята, а Гаки-паша одинъ оставался у насъ на рукахъ. Графъ Паскевичъ не далъ ему времени распорядиться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сраженіе съ Гаки-пашею. Смерть татарскаго бека. Гермафродить. Пльннй паша. Араксъ. Мостъ пастуха. Гассанъ-Кале. Горячій источникъ. Походъ къ Арзруму. Переговоры. Взятіе Арзрума. Турецкіе пльнники. Дервишъ.

На другой день, въ пятомъ часу, лагерь проснулся и получилъ приказаніе выступить. Выйдя изъ палатки, я встрѣтилъ графа Паскевича, вставшаго прежде всѣхъ. Онъ увидѣлъ меня. *Êtes-vous fatigué de la journée d'hier?*— *Mais un peu, M. le Comte.* — *«J'en suis fâché pour vous, car nous allons faire encore une marche pour joindre le pacha, et puis il faudra poursuivre l'ennemi encore une trentaine de verstes».*

Мы тронулись и къ восьми часамъ пришли на возвышеніе, съ котораго лагерь Гаки-паши виденъ былъ, какъ на ладони. Турки открыли безвредный огонь со всѣхъ своихъ батарей. Между тѣмъ въ лагерѣ ихъ замѣтно было большое движеніе. Усталость и утренній жаръ заставили многихъ изъ насъ слѣзть съ лошадей и лечь на свѣжую траву. Я опуталъ поводья около руки и сладко заснулъ, въ ожиданіи приказа идти впередъ. Черезъ четверть часа меня разбудили. Все было въ движеніи. Съ одной стороны колонны шли на турецкій лагерь; съ другой конница готовилась преслѣдсвать непріятеля. Я поѣхалъ было за нижегородскимъ полкомъ, но лошадь моя хромала, я отсталъ. Мимо меня пронсся уланскій полкъ. Потомъ Рольховскій проскакалъ съ 3 пушками. Я очутился одинъ въ лѣсистыхъ горахъ. Мнѣ попался на встрѣчу драгунъ, который объявилъ, что лѣсъ наполненъ непріятелемъ. Я воротился. Я естрѣтилъ генерала Муравьева съ пѣхотнымъ полкомъ. Онъ отрядилъ одну роту въ лѣсъ,

дабы его очистить. Подъѣзжая къ лощинѣ, увидѣлъ я необыкновенную картину. Подъ деревомъ лежалъ одинъ изъ нашихъ татарскихъ бековъ ⁴¹⁾, раненый смертельно. Подлѣ него рыдалъ его любимецъ. Мулла, стоя на колѣнахъ, читалъ молитвы. Умирающій бекъ былъ чрезвычайно спокоенъ и неподвижно глядѣлъ на молодого своего друга. Въ лощинѣ собрано было человекъ пятьсотъ плѣнныхъ. Нѣсколько раненыхъ турокъ подзывали меня знаками, вѣроятно, принимая меня за лѣкаря и требуя помощи, которой я не могъ имъ подать. Изъ лѣсу вышелъ турокъ, зажимая свою рану окровавленную тряпкою. Солдаты подошли къ нему съ намѣреніемъ приколоть, можетъ-быть, изъ человеколюбія. Но это слишкомъ меня возмутило: я заступился за бѣднаго турка и насилу привелъ его, изнеможеннаго и истекающаго кровью, къ кучкѣ его товарищей. При нихъ былъ полковникъ А. ⁴²⁾. Онъ курилъ дружелюбно изъ ихъ трубокъ, не смотря на то, что были слухи о чумѣ, будто бы открывшейся въ турецкомъ лагерѣ. Плѣнные сидѣли, спокойно разговаривая между собою. Почти всѣ были молодые люди. Отдохнувъ, пустились мы далѣе. По всей дорогѣ валялись тѣла Верстахъ въ пятнадцати нашелъ я нижегородскій полкъ, остановившійся на берегу рѣчки, посреди скаль. Преслѣдованіе продолжалось еще нѣсколько часовъ. Къ вечеру пришли мы въ долину, окруженную густымъ лѣсомъ, и наконецъ могъ я выспаться въ волю, проскакавъ въ эти два дня болѣе восьмидесяти верстъ

На другой день войска, преслѣдовавшія непріятеля, получили приказъ возвратиться въ лагерь. Тутъ узнали мы, что между плѣнниками находился гермафродитъ. Раевскій, по просьбѣ моей, велѣлъ его привести. Я увидѣлъ высокаго, довольно толстаго мужика, съ лицомъ старой курносой чухонки. Мы осмотрѣли его въ присутствіи лѣкаря: *erat vir, mammosus ut femina, habebat testiculos non evolutos, penemque parvum et puerilem. Quaerebamus: sitne exsectus? Deus, respondit, castravit me.* Сія болѣзнь, извѣстная Иппократу, по свидѣтельству путешественниковъ, встрѣчается часто у кочующихъ татаръ и у турковъ. Коосъ есть турецкое названіе этимъ мнимымъ гермафродитамъ.

Войско наше стояло въ турецкомъ лагерѣ, взятомъ наканунѣ. Палатка графа Паскевича стояла близъ зеленаго шатра Гакипаши, взятаго въ плѣнъ нашими казаками. Я пошелъ къ нему и

нашелъ его окруженнаго нашими офицерами. Онъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги и куря трубку. Онъ казался лѣтъ сорока. Важность и глубокое спокойствіе изображались на прекрасномъ лицѣ его. Огдавшись въ плѣнѣ, онъ просилъ, чтобъ ему дали чашку кофею и чтобъ его избавили отъ вопросовъ.

Мы стояли въ долинѣ. Снѣжныя и лѣсистыя горы Саганъ-лу были уже за нами. Мы пошли впередъ, не встрѣчая нигдѣ непріятеля. Селенія были пусты, окрестная сторона печальна. Мы увидѣли Араксъ, быстро текущій въ каменистыхъ берегахъ своихъ. Въ пятнадцати верстахъ отъ Гассанъ-Кале находится мостъ, прекрасно и смѣло выстроенный на семи неравныхъ сводахъ. Преданіе приписываетъ его построеніе разбогатѣвшему пастуху, умершему пустыннокомъ на высотѣ холма, гдѣ доннынѣ показываютъ его могилу, осѣненную двумя пустынными соснами. Сосѣдніе поселяне стекаются къ ней на поклоненіе. Мостъ называется Чабанъ-Кэпри (мостъ пастуха.) Дорога въ Тебризъ лежитъ черезъ него.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моста посѣтилъ я темныя развалины караванъ-сарая. Я не нашелъ въ немъ никого, кромѣ больного осла, вѣроятно брошеннаго здѣсь бѣгущими поселянами.

24 іюня утромъ пошли мы къ Гассанъ-Кале, древней крѣпости, наканунѣ занятой княземъ Бековичемъ. Она была въ пятнадцати верстахъ отъ мѣста нашего ночлега. Длинные переходы утомили меня. Я надѣялся отдохнуть; но вышло иначе.

Передъ выступленіемъ конницы, явились въ нашъ лагерь армяне, живущіе въ горахъ, требуя защиты отъ турокъ, которые три дня тому назадъ отогнали ихъ скотъ. Полковникъ А. ⁴⁸⁾, хорошо не разобравъ, чего они хотѣли, вообразилъ, что турецкій отрядъ находился въ горахъ, и съ однимъ эскадрономъ уланскаго полка поскакалъ въ сторону, давъ знать Раевскому, что три тысячи турокъ находятся въ горахъ. Раевскій отправился вслѣдъ за нимъ, чтобы подкрѣпить его въ случаѣ опасности. Я почиталъ себя прикомандированнымъ къ нижегородскому полку, и съ великою досадою поскакалъ на освобожденіе армянъ. Проѣхавъ верстъ двадцать, въѣхали мы въ деревню и увидѣли нѣсколько отставшихъ улановъ, которые, спѣшась, съ обнаженными саблями преслѣдовали нѣсколькихъ куръ. Здѣсь одинъ изъ поселянъ растолковалъ Раевскому, что дѣло шло о трехъ тысячахъ воловъ,

три дня назадъ отогнанныхъ турками, и которыхъ весьма легко будетъ догнать дня черезъ два. Расвскій приказалъ уланамъ прекратить преслѣдованіе куръ и послалъ полковнику А. повелѣніе воротиться. Мы поѣхали обратно и, выбравшись изъ горъ, прибыли подъ Гассанъ-Кале. Но такимъ образомъ дали мы сорокъ верстъ крюку, чтобы спасти жизнь нѣсколькимъ армянскимъ курицамъ, что вовсе не казалось мнѣ забавнымъ.

Гассанъ-Кале почитается ключемъ Арзрума. Городъ выстроенъ у подошвы скалы, увѣнчанной крѣпостью. Въ немъ находилось до ста армянскихъ семействъ. Лагерь нашъ стоялъ въ широкой равнинѣ, разстилающейся передъ крѣпостью. Тутъ построилъ я круглое, каменное строеніе, въ которомъ находится горячій желѣзосѣрный источникъ.

Круглый бассейнъ имѣетъ сажени три въ діаметрѣ. Я переплылъ его два раза и, вдругъ почувствовавъ головокруженіе и тошноту, едва имѣлъ силу выйти на каменный край источника. Эти воды славятся на Востокѣ; но, не имѣя порядочныхъ лѣкарей, жители пользуются ими наобумъ и, вѣроятно, безъ большого успѣха.

Подъ стѣнами Гассанъ-Кале течетъ рѣка Мургъ; берега ея покрыты желѣзными источниками, которые бьютъ изъ подъ камней и стекаютъ въ рѣку. Они не столь пріятны вкусу, какъ кавказскій Нарз нъ, и отзываются мѣдью.

25 іюня, въ день рожденія государя императора, въ лагерѣ нашемъ, подъ стѣнами крѣпости, полки отслушали молебенъ. За объѣдомъ у графа Паскевича, когда пили здоровье государя, графъ объявилъ походъ къ Арзруму. Въ пять часовъ вечера войско уже выступило.

26 іюня мы стали въ горахъ, въ пяти верстахъ отъ Арзрума. Горы эти называются Акъ-Дагъ (бѣлая гора); онѣ мѣловыя. Бѣлая язвигельная пыль ѣла намъ глаза; грустный видъ ихъ наводилъ тоску. Близость Арзрума и увѣренность въ окончаніи похода утѣшала насъ.

Вечеромъ графъ Паскевичъ ѣздилъ осматривать мѣстоположеніе. Турецкіе наѣзники, цѣлый день кружившіеся передъ нашими пикетами, начали по немъ стрѣлять. Графъ нѣсколько разъ погрозилъ имъ нагайкою, не переставая разсуждать съ генераломъ Муравьевымъ. На ихъ выстрѣлы не отвѣчали.

Между тѣмъ, въ Арзрумѣ происходило болѣе смятеніе.

Сераскирь, прибѣжавшій въ городъ послѣ своего пораженія, распустилъ слухъ о совершенномъ разбитіи русскихъ. Вслѣдъ за нимъ отпущенные плѣнники доставили жителямъ воззваніе графа Паскевича. Бѣглецы уличили сераскира во лжи. Вскорѣ узнали о быстромъ приближеніи русскихъ. Народъ сталъ говорить о сдѣчѣ. Сераскирь и войско думали защищаться. Произошелъ мятежъ. Нѣсколько франковъ были убиты озлобленной чернью.

Въ лагерь нашъ (26-го утромъ) явились депутаты отъ народа и сераскира. День прошелъ въ переговорахъ, въ пять часовъ вечера депутаты отправились въ Арзрумъ, и съ ними генералъ князь Бековичъ, хорошо знающій азіатскіе языки и обычаи.

На другой день утромъ войско наше двинулось впередъ съ восточной стороны Арзрума, на высотѣ Топъ-дага, находилась турецкая батарея. Полки подошли къ ней, отвѣчая на турецкую пальбу барабаннымъ боемъ и музыкою. Турки бѣжали, и Топъ-дагъ былъ занятъ. Я пріѣхалъ туда съ поэгомъ Юзэфовичемъ. На оставленной батарее нашли мы графа Паскевича со всею его свитою. Съ высоты горы, въ лощинѣ, открывался взору Арзрумъ со всею цитаделью, съ зелеными кровлями, наклеенными одна на другую. Графъ былъ верхомъ. Передъ нимъ на землѣ сидѣли турецкіе депутаты, пріѣхавшіе съ ключами города. Но въ Арзрумѣ замѣтно было волненіе. Вдругъ на городскомъ валу мелькнулъ огонь, закурился дымъ, и ядра полетѣли къ Топъ-дагу. Нѣсколько ихъ пронеслись надъ головою графа Паскевича: «*Vous les tures,*—сказалъ онъ мнѣ,—*on ne peut jamais se fier à eux*». Въ эту минуту прискакалъ на Топъ-дагъ князь Бековичъ, со вчерашняго дня находившійся въ Арзрумѣ на переговорахъ. Онъ объявилъ, что сераскирь и народъ давно согласны на сдачу, но что нѣсколько непослушныхъ арнаутовъ, подъ предводительствомъ Топчи-пши, овладѣли городскими батареями и бунтуютъ. Генералы подѣхали къ графу, прося позволенія заставить молчать турецкія батареи. Арзрумскіе сановники, сидѣвшіе подъ огнемъ своихъ же пушекъ, повторили ту же просьбу. Графъ нѣсколько времени медлил, наконецъ далъ повелѣніе, сказавъ: «полно имъ дурачиться». Тотчасъ подвезли пушки, стали стрѣлять, и непріятельская пальба мало по малу утихла. Полки наши пошли въ Арзрумъ, и 27 іюня, въ годовщину полтавскаго сраженія, въ шесть часовъ вечера, русское знамя развивалось надъ арзрумской цитаделью.

Раевскій поѣхалъ въ городъ; я отправился съ нимъ. Мы въѣхали въ городъ, представлявшій удивительную картину. Турки съ плоскихъ кровель своихъ угрюмо смотрѣли на насъ. Армяне шумно толпились въ тѣсныхъ улицахъ. Ихъ мальчишки бѣжали предъ нашими лошадьми, крестясь и повторяя: христіанинъ! христіанинъ!... Мы подъѣхали къ крѣпости, куда входила наша артиллерія. Съ крайнимъ удивленіемъ встрѣтилъ я тутъ моего Артемія, уже развѣзжающаго по городу, несмотря на строгое предписаніе никому изъ лагеря не отлучаться безъ особеннаго позволенія.

Улицы города тѣсны и кривы, дома довольно высоки. Народу множество; лавки были заперты. Пробывъ въ городѣ часа съ два, я возвратился въ лагерь: сераскиръ и четверо пашей, взятые въ плѣнъ, находились уже тутъ. Одинъ изъ пашей, сухощавый старичекъ, ужасный хлопотунъ, съ живостью говорилъ нашимъ генераламъ. Увидѣвъ меня во фракѣ, онъ спросилъ, кто я таковъ. П. ⁴⁴⁾ далъ мнѣ титулъ поэта. Паша сложилъ руки на грудь и поклонился мнѣ, сказавъ черезъ переводчика: «Благословенъ часъ, когда мы встрѣчаемъ поэта. Поэтъ — братъ дервишу. Онъ не имѣетъ ни отечества, ни благъ земныхъ, и между тѣмъ какъ мы, бѣдные, заботимся о славѣ, о сокровищахъ, онъ стоитъ наравнѣ съ властелинами земли и ему поклоняются».

Восточное привѣтствіе паши всѣмъ намъ очень полюбилось. Я пошелъ взглянуть на сераскира. При входѣ въ его палатку встрѣтилъ я его любимаго пажу, черноглазаго мальчика лѣтъ четырнадцати, въ богатой арнаутской одеждѣ. Сераскиръ, сѣдой старикъ, наружности самой обыкновенной, сидѣлъ въ глубокомъ уныніи. Около него была толпа нашихъ офицеровъ. Выходя изъ его палатки, увидѣлъ я молодого человѣка, полунагого, въ бараньей шапкѣ, съ дубиной въ рукѣ и съ мѣхомъ (*outré*) за плечами. Онъ кричалъ во все горло. Мнѣ сказали, что это былъ братъ мой дервишъ, пришедшій привѣтствовать побѣдителей. Его насилу отогнали.

Г Л А В А П Я Т А Я.

Арзрумъ. Азіатская роскошь. Климать. Кладбища. Сатирическіе стихи. Сераскирскій дворець. Гаремъ турецкаго пашы. Чума. Смерть Бурцова. Выѣздъ изъ Арзрума. Обратный путь. Русскій журналъ.

Арзрумъ (неправильно называемый Арзерумъ, Эрзрумъ, Эрзронъ) основанъ около 415 года, во время Θεодосія Второго, и названъ Θεодосіополемъ. Никакого историческаго воспоминанія не соединяется съ его именемъ. Я зналъ о немъ только то, что здѣсь, по свидѣтельству Гаджи-Бабы, поднесены были персидскому послу, въ удовлетвореніе какой то обиды, телячи уши вмѣсто человѣчьихъ ⁴⁵).

Арзрумъ почитается главнымъ городомъ въ Азіатской Турціи. Въ немъ считалось до ста тысячъ жителей; но, кажется, число это слишкомъ увеличено. Дома въ немъ каменные, кровли покрыты дерномъ, что даетъ городу чрезвычайно странный видъ, если смотришь на него съ высоты.

Главная сухопутная торговля между Европою и Востокомъ производится черезъ Арзрумъ. Но товаровъ въ немъ продается мало; ихъ здѣсь и не выкладываютъ, что замѣтилъ и Турнфордъ ⁴⁶), пишущій, что въ Арзрумѣ большой можетъ умереть за невозможностью достать ложку ревеня, между тѣмъ какъ цѣлые мѣшки онаго находятся въ городѣ.

Не знаю выраженія, которое было-бы бессмысленнѣе словъ: «азіатская роскошь». Эта поговорка, вѣроятно, родилась во время крестовыхъ походовъ, когда бѣдные рыцари, оставя голыя стѣны и дубовые стулья своихъ замковъ, увидѣли въ первый разъ красные диваны, пестрые ковры и кинжалы съ цвѣтными камешками на рукояти. Нынѣ можно сказать: «азіатская бѣдность, азіатское свинство» и проч., но роскошь, конечно, принадлежность Европы. Въ Арзрумѣ ни за какія деньги нельзя купить того, что вы найдете въ мелочной лавкѣ перваго уѣзднаго городка Псковской губерніи.

Климать арзрумскій суровъ. Городъ выстроенъ въ лощинѣ, возвышающейся надъ моремъ на семь тысячъ футовъ. Горы, окружающія его, покрыты снѣгомъ большую часть года. Земля безлѣсна, но плодоносна. Она орошена множествомъ источниковъ и отсюду пересѣчена водопроводами. Арзрумъ славится своею

водою. Эвфратъ течеть въ трехъ верстахъ отъ города; но фонтановъ вездѣ множество. У каждаго висить жестяной ковшикъ на цѣпи, и добрые мусульмане пьютъ и не нахвалятся. Лѣсъ доставляется изъ Саганъ-лу.

Въ арзрумскомъ арсеналѣ нашли множество стариннаго оружія, шлемовъ, латъ, сабель, ржавѣющихъ, вѣроятно, еще со времянь Годфреда.

Мечети низки и темны. За городомъ находится кладбище. Памятники состоятъ обыкновенно въ столбахъ, убранныхъ каменною чалмою. Гробницы двухъ или трехъ пашей отличаются большей затѣйливостью; но въ нихъ нѣтъ ничего изящнаго: никакого вкуса, никакой мысли... Одинъ путешественникъ пишетъ, что изъ всѣхъ азіатскихъ городовъ въ одномъ Арзрумѣ нашелъ онъ башенные часы, и тѣ были испорчены.

Нововведенія, затѣваемые султаномъ, не проникли еще въ Арзрумъ. Войско носитъ еще свой живописный восточный нарядъ. Между Арзрумомъ и Константинополемъ существуетъ соперничество, какъ между Казанью и Москвою.

Вотъ начало сатирической поэмы, сочиненной янычаромъ Аминомъ-Оглу:

Стамбуль гяуры нынче славятъ,
А завтра кованой пятсй,
Какъ змія спящаго, раздавятъ,
И прочь пойдутъ—и такъ оставятъ:
Стамбуль заснулъ передъ бѣдой.

Стамбуль отрекся отъ Пророка;
Въ немъ правду древняго Востока
Лукавый Западъ омрачилъ.
Стамбуль, для сладостей порока,
Мольбѣ и саблѣ измѣнилъ;
Стамбуль отвыкъ отъ пота битвы
И пьетъ вино въ часы молитвы.

Въ немъ вѣры чистый жаръ потухъ:
Въ немъ жены по базару ходятъ,
На перекрестки шлютъ старухъ,
А тѣ мужчинъ въ гаремы вводятъ.
И спить подкупленный свнухъ,

Но не таковъ Арзрумъ нагорный,
Многодорожный нашъ Арзрумъ;
Не спимъ мы въ роскоши позорной,
Не черпемъ чашей непокорной
Въ винѣ развратъ, огонь и шумъ.

Постимся мы; струею трезвой
Одни фонтаны насъ поятъ;
Толпой неистовой и рѣзвой
Джигиты наши въ бой летятъ;
Харемы наши недоступны,
Евнухи строги, неподкупны,
И смирно жены тамъ сидятъ.

Я жилъ въ сераскировомъ дворцѣ, въ комнатахъ, гдѣ находился гаремъ. Цѣлый день бродилъ я по безчисленнымъ переходамъ, изъ комнаты въ комнату, съ кровли на кровлю, съ лѣстницы на лѣстницу. Дворецъ казался разграбленнымъ: сераскиръ, предполагая бѣжать, вывезъ изъ него что только могъ. Диваны были ободраны, ковры сняты. Когда гулялъ я по городу, турки подзывали меня и показывали мнѣ языкъ. (Они принимаютъ всякаго франка за лѣкаря). Это мнѣ надоѣло—я готовъ былъ отвѣчать имъ тѣмъ же. Вечера проводилъ я съ умнымъ и любезнымъ Сухоруковымъ⁴⁷⁾; сходство нашихъ занятій сближало насъ. Онъ говорилъ мнѣ о своихъ литературныхъ предположеніяхъ, о своихъ историческихъ изысканіяхъ, нѣкогда начатыхъ имъ съ такою ревностію и удачей. Ограниченность его желаній и требованій поистинѣ трогательна. Жаль, если они не будутъ исполнены.

Дворецъ сераскира представлялъ картину вѣчно оживленную: тамъ, гдѣ угрюмый паша молчаливо курилъ посреди своихъ женъ и отроковъ, тамъ его побѣдитель получалъ доносенія о побѣдахъ своихъ генераловъ, раздавалъ пашалыки, разговаривалъ о новыхъ романахъ. Мушскій паша⁴⁸⁾ пріѣзжалъ къ графу Паскевичу просить у него мѣста для своего племянника. Ходя по дворцу, важный турокъ остановился въ одной изъ комнатъ, съ живостью приговорилъ нѣсколько словъ и впалъ потомъ

въ задумчивость: въ этой самой комнатѣ обезглавленъ былъ его отецъ по повелѣнію сераскира. Вотъ впечатлѣнія настоящія восточныя! Славный Бей-булатъ⁴⁹⁾, гроза Кавказа, пріѣзжалъ въ Арзрумъ съ двумя старшинами черкесскихъ селеній, возмущившихся во время послѣднихъ войнъ. Они обѣдали у графа Паскевича. Бей-булатъ мужчина лѣтъ тридцати пяти, малорослый и широкоплечій. Онъ по-русски не говоритъ, или притворяется, что не говоритъ. Пріѣздъ его въ Арзрумъ меня очень обрадовалъ: онъ былъ уже мнѣ порукой въ безопасномъ переѣздѣ черезъ горы и Кабарду

Османъ-паша, взятый въ плѣнъ подъ Арзрумомъ и отправленный въ Тифлисъ вмѣстѣ съ сераскиромъ, просилъ графа Паскевича за безопасность харема, имъ оставляемаго въ Арзрумѣ. Въ первые дни объ немъ было забыли. Однажды, за обѣдомъ, разговаривая о тишинѣ мусульманскаго города, занятаго десятью тысячами войска и въ которомъ ни одинъ изъ жителей ни разу не пожаловался на насиліе солдата, графъ вспомнилъ о харемѣ Османа-паши и приказалъ г. А.⁵⁰⁾ съѣздить въ домъ паши и спросить у его женъ, довольны ли онѣ и не было ли имъ какойнибудь обиды. Я просилъ позволенія сопровождать г. А. Мы отправились. Г-нъ А. взялъ съ собою въ переводчики русскаго офицера, котораго исторія любопытна. Осьмнадцати лѣтъ попался онъ въ плѣнъ къ персіянамъ... онъ болѣе двадцати лѣтъ служилъ евнухомъ въ харемѣ одного изъ сыновей шаха. Онъ рассказывалъ о своемъ несчастіи въ пребываніе въ Персіи съ трогательнымъ простодушіемъ. Въ физиологическомъ отношеніи показанія его были драгоцѣнны.

Мы пришли къ дому Османа-паши; насъ ввели въ открытую комнату, убранную очень порядочно, даже со вкусомъ; на цвѣтныхъ окнахъ начертаны были надписи, взятыя изъ корана. Одна изъ нихъ показала мнѣ очень замысловата для мусульманскаго харема: тебѣ подобаетъ связывать и развязывать. Намъ поднесли кофею въ чашечкахъ, оправленныхъ въ серебрѣ. Старикъ съ бѣлой почтенной бороδοю, отецъ Османа-паши, пришелъ отъ имени женъ благодарить графа Паскевича, но г. А. сказалъ на отрѣзъ, что онъ посланъ къ женамъ Османа-паши и хочетъ ихъ видѣть, дабы отъ нихъ самихъ удостовѣриться, что онѣ въ отсутствіе супруга всѣмъ довольны. Едва персидскій плѣн-

никъ успѣлъ все это перевести, какъ старикъ, въ знакъ негодованія, зашелкалъ языкомъ и объявилъ, что никакъ не можетъ согласиться на наше требованіе, и что если паша, по своемъ возвращеніи, провѣдаетъ, что чужіе мужчины видѣли его женъ, то и ему, старику, и всѣмъ служителямъ харема велить отрубить голову. Прислужники, между коими не было ни одного евнуха, подтвердили слова старика; но г. А. былъ непоколебимъ. «Вы боитесь своего паши, сказалъ онъ имъ, а я своего сераскира, и не смѣю послушаться его приказаній». Дѣлать было нечего. Насъ повели черезъ садъ, гдѣ били два тощіе фонтана. Мы приблизились къ маленькому каменному строенію. Старикъ сталъ между нами и дверью, осторожно ее отперъ, не выпуская изъ рукъ задвижки; мы увидѣли женщину, съ головы до желтыхъ туфель покрытую бѣлой чадрую. Нашъ переводчикъ повторилъ ей вопросъ: мы услышали шамканіе семидесятилѣтней старухи; г. А. прервалъ ее: «это мать паши, сказалъ онъ: а я присланъ къ вамъ, приведите одну изъ нихъ». Всѣ изумились догадкѣ гяуровъ: старуха ушла и черезъ минугу возвратилась съ женщиной, покрытой такъ же какъ и она, изъ-подъ покрывала раздался молодой пріятный голосокъ. Она благодарила графа за его вниманіе къ бѣднымъ вдовамъ и хвалила обхожденіе русскихъ. Г-нъ А. имѣлъ искусство вступить съ нею въ дальнѣйшій разговоръ; я, между тѣмъ, глядя около себя, увидѣлъ вдругъ надъ самой дверью круглое окошко, и въ этомъ кругломъ окошкѣ пять или шесть круглыхъ головокъ съ черными любопытными глазами. Я хотѣлъ было сообщить о своемъ открытіи г. А., но головки закивали, замигали, и нѣсколько пальчиковъ стали мнѣ грозить, давая знать, чтобъ я молчалъ. Я повиновался и не подѣлился моею находкою. Всѣ онѣ были пріятны лицомъ, но не было ни одной красавицы; та, которая разговаривала у дверей съ г. А., была, вѣроятно, повелительницею харема, сокровищницею сердцець, розою любви—по крайней мѣрѣ, я такъ воображалъ.

Наконецъ г. А. прекратилъ свои разспросы. Дверь затворилась. Лица въ окошкѣ исчезли. Мы осмотрѣли садъ и домъ и возвратились, очень довольные своимъ посольствомъ.

Такимъ образомъ видѣлъ я харемъ: это удалось рѣдкому европейцу. Вотъ вамъ основаніе для восточнаго романа.

Война казалась кончена. Я собирался въ обратный путь.

14 іюля пошелъ я въ народную баню, и не радъ былъ жизни! Я проклиналъ нечистоту простынь, дурную прислугу и проч. Какъ можно сравнить бани арзрумскія съ тифлисскими!

Возвращаясь во дворець, узналъ я отъ К., стоявшаго въ караулѣ, что въ Арзрумѣ открылась чума. Мнѣ тотчасъ представились ужасы карантина, и я въ тотъ же день рѣшилъ оставить армію. Мысль о присутствіи чумы очень непріятна съ непривычки. Желая изгладить это впечатлѣніе, я пошелъ гулять по базару. Остановясь передъ лавкою оружейнаго мастера, я сталъ разсматривать какой-то кинжалъ, какъ вдругъ ударили меня по плечу. Я оглянулся: за мною стоялъ ужасный нищій. Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть; изъ красныхъ, загнанныхъ глазъ его текли слезы. Мысль о чумѣ опять мелькнула въ моемъ воображеніи. Я оттолкнулъ нишаго съ чувствомъ отвращенія неизъяснимаго, и воротился домой, очень недовольный своею прогулкою.

Любопытство, однакожъ, превозмогло; на другой день я отправился съ лѣкаремъ въ лагерь, гдѣ находились зачумленные. Я не сошелъ съ лошади и взялъ предосторожность стать по вѣтру. Изъ палатки вывели намъ больного; онъ былъ чрезвычайно блѣденъ и шатался, какъ пьяный. Другой больной лежалъ безъ памяти. Осмотрѣвъ чумнаго и обѣщавъ несчастному скорое выздоровленіе, я обратилъ вниманіе на двухъ турокъ, которые выводили его подъ руки, раздѣвали, щупали, какъ-будто чума была не что иное какъ насморкъ. Признаюсь, я устыдился моею европейскою робости въ присутствіи такого равнодушія и поскорѣе возвратился въ городъ.

19 іюля⁶¹⁾, пріявъ проститѣля съ графомъ Паскевичемъ, я нашелъ его въ сильномъ огорченіи. Получено было извѣстіе, что генералъ Бурцовъ былъ убитъ подъ Байбуртомъ. Жаль было храбраго Бурцова, но это происшествіе могло быть печально и для всего нашего малочисленнаго войска, зашедшаго глубоко въ чужую землю и окруженнаго непріязненными народами, готовыми возстать при слухѣ о первой неудачѣ. Итакъ, война возобновилась! Графъ предлагалъ мнѣ быть свидѣтелемъ дальнѣйшихъ предпріятій; но я спѣшилъ въ Россію... Графъ подарилъ мнѣ на память турецкую саблю. Она хранится у меня памятникомъ моего странствованія вослѣдъ блестящаго героя по завоеваннымъ пустынямъ Арменіи. Въ тотъ же день я оставилъ Арзрумъ.

Я ѣхалъ обратно въ Тифлисъ, по дорогѣ уже мнѣ знакомой. Мѣста, еще недавно оживленныя присутствіемъ пятнадцати тысячъ войска, были молчаливы и печальны. Я переѣхалъ Салгынъ-лу и едва могъ узнать мѣсто, гдѣ стоялъ нашъ лагерь. Въ Гумрахъ выдержалъ я трехдневный карантинъ. Опять увидѣлъ я Безобдалъ и оставилъ возвышенныя равнины холодной Арменіи для знойной Грузіи. Въ Тифлисъ я прибылъ 1-го августа. Здѣсь остался я нѣсколько дней въ любезномъ и веселомъ обществѣ. Нѣсколько вечеровъ провелъ я въ садахъ при звукѣ музыки и пѣсенъ грузинскихъ. Я отправился далѣе ⁵²⁾). Переѣздъ мой черезъ горы замѣчательнъ былъ для меня тѣмъ, что близъ Коби ночью застала меня буря. Утромъ, проѣзжая мимо Казбека, увидѣлъ я чудное зрѣлище: бѣлыя, оборванныя тучи перетягивались черезъ вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавалъ въ воздухѣ, несомый облаками. Бѣшеная Балка также явилась мнѣ во всемъ своемъ величіи: оврагъ, наполнившійся дождевыми водами, превосходилъ въ своей свирѣпости самый Терекъ, тутъ-же грозно ревѣвшій. Берега были растерзаны; огромные камни сдвинуты съ мѣста и загромождали потокъ. Множество осетинцевъ разработывали дорогу. Я переправился благополучно. Наконецъ, я выѣхалъ изъ тѣснаго ущелья на раздолье широкихъ равнинъ Большой Кабарды. Во Владикавказѣ нашелъ я Д. ⁵³⁾ и П. ⁵⁴⁾). Оба ѣхали на воды лѣчиться отъ ранъ, полученныхъ ими въ нынѣшніе походы. У П. на столѣ нашелъ я русскіе журналы. Первая статья, мнѣ попавшаяся, была разборъ одного изъ моихъ сочиненій. Въ ней всячески бранили меня и мои стихи. Я сталъ читать ее вслухъ. П. остановилъ меня, требуя, чтобъ я читалъ съ бѣльшимъ мимическимъ искусствомъ. Надобно знать, что разборъ былъ украшенъ обыкновенными затѣями нашей критики: это былъ разговоръ между дьячкомъ, просвирней и корректоромъ типографіи, Здравомысломъ этой маленькой комедіи. Требованіе П—на показалось мнѣ такъ забавно, что досада, произведенная на меня чтеніемъ журнальной статьи, совершенно исчезла, и мы расхохотались отъ чистаго сердца.

Таково было мнѣ первое привѣтствіе въ любезномъ отечествѣ.

ПРИМЪЧАНІЯ И ОБЪЯСНЕНІЯ

КЪ

„ПУТЕШЕСТВІЮ ВЪ АРЗРУМЪ“

И

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КАНВА

КЪ КАВКАЗСКОМУ ПУТЕШЕСТВІЮ А. С. ПУШКИНА

въ 1829 г.

Составилъ Е. Т. Вейденбаумъ.

Примѣчанія и объясненія къ „Путешествію въ Арзрумъ“ и хронологическая канва къ кавказскому путешествію А. С. Пушкина въ
1829 году.

¹⁾ *Викторъ Фонтань.* (V. Fontanier), род. около 1796, ум. 1857, известный французскій путешественникъ и дипломатъ. Сочиненія его о Востокѣ цѣнятся за точность свѣдѣній и интересъ подробностей. Въ 1825—26 гг., возвращаясь изъ Персіи, Фонтань посѣтилъ Закавказье и нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ въ Тифлисѣ.

²⁾ Капитанъ л.-гв. измайловскаго полка графъ *Мусинъ-Пушкинъ* за прикосновенность къ дѣлу о злоумышленныхъ обществахъ переведенъ тѣмъ-же чиномъ въ петровскій пѣхотный полкъ, а затѣмъ высочайшимъ приказомъ 4 февраля 1829 г.—въ тифлисскій пѣхотный полкъ, расположенный въ Грузіи. Графу Паскевичу было предложено имѣть за нимъ тайный и бдительный надзоръ.

³⁾ Въ Екатериноградской станицѣ, расположенной на лѣвомъ берегу р. Малки, прекращался тогда обыкновенный почтовый трактъ и дальнѣйшее движеніе къ Владикавказу севершалось подъ сильнымъ военнымъ прикрытіемъ. Для этого надо было ждать случая, т. е. или препровожденія почты или проѣзда какого-нибудь начальника или фельдъегеря. Отсюда и выраженіе *ждать съ okazjiей*. Для прикрытія дороги отъ набѣговъ горскихъ хищниковъ были построены между Екатериноградомъ и Владикавказомъ, на лѣвой сторонѣ Терека, укрѣпленія Пришибъ, Урухъ и Ардонъ. Въ нихъ okazjiей останавливались для ночлега и въ нихъ же смѣнялись конвоирующія роты. Въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ были расположены еще вспомогательные укрѣпленные посты: Минаретскій (между Урухомъ и Ардономъ) и Архонскій (между Ардономъ и Владикавказомъ). Здѣсь okazjiей останавливались только для кратковременнаго отдыха въ виду большихъ переходовъ. Всего отъ Екатеринограда до Владикавказа считалось 105 верстъ. Okazія проходила это разстояніе въ четыре дня.

Начиная отъ Екатеринограда дорога называлась военно-грузинскою. Названіе это, совершенно неправильное въ смыслѣ географическомъ, произошло отъ того, что она находилась уже въ томъ районѣ, въ которомъ войска и вообще всѣ служащіе получали усиленное содержаніе, по такъ называвшемуся *грузинскому положенію*.

4) Пушкинъ справедливо хвалить красоту долины, въ которой находился Минаретскій укрѣпленный постъ. Здѣсь Терекъ прорывается чрезъ лѣсистый южно-кабардинскій хребетъ. Мѣстность эта, известная подъ названіемъ *Татартупъ*, т. е. татарскій холмъ, носить слѣды древняго городища. На мѣстѣ его высится теперь только одинъ стройный кирпичный минаретъ, но еще въ началѣ текущаго столѣтія были видны здѣсь развалины двухъ христіанскихъ церквей, мечети, башни и слѣды обширнаго кладбища. Городище пользовалось прежде у кабардинцевъ и чеченцевъ величайшимъ уваженіемъ: клятва, произнесенная при Татартупѣ, считалась священною; преступники, прибѣгавшіе подъ защиту Татартупа, были неприкосновенны; здѣсь происходили народныя собранія и приносились жертвы.

5) Правильнѣе *тамга* (тюрко-монгольское слово), т. е. отличительный знакъ, отмѣта.

6) Во время кавказской войны горцы официально дѣлились на *мирныхъ* и *немирныхъ*. Первые считались русскими подданными, служили въ нашихъ милиціонныхъ частяхъ, вторые состояли съ нами въ открытой войнѣ. Дѣленіе это было очень условное, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ мирные горцы были таковыми постольку, поскольку селенія ихъ были доступны для нашего штыка и пули. Мирные участвовали нерѣдко въ набѣгахъ немирныхъ въ наши предѣлы и даже служили лазутчиками и проводниками для хищниковъ. Вотъ почему Пушкинъ называетъ ненадежною дружбу *мирныхъ* черкесовъ.

7) *Мансуръ* (по-арабски значить— побѣдоносный) или *Шейхъ-Мансуръ*, уроженецъ сел. Алды, въ Большой Чечнѣ, по имени Ушурма. Подъ вліяніемъ мусульманской проповѣди, раздававшейся изъ турецкой Анапы, Ушурма принялъ званіе шейха съ прозвищемъ Мансура и явился первымъ провозвѣстникомъ среди кавказскихъ горцевъ *газавата*, т. е. войны за вѣру противъ христіанъ. Мансуръ началъ свою дѣятельность въ 1785 г. и въ короткое время успѣлъ поднять противъ русской власти чеченскія и черкесскія племена. Подавленіе вызваннаго имъ движенія потребовало величайшаго напряженія всѣхъ нашихъ военныхъ силъ, очень немногочисленныхъ въ то время на Кавказѣ. Испытавъ рядъ пораженій Мансуръ удалился въ Анапу, подъ защиту турецкихъ властей. Когда въ 1791 г. И. В. Гудовичъ взялъ штурмомъ эту крѣпость, Мансуръ оказался въ числѣ плѣнныхъ. Онъ былъ отправленъ въ Петербургъ, представленъ императрицѣ Екатеринѣ и затѣмъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и скончался 13 апрѣля 1794 г.

Мансуръ еще при жизни своей далъ поводъ ко многимъ фантастическимъ слухамъ и разсказамъ, къ числу которыхъ относится также и приводимое Пушкинымъ извѣстіе о ссылкѣ плѣнника въ Соловецкій монастырь. Въ нашей литературѣ существуетъ восточный романъ В. И. Савинова „Шихъ-Мансуръ“, напечатанный въ „*Питтеонъ*“ за 1852 годъ. Наконецъ, въ 1884 г., въ парижскомъ журналѣ „*La Nouvelle Revue*“ появи

лась статья А. Ганьера (Gagnière) „Un Mahdi au XVIII siècle“, въ которой сообщается, что Мансуръ былъ не кто иной, какъ бѣглый итальянскій монахъ Жанъ Батистъ Боэтти. Статья преисполнена самыхъ грубыхъ географическихъ, историческихъ и хронологическихъ ошибокъ. Само собою разумѣется, что монахъ-авантюристъ Боэтти, если таковой дѣйствительно существовалъ, не имѣеть ничего общаго съ Мансуромъ и что всѣ письма его о подвигахъ на Кавказѣ, приводимыя Ганьеромъ, явно подложны.

⁸⁾ Владикавказъ и теперь еще извѣстенъ у туземнаго населенія подъ тюркскимъ именемъ *Капъ-кой* или *Капъ-кей*, передѣланнымъ русскими въ *Капкай*. *Капъ* значитъ ворота, проходъ *кой* или *кей*—селеніе. Названіе указываетъ на то, что Владикавказъ расположенъ при выходѣ дороги изъ ущелья на плоскость.

⁹⁾ *Аманатами* назывались на Кавказѣ дѣти вліятельныхъ горскихъ фамилій, которыхъ, по древнему восточному обычаю, брали для обезпеченія преданности тѣхъ родовъ и родовыхъ союзовъ, къ которымъ эти дѣти принадлежали. Такимъ заложникомъ былъ Джемалѣддинъ, старшій сынъ Шамиля, взятый у него въ 1839 г. Обычай этотъ подавалъ нерѣдко поводъ къ обманамъ. Не имѣя возможности уклониться отъ представленія аманатовъ, горцы давали иногда въ заложники дѣтей незначительныхъ по вліянію фамилій. Аманаты содержались въ нашихъ укрѣпленіяхъ, при чемъ предполагалось, что они, научившись русскому языку и узнавши наши порядки, будутъ содѣйствовать мирному сближенію горцевъ съ русскими. Благая цѣль эта, какъ видно и изъ словъ Пушкина, достигалась только на бумагѣ, а не на дѣлѣ.

¹⁰⁾ По словамъ Л. Н. Майкова („Русскій Вѣстникъ“, 1893 г., IX, стр. 154) подъ буквою Ш. надо разумѣть офицера кавалергардскаго полка *Петра Васильевича Шереметева*, съ которымъ Пушкинъ, на обратномъ пути съ Кавказа, вновь встрѣтился въ Кисловодскѣ. Не могу сказать, тотъ ли это самый Шереметевъ, подпоручикъ л.-гв. преображенскаго полка, который за участіе въ злоумышленныхъ сообществахъ былъ переведенъ въ мартѣ 1826 г. на Кавказъ и опредѣленъ тѣмъ-же чиномъ въ 43-й егерскій полкъ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ переведенъ въ ширванскій пѣхотный полкъ, затѣмъ прикомандированъ къ л.-гв. сводному гвардейскому полку и за персидскую войну произведенъ въ поручики. Въ 1828 г. Шереметевъ переведенъ въ л.-гв. московскій полкъ и покинулъ Кавказъ вмѣстѣ съ своднымъ гвардейскимъ полкомъ, выступившимъ изъ Тифлиса въ Петербургъ 7 іюля 1828 г.

¹¹⁾ Изъ „Водопада“ Державина:
И ты, о водопадовъ мать!
Рѣка, на Сѣверѣ гремяща,
О Суна!

18) Князь *Недоръ Александровичъ Бековичъ-Черкасскій*, кабардинецъ родомъ, вступилъ въ службу въ 1806 г. съ чиномъ губернскаго секретаря и состоялъ при генералѣ Булгаковѣ, затѣмъ переименованъ въ поручики и участвовалъ съ отличіемъ во всѣхъ военныхъ дѣлахъ на Кавказѣ въ началѣ текущаго столѣтія. Въ 1816 г. переведенъ въ л.-гв. казачій полкъ, сопровождалъ въ Персію Ермолова, въ 1824 г. въ чинѣ полковника назначенъ командиромъ херсонскаго гренадерскаго полка, въ 1828 г. произведенъ въ генераль-майоры и получилъ въ командованіе бригаду 21-й пѣхотной дивизіи. Послѣ взятія Карса, 23 іюня 1828 г., князь Бековичъ былъ назначенъ начальникомъ Карскаго пашалыка, предѣвателемъ мѣстнаго правленія и командующимъ войсками въ кр. Карсѣ. Лачиновъ, служившій подъ начальствомъ князя Бековича въ Карсѣ, говоритъ въ своей „Исповѣди“, что онъ обладалъ особеннымъ даромъ привлекать къ себѣ. Зная съ малолѣтства языки турецкій и арабскій, нравы, обычаи и духъ азіатскихъ народовъ, Бековичъ умѣлъ необычайно искусно управлять и владѣть ими. Подчиненные ему турецкіе чиновники обожали его. („Кавказ. Сборникъ“, I, 188. 189).

19) Персидскій поэтъ *Фазиль-ханъ*, уроженецъ г. Тавриза, былъ учителемъ дѣтей тогдашняго наслѣднаго принца Аббасъ-мирзы. Онъ назывался Ахундъ-Молла-Фатулла, сынъ Могаммедъ-Гусейна, а прозваніе Фазиль-ханъ получилъ за поэтическій даръ и глубокое познаніе восточныхъ наукъ. Послѣ занятія Тавриза княземъ Эрстовымъ въ 1827 г., Фазиль-ханъ написалъ сатирическое стихотвореніе, направленное противъ лицъ, содѣйствовавшихъ сдачѣ города русскимъ, и особенно противъ тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ Персіи. Другіе поэты заступились за обиженнаго министра и отвѣчали Фазиль-хану тоже бранными стихами. Въ числѣ отвѣчавшихъ былъ и Мирза-Шафи, уроженецъ Елисаветполя. По возвращеніи изъ Петербурга въ Тавризь, Фазиль-ханъ продолжалъ свою учительскую дѣятельность при дѣтяхъ Аббасъ-мирзы и его приближенныхъ. Но вскорѣ увлеченіе красотою нѣкоторыхъ изъ учениковъ погубило его: Аббасъ-мирза приказалъ отрѣзать ему нижнія части ушей и повелѣлъ удалиться навсегда изъ Персіи.

Въ 1844 г. Фазиль-ханъ прибылъ чрезъ Ширванъ въ Тифлисъ. Здѣсь познакомился съ нимъ извѣстный оріенталистъ Н. В. Ханьковъ и выхлопоталъ ему мѣсто преподавателя въ училищѣ Аліева ученія, открытомъ въ 1847 г. Въ слѣдующемъ году онъ издалъ на доступномъ простому народу языкѣ сжатое изложеніе всѣхъ главныхъ догматовъ шіитскаго вѣроученія. Сборникъ его поэтическихъ произведеній остался въ рукописи, которая нынѣ, кажется, утрачена. Фазиль-ханъ умеръ въ 1852 г., имѣя отъ роду около 60 лѣтъ, и похороненъ на мусульманскомъ кладбищѣ въ Тифлисѣ. Чтобы скрыть отъ постороннихъ взоровъ слѣды непристойныхъ своихъ поступковъ въ Тавризѣ, онъ прикрывалъ свои уши длинными локонами.

Свѣдѣнія эти, обязательно доставленные мнѣ однимъ изъ тифлисскихъ учениковъ Фазиль-хана, коллежскимъ совѣтникомъ Мирзой-Мустафой Ахундовымъ, нуждаются въ нѣкоторыхъ поправкахъ. Еще во время пребыванія съ посольствомъ въ Петербургъ, Фазиль-ханъ высказывалъ желаніе остаться навсегда въ Россіи. Онъ посвятилъ Императору Николаю Павловичу оду, за которую получилъ золотые часы, бриллиантовый перстень и 250 червонцевъ. Извѣстный метроманъ графъ Д. И. Хвостовъ привѣтствовалъ стихами своего персидскаго собрата по Парнасу. Все это такъ вскружило голову Фазиль-хану, что онъ, предъ самымъ выѣздомъ посольства изъ Петербурга, объявилъ желаніе принять святое крещеніе, лишь бы остаться навсегда въ Россіи. Графъ Нессельроде вѣроятно причиною этого желанія Фазиль-хана полагалъ его боязнь отвѣтственности за оду, въ которой поэтъ возвеличилъ достоинство Россіи и унизилъ предъ нею всѣ прочія державы, въ томъ числѣ и Персію. Во избѣжаніе неприятныхъ объясненій съ персидскимъ посольствомъ. Фазиль-хану было предложено сопровождать Хозревармиру до Грузіи, гдѣ можетъ объявить о своемъ желаніи графу Паскевичу. Неизвѣстно, остался ли Фазиль-ханъ тогда же въ Тифлисѣ, или возвратился въ Персію. Если вѣрно сообщеніе г. Ахундова, что поэтъ былъ изгнанъ изъ Тавриза съ отрѣзанными ушами по приказанію Аббаса-мирзы, то, во всякомъ случаѣ, это произошло задолго до 1844 г., такъ какъ Аббасъ-мирза скончался въ Мешедѣ 10 октября 1833 г., а затѣмъ имѣется официальное извѣстіе, что Фазиль-ханъ находился въ Тифлисѣ уже въ сентябрѣ 1838 г., а въ 1842 г. принялъ тамъ-же присягу на русское подданство. Въ это время онъ получалъ отъ русскаго правительства пенсіонъ по 15 р. въ мѣсяцъ.

Свѣдѣнія о пребываніи Фазиль-хана въ Петербургѣ заимствованы мною изъ статьи *М. Г. Розанова*—„Персидское посольство въ Россіи 1829 г.“ („Русскій Архивъ“, 1889 г., I, 209—260) и дополнено изъ архивныхъ дѣлъ.

¹⁴⁾ *Борисъ Гавриловичъ Чилевъ*, родомъ грузинъ, 7 апрѣля 1827 г. поступилъ изъ л.-гв. финляндскаго полка майоромъ въ эриванскій кабаринерный полкъ; по окончаніи персидской кампаніи назначенъ управляющимъ горскими народами, живущими въ окрестностяхъ военно-грузинской дороги. Занимая эту должность, жилъ въ сел. Квишетѣ, на Арагвѣ, гдѣ Пушкинъ и ночевалъ у него. Въ мартѣ 1833 г. Чилевъ былъ назначенъ въ чинѣ подполковника командиромъ 42-го егерскаго полка, потомъ получилъ тифлисскій егерскій полкъ, въ 1848 г. произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ начальникомъ лезгинской кордонной линіи.

¹⁵⁾ *Огаревъ*, подполковникъ, командиръ піонерной роты путей сообщенія, завѣдывалъ работами на военно-грузинской дорогѣ. Въ сентябрѣ 1829 г. зачисленъ по арміи и назначенъ состоять при графѣ

lib.pushkinskijdom.ru

Паскевичъ. Въ послѣдствіи командовалъ кавказскимъ военно-рабочимъ баталіономъ.

¹⁶⁾ Судя по описанію, рѣчь идетъ о такъ-называемомъ казбекскомъ завалѣ; но въ іюнѣ 1827 г. такого завала не было, и, во всякомъ случаѣ, Пушкинъ не могъ видѣть остатки его между сел. Коби и Крестовымъ переваломъ, такъ какъ казбекскій завалъ падаетъ на военнo-грузинскую дорогу по Девдоракскому ущелью, между Даріаломъ и сел. Гвелети. Та часть военно-грузинской дороги, о которой говоритъ Пушкинъ, проходитъ по Байдарскому ущелью, извѣстному обиліемъ свѣжныхъ обваловъ. Ущелье это такъ узко, что солнечные лучи проникаютъ въ глубину его только на короткое время. Въслѣдствіе этого снѣгъ лежитъ здѣсь все лѣто, хотя высота мѣста значительно ниже линіи постоянныхъ снѣговъ. Такой остатокъ отъ зимнихъ заваловъ встрѣтилъ и Пушкинъ, поднимаясь вверхъ по Байдарскому ущелью.

¹⁷⁾ Борисъ Гавриловичъ Чиляевъ. См. примѣчаніе 14.

¹⁸⁾ *Хозревъ-мирза*, сынъ персидскаго наслѣднаго принца Аббас-мирзы, былъ присланъ шахомъ въ Тифлисъ для принесенія извиненій по случаю убіенія Грибоѣдова. Паскевичъ потребовалъ, чтобы Хозревъ-мирза отправился въ Петербургъ, и шахское правительство было вынуждено исполнить это требованіе.

¹⁹⁾ Правильнѣе *Гиртис-кари*. поселокъ въ 4-хъ верстахъ отъ Мцхета. Въ 1829 г. находился здѣсь казачій постъ и отсюда шла дорога чрезъ Мухранъ и Самтависи въ гор. Гори.

²⁰⁾ Пріятель Пушкина *Николай Николаевичъ Раевскій*, сынъ извѣстнаго генерала 1812 года, началъ службу въ 1811 г. подпоручикомъ въ орловскомъ пѣхотномъ полку, потомъ перешелъ въ кавалерію и въ 1826 г., имѣя отъ роду 27 лѣтъ, назначенъ командиромъ нижегородскаго драгунскаго полка. За штурмъ Ахалциха произведенъ въ генераль-майоры, въ кампанію 1829 г. командовалъ кавалеріей. Умеръ въ 1843 году.

²¹⁾ *Павелъ Степановичъ Санковскій*, родился около 1798 г. и происходилъ изъ дворянъ Пирятинскаго повѣта, Полтавской губ. Отецъ его, Степанъ Андреевичъ, былъ въ началѣ текущаго столѣтія русскимъ резидентомъ при правителѣ Черногоріи. Во время пребыванія въ Корфу, въ 1806—1808 гг., эскадры вице-адмирала Сенявина, Санковскій-отецъ своимъ вліяніемъ немало содѣйствовалъ привлеченію черногорцевъ и др. адриатическихъ славянъ къ совмѣстнымъ съ нами дѣйствіямъ противъ французовъ, завладѣвшихъ Далматіею и Рагузскою республикою. Павелъ Степановичъ началъ свою службу въ 1814 г. въ министерствѣ полиціи, 1823 г. пріѣхалъ въ Тифлисъ и сначала служилъ въ канцеларіи Ермолова, а въ 1827 г. поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій къ Паскевичу. Скончался 19 октября 1832 г. въ Тифлисъ. Павелъ

Санковскій, какъ и братъ его Андрей, тоже служившій на Кавказѣ въ военной службѣ, получилъ за границей хорошее образованіе и совершенно свободно владѣлъ французскимъ и итальянскимъ языками. Въ исторіи развитія русскаго газетнаго дѣла на Кавказѣ и, слѣдовательно, въ исторіи развитія русской культуры въ этомъ краѣ, онъ занимаетъ видное мѣсто, какъ первый редакторъ первой русской газеты въ Закавказьѣ—„Тифлисскихъ Вѣдомостей“, изданіе которыхъ было предпринято по мысли тогдашняго тифлискаго военнаго губернатора генералъ-адъютанта Н. М. Сипягина. Первый листъ газеты, выходившей одинъ разъ въ недѣлю, появился 4 іюля 1828 г.

По содержанію газета не имѣла ничего общаго съ обычными тогдашними губернскими вѣдомостями. Заключая въ себѣ очень много матеріаловъ историческихъ, этнографическихъ и статистическихъ, „Тифлисскія Вѣдомости“ того времени не потеряли и теперь еще значенія и интереса. Самъ редакторъ былъ усерднымъ вкладчикомъ газеты и помѣщалъ въ ней свои стихи и прозаическія произведенія. Пріѣздъ Пушкина въ Тифлисъ былъ настоящимъ праздникомъ для Санковскаго. Вотъ что писалъ онъ по этому случаю въ № 26 „Тифлисскихъ Вѣдомостей“ отъ 28 іюня 1829 г.: „Надежды наши исполнились: Пушкинъ посѣтилъ Грузію. Онъ недолго былъ въ Тифлисъ; желая видѣть войну, онъ испросилъ дозволеніе находится въ походѣ при дѣйствующихъ войскахъ, и 16 іюня прибылъ въ лагерь при Исканъ-су. Первоклассный поэтъ нашъ пребываніе свое въ разныхъ краяхъ Россіи означилъ произведеніями достойными славнаго его пера: съ Кавказа далъ онъ намъ Кавказскаго плѣнника, въ Крыму написалъ Бахчисарайскій фонтанъ, въ Бессарабіи—Цыганъ, во внутреннихъ провинціяхъ списалъ онъ прелестныя картины Онѣгина. Теперь читающая публика наша соединяетъ самыя пріятныя надежды съ пребываніемъ А. Пушкина въ станѣ кавказскихъ войскъ и вопрошаетъ: чѣмъ любимый поэтъ нашъ, свидѣтель кровавыхъ битвъ, подарить насъ изъ стана военнаго? Подобно Горацию, поручавшему друга своего опасной стихіи моря, мы просимъ судьбу сохранить нашего поэта среди ужасовъ брани“.

²²⁾ Не *Тбиликала*рг, а *Тбилис-калаки*. По-грузински *тбили* или *тпили* значить теплый, *калаки*—*горобг*. Тифлисъ или Типлисъ есть искаженіе перваго слова.

²³⁾ *Графъ Самойловъ*, адъютантъ Ермолова на Кавказѣ, по общему отзыву, былъ необыкновенно щедро одаренъ природою во всѣхъ отношеніяхъ. По словамъ В. Андреева, лично его знавшаго, Самойловъ, при высокомъ ростѣ, обладалъ необыкновенною красотою, ловкостью и силою; по характеру и наружности называли его русскимъ Алкивиадомъ. („Кавказскій Сборникъ“, I, 18, 19). Скупой на похвалы Н. Н. Муравьевъ отмѣтилъ въ своихъ „Запискахъ“ подъ 26 марта 1822 г.: „Прибылъ въ Тифлисъ графъ Самойловъ, тотъ-же отличный человекъ, каковъ былъ прежде, и соединяетъ въ себѣ всѣ качества нравственныя и чувствєнныя“ („Русскій Архивъ“, 1868 г., I. 117). Отецъ Самойлова, графъ

Александръ Николаевичъ, былъ женатъ на старшей изъ пяти сестеръ князя Таврическаго.

²⁴⁾ Генераль-адъютантъ *Николай Мартыновичъ Сиплякъ*, 1814—1819 гг. начальникъ штаба гвардейскаго корпуса; 28 марта 1827 г. назначенъ тифлискимъ военнымъ губернаторомъ; скончался въ Тифлисъ 10 октября 1828 г.

²⁵⁾ Генераль-адъютантъ *Степанъ Степановичъ Стрекаловъ*, 21 ноября 1828 г. назначенъ тифлискимъ военнымъ губернаторомъ, въ 1831 г. переведенъ на такую-же должность въ Казань. Умеръ 25 ноября 1856 г.

²⁶⁾ Николай Николаевичъ Раевскій, см. прим. 20.

²⁷⁾ Пушкинъ ошибся: черезъ Безобдаль перевалилъ онъ не до Гергеръ, а послѣ выѣзда изъ этого укрѣпленія.

²⁸⁾ Подъ буквой *Б.* скрывается, по всей вѣроятности, *Бутурлинъ*, штабсъ-ротмистръ л.-гв. уланскаго полка и адъютантъ всемогущаго графа А. И. Чернышева. управлявшаго тогда главнымъ штабомъ. Онъ прибылъ въ дѣйствующій корпусъ за дешевыми отлечіями, но подоспѣлъ только къ концу кампаніи. Ему дали подъ команду легучій отрядъ казаковъ, съ которыми онъ разогналъ какую-то бродячую шайку курдовъ или турокъ. Паскевичъ наградилъ его за отличіе владимирскимъ крестомъ и отправилъ въ Петербургъ съ знаменами, отнятыми у турокъ въ дѣлѣ при Муха-Эстатѣ. Вскорѣ послѣ того Паскевичъ получилъ изъ Петербурга замѣчаніе за то, что служащіе въ кавказскихъ войскахъ рядовые изъ политическихъ преступниковъ пользуются слишкомъ большою свободою и послабленіями, во вредъ дисциплинѣ. Генераль Н. Н. Раевскій былъ даже арестованъ домашнимъ арестомъ за приглашеніе разжалованныхъ къ своему столу. Въ кавказскихъ войскахъ считали тогда, и кажется не безъ основанія, виновникомъ всей этой тревоги Бутурлина.

²⁹⁾ *Гумри* или *Гумры*, мѣстечко на берегу Арпачая, въ 1837 г. переименовано въ Александрополь.

³⁰⁾ *Иванъ Григорьевичъ Бурцовъ*, одинъ изъ наиболѣе видныхъ, талантливыхъ и храбрыхъ участниковъ персидской и турецкой кампаній 1827—1829 гг. на Кавказѣ. Происходилъ изъ дворянъ Рязанской губерніи, Пронскаго уѣзда, началъ службу въ 1812 г. въ кавалерійской части прапорщикомъ, черезъ 10 лѣтъ былъ уже полковникомъ, въ 1824 г. командовалъ украинскимъ, въ 1826 г. колыванскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Въ 1817 г., служа въ главномъ штабѣ 2-ой арміи, вступилъ въ тайное политическое общество „Союзъ спасенія или истинныхъ и

вѣрныхъ сыновъ отечества“, переименованное потомъ въ „Союзъ благоденствія“. Бурцовъ вышелъ изъ состава этого общества до 1825 г. и вообще не принималъ никакого участія въ совѣщаніяхъ и подготовительныхъ дѣйствіяхъ, закончившихся катастрофою 14 декабря 1825 г. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ отрѣшенъ отъ командованія полкомъ, посаженъ на 6 мѣсяцевъ въ бобруйскую крѣпость и въ 1827 г. опредѣленъ на Кавказъ, сначала въ тифлисскій, потомъ въ мингрельскій пѣхотный полкъ. Въ персидскую войну 1827 г. Бурцовъ былъ употребляемъ, какъ сказано о немъ въ одной изъ реляцій, въ самыхъ важныхъ мѣстахъ. Сверхъ того, Паскевичъ много пользовался имъ и по части генеральнаго штаба. Въ августѣ 1828 г. Бурцовъ получалъ въ командованіе херсонскій гренадерскій полкъ, а 14 апрѣля 1829 г., за освобожденіе Ахалциха, произведенъ въ генераль-майоры. Въ турецкихъ кампаніяхъ 1828 и 1829 гг. онъ принималъ самое блистательное участіе. Н. Н. Муравьевъ, вообще очень скупой на похвалы, написалъ нѣсколько восторженныхъ страницъ о Бурцовѣ въ своихъ „Запискахъ“. Лазская пуля положила конецъ блестящей карьерѣ Бурцова: 19 іюля 1829 г. въ дѣлѣ при сел. Хартѣ, близъ Байбурта, онъ получилъ въ грудь смертельную рану и скончался на третій день.

⁵¹⁾ *Владимиръ Дмитріевичъ Вольховскій*, изъ дворянъ Полтавской губ., воспитывался вмѣстѣ съ Пушкинымъ въ Царскосельскомъ лицей, изъ котораго въ 1817 г. поступилъ прапорщикомъ въ гвардейскій генеральный штабъ. Неумоимо трудолюбивый, умный, знающій, снисходительный къ другимъ, но очень требовательный къ самому себѣ, Вольховскій всею своею жизнью и службою оправдалъ характеристику, данную ему Пушкинымъ въ стихотвореніи „19 октября 1825 года“:

Спартанскою душой плѣняя насъ,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вольховскій сядетъ первый.

Вольховскій дважды служилъ на Кавказѣ. Въ первый разъ былъ онъ сюда въ октябрѣ 1826 г. въ чинѣ капитана гвардейскаго генеральнаго штаба. Назначеніе на Кавказъ было въ родѣ почетной ссылки, такъ какъ Вольховскій, по выраженію Паскевича, *былъ въ замѣчаніи* по поводу происшествія 14 декабря 1825 года. Обстоятельство это легло пятномъ на Вольховскомъ и повредило всей дальнѣйшей служебной карьерѣ, несмотря на его выдающіяся заслуги. Послѣ окончанія персидской войны онъ былъ произведенъ въ полковники и при началѣ турецкой кампаніи 1828 г. назначенъ корпуснымъ оберъ-квартирмейстеромъ. Н. Н. Муравьевъ хвалитъ его необыкновенную дѣятельность въ этой хлопотливой и отвѣтственной должности. Во второй разъ Вольховскій прибылъ на Кавказъ въ 1832 г. въ должности начальника штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Когда въ 1837 г. корпусный командиръ баронъ Розенъ былъ смѣненъ, опала постигла также и Вольховскаго: онъ былъ назначенъ бригаднымъ командиромъ въ Динабургъ,

но въ началѣ 1839 г. вышелъ въ отставку и скончался 7 марта 1841 г. въ Харьковской губерніи. Въ 1844 г. издана въ Харьковѣ небольшая (23 стр.) брошюра „О жизни генераль-майора Вольховскаго“. Пушкинъ и др. пишутъ его фамилію Вальховскій, но самъ онъ писался всегда Вольховскимъ.

³²⁾ *Михаилъ Ивановичъ Пушкинъ*, родной братъ лицейскаго товарища Пушкина, Ивана Ивановича, командиръ л.-гв. конно-піонернаго эскадрона, за участіе въ происшествіи 14 декабря 1825 г., по приговору верховнаго уголовного суда, былъ лишенъ дворянства, разжалованъ въ рядовые впродъ до отличной выслуги и отправленъ на службу въ красноярскій гарнизонный баталіонъ, гдѣ, конечно, трудно было найти случай для отличной выслуги. Къ счастью, скоро подошелъ день коронаванія императора Николая Павловича, 22 августа 1826 г., и Пушкинъ, въ числѣ другихъ разжалованныхъ, былъ переведенъ на Кавказъ для опредѣленія въ одинъ изъ полевыхъ полковъ. По ходатайству Паскевича, онъ попалъ въ 8-ой піонерный баталіонъ. Здѣсь его знанія, дѣятельность и энергія нашли полный просторъ. Начавъ персидскую кампанію 1827 г. рядовымъ, онъ былъ къ концу турецкой войны поручикомъ и имѣлъ два ордена. При штурмѣ Ахалциха (1828 г.), находясь, какъ и всегда, впереди штурмовой колонны, Пушкинъ былъ раненъ пулею въ грудь навзлетъ. Въ 1830 г. онъ покинулъ службу на Кавказѣ по неудовольствіямъ съ Паскевичемъ. Умеръ 25 мая 1869 г. въ должности коменданта бобруйской крѣпости. Любопытныя записки еіо о службѣ на Кавказѣ напечатаны барономъ Розеномъ въ статьѣ „Декабристы на Кавказѣ“ („Русская Старина“, 1884 г., февраль) и Л. Н. Майковымъ въ статьѣ „О поѣздкѣ Пушкина на Кавказъ въ 1829 г.“ („Русскій Вѣстникъ“, 1893 г., IX).

³³⁾ *Семицъ*, ротмистръ ахтырскаго гусарскаго полка, за прикосновенность къ дѣлу о злоумышленныхъ тайныхъ сообществахъ, высочайшимъ приказомъ 7 іюля 1826 г. переведенъ на Кавказъ, въ нижегородскій драгунскій полкъ. Въ маѣ 1829 г., уже въ чинѣ майора, назначенъ эскадроннымъ командиромъ, умеръ онъ холеры въ 1830 г. Семицъ былъ храбрый офицеръ, участвовавшій въ Отечественной войнѣ и получившій тяжелую рану въ Бородинской битвѣ.

³⁴⁾ Подполковникъ *Петръ Трофимовичъ Бисовъ* командовалъ въ кампанію 1829 г. донскимъ казачьимъ имени своего полкомъ.

³⁵⁾ Баронъ *Остен-Сакенъ*, штабсъ-капитанъ нижегородскаго драгунскаго полка, легко раненъ ружейною пулею въ ногу 14 іюня 1829 г. Пушкинъ называетъ его молодымъ въ отличіе отъ генераль-майора Дмитрія Ерофеевича Остенъ-Сакена, исполнявшаго въ кампанію 1829 г. должность начальника штаба при Паскевичѣ.

³⁶⁾ Баронъ *Борисъ Андреевичъ Фридериксъ*, командиръ эриванскаго

lib.pushkinskijdom.ru

карабинернаго полка; 19 мая 1829 г. произведенъ въ генералъ-майоры и сдалъ полкъ князю Дадіану. Скончался въ 1874 г. въ званіи генералъ-адъютанта.

³⁷⁾ *Николай Николаевич Муравьевъ*, генералъ-майоръ, командиръ кавказской резервной гренадерской бригады. Впослѣдствіи намѣстникъ и главнокомандующій на Кавказѣ.

³⁸⁾ Михаилъ Ивановичъ Пущинъ, см. прим. 32.

³⁹⁾ Графъ *Иванъ Осиповичъ Симоичъ*, уроженецъ города Зары въ Илирин; въ 1812 г. въ составѣ великой французской арміи пришелъ въ Россію, въ сраженіи подъ Краснымъ былъ взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Казань. Послѣ заключенія Парижскаго мира (1814 г.), не желая служить Австріи, вступилъ въ русскую службу, отправился на Кавказъ и опредѣлился съ чиномъ майора въ грузинскій гренадерскій полкъ. Участвовалъ въ походахъ Ермолова, который очень цѣнилъ его. Въ сраженіи подъ Елисаветполемъ, 13 сентября 1826 г., получилъ въ лѣвую ногу тяжелую рану, сдѣлавшую его хромымъ на всю жизнь. Въ турецкую кампанію 1829 г. командовалъ грузинскимъ гренадерскимъ полкомъ; послѣ окончанія войны произведенъ въ генералъ-майоры и въ 1833 г. назначенъ посланникомъ въ Персію, откуда отозванъ въ 1838 г. по проискамъ англичанъ. Впослѣдствіи былъ комендантомъ цитадели въ Варшавѣ, гдѣ и умеръ отъ послѣдствій паденія изъ экипажа.

⁴⁰⁾ Это случилось 19 іюня 1829 г. въ Зивинѣ, гдѣ наступившая ночь остановила Паскевича, лично управлявшаго преслѣдованіемъ бѣжавшихъ турокъ. Пушкинъ не зналъ или, можетъ-быть, не могъ отмѣтить въ своемъ дневникѣ подробности происшествія. Во время отдыха Паскевича замѣтили густой дымъ, валившій изъ одной сакли блвзъ укрѣпленія, гдѣ былъ турецкій хлѣбный магазинъ. Полковникъ Анрепъ послалъ двухъ нижнихъ чиновъ своднаго уланскаго полка узнать о причинѣ дыма. Оказалось, что въ пустой саклѣ разведенъ огонь, при дальнѣйшемъ же изслѣдованіи открылось, что въ сосѣдней саклѣ, на крышѣ которой отдыхалъ Паскевичъ, находится пороховой складъ. Уланы потушили огонь и предупредили объ опасности, грозившей главнокомандующему. Паскевичъ поспѣшилъ уѣхать, а вслѣдъ за его отъѣздомъ казаки и татары бросились шарить въ саклѣ и своею неосторожностью произвели взрывъ пороха. Такъ разсказано это происшествіе и въ „Исторіи военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи“, изданной подъ наблюденіемъ самого Паскевича. Но составитель этого труда (Н. Ушаковъ) умолчалъ объ именахъ тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые спасли Паскевича отъ величайшей опасности. Это были два офицера польскихъ войскъ, лишенные чиновъ и дворянства за принадлежность къ польскимъ тайнымъ политическимъ обществамъ. Одинъ изъ нихъ, графъ Станиславъ Станиславовичъ Карвицкій, богатый помѣщикъ юго-западнаго края, старикъ 60 лѣтъ, былъ опредѣленъ рядовымъ

въ борисоглѣбскій уланскій полкъ. Другой, графъ Николай Станиславовичъ Ворцель, воспитанникъ университета въ Геттингенѣ, имѣвшій въ Кіевской и Волынской губерніяхъ 4,000 душъ крестьянъ, попалъ рядовымъ въ бѣлгородскій уланскій полкъ. Они сдѣлали всю турецкую кампанію 1829 г. и въ послѣдствіи были переведены: Карвицкій въ 44 егерскій, Ворцель въ ашшеронскій пѣхотный полкъ.

⁴¹⁾ Это былъ Умбай-бекъ.

⁴²⁾ Флигель-адъютантъ *Анреъ*, полковникъ бѣлгородскаго уланскаго полка, въ кампанію 1829 г. командовалъ своднымъ уланскимъ полкомъ. Храбрый офицеръ, но со странностями, показывавшими ненормальность его умственныхъ способностей. По окончаніи турецкой войны былъ произведенъ въ генералъ-майоры, уѣхалъ въ отпускъ и умеръ въ припадкѣ сумасшествія (*Мурасьевъ*, Записки, „Русскій Архивъ“, 1893 г., III. 340—341).

⁴³⁾ Полковникъ Анрепъ, см. прим. 42.

⁴⁴⁾ Михайлъ Ивановичъ Пушнинъ.

⁴⁵⁾ Пушнинъ не вполне точно передаетъ этотъ эпизодъ изъ восточнаго романа *Moriera* (Morier) *The adventures of Hajji Baba of Israhah* (1824). Когда персидскій посланникъ Мирза-Фирузъ приказалъ отрѣзать уши своему скороходу, то исполнитель наказанія представилъ посланику два окровавленные ломтика мяса козленка. Романъ „Хаджи-Баба Исфагани“ переведенъ на русскій языкъ барономъ Брамбеусомъ (О. И. Сенковскимъ).

⁴⁶⁾ *Турнефоръ* (Pitton de Tournefort), род. 1656 г., ум. 1708 г., ученый ботаникъ и путешественникъ по Малой Азии и Закавказью, авторъ сочиненія „*Relation d'un voyage du Levant*“. (Amsterdam 1718).

⁴⁷⁾ *Василій Дмитріевичъ Сухоруковъ*, сотникъ л.-гв. казачьяго полка, былъ удаленъ изъ гвардіи на Кавказъ по неудовольствіямъ съ графомъ А. И. Чернышевымъ, съ которымъ онъ разошелся во взглядахъ при составленіи положенія объ управленіи донскимъ казачьимъ войскомъ. Такъ говорятъ—А. Карасевъ („Русская Старина“, 1871 г., февраль), Ѳ. И. Шумковъ („Донская Газета“, 1877 г., № 2) и М. В. Юзefовичъ („Русскій Архивъ“, 1880 г., III. 431—446). По официальные документы свидѣтельствуютъ, что Сухоруковъ исключенъ изъ гвардіи и отправленъ на Донъ, подъ надзоръ войскового атамана, за прикосновенность къ происшествію 14 декабря 1825 г. Въ 1827 г. Сухорукову было разрѣшено вступить вновь на дѣйствительную службу въ донской казачій полковника Карпова 2 полкъ, находившійся въ Закавказскомъ краѣ. Здѣсь, какъ человѣкъ образованный и хорошо владѣвшій перомъ, былъ онъ причисленъ къ корпусному штабу и, по порученію графа Паскевича, занялся собираніемъ статистическихъ и др. матеріаловъ для исто-

ріи турецьких кампаній 1828 и 1829 гг. Занятія Сухорукова сдѣлялись извѣстными въ Петербургѣ, показали подозрительными и поставили Паскевича въ необходимость оправдываться въ томъ, что онъ приблизилъ къ себѣ опальнаго казака. Письменные работы не препятствовали Сухорукову принимать участіе во всѣхъ главныхъ военныхъ дѣйствіяхъ. За кампанію 1828 г. получилъ онъ владимирскій крестъ 4-й степени съ бантомъ, а за штурмъ Ахалциха награжденъ золотою саблею съ надписью „за храбрость“. Отличія эти не спасли его, впрочемъ, отъ дальнѣйшихъ невзгодъ: въ 1830 г. онъ былъ вновь арестованъ, доставленъ въ Петербургъ и отправленъ на службу въ Финляндію, гдѣ и скончался въ началѣ сороковыхъ годовъ. Въ литературѣ Сухоруковъ извѣстенъ своимъ изслѣдованіемъ о бытѣ донскихъ казаковъ, напечатаннымъ въ „Русской Старинѣ“ Корниловича, въ 1824 г.; въ „Тифлискихъ Вѣдомостяхъ“, за 1828 и 1829 гг., имѣется много статей Сухорукова безъ подписи автора; его „Историческое описаніе Земли войска донскаго“ издано въ двухъ томахъ въ Новочеркасѣ въ 1867—72 гг.

⁴⁸⁾ Пушкинъ превратно рассказываетъ это обстоятельство: въ Эрзерумѣ прїѣзжалъ не мушскій паша просить мѣста для своего племянника, а напротивъ, Ибрагимъ-бекъ, дядя мушскаго Эмина-паши, прїбылъ 12 іюля 1829 г. просить графа Паскевича объ устраненіи племянника и о дарованіи ему самому должности паши въ Мушѣ.

⁴⁹⁾ *Бей-Булатъ*—чеченскій разбойникъ и хищникъ, главная причина убійствъ и возмущеній въ Чечнѣ въ двадцатыхъ годахъ. Главные начальники, правившіе Кавказомъ до Ермолова, щедрыми подарками и ласками покупали спокойствіе чеченскихъ предводителей. Ермоловъ прекратилъ эти договоры съ разбойниками. Походами въ Чечню онъ заставилъ ихъ смириться и просить пощады. Бей-Булатъ явился съ повинною, былъ принятъ въ службу по милиціи съ чиномъ поручика и жилъ смиренно, пока строились укрѣпленія на р. Сунжѣ, но потомъ взялся за старое ремесло и сталъ разбойничать по моздокской дорогѣ. Въ 1829 г. Бей-Булатъ, чрезъ шамхала тарковского, завелъ вновь переговоры о подчиненіи русской власти. Паскевичъ вызвалъ его для личныхъ объясненій въ Тифлисъ, но, по случаю начавшихся военныхъ дѣйствій противъ турокъ, чеченскій старшина послѣдовалъ за главнокомандующимъ въ Эрзерумъ. Паскевичъ рассчитывалъ, что, продержавъ все лѣто разбойника около себя, онъ заставитъ чеченцевъ быть спокойными и прекратить набѣги на военно-грузинскую дорогу. Этою надеждою объясняются и слова Пушкина: „прїѣздъ Бей-Булата былъ мнѣ порукой въ безопасномъ переѣздѣ черезъ горы и Кабарду“.

⁵⁰⁾ Вѣроятно *Абрамовичъ*, штабсъ-ротмистръ серпуховскаго уланскаго полка, ординарецъ и приближенный графа Паскевича, чловѣкъ очень сомнительной репутаціи и темной карьеры, состоявшій, по общему отзыву, въ должности тайнаго наушника при Паскевичѣ. Впослѣдствіи Паскевичъ взялъ его съ собою въ Варшаву, перевелъ въ гвардію и вывелъ въ большіе чины. О немъ много говорятъ въ своихъ

запискахъ Н. Н. Муравьевъ („Русскій Архивъ“, 1894 г., I. 7. 8. 39. 387, и М. И. Пущинъ, называющій его сокращенно *Абр.* (*Розенъ*. Декабристы на Кавказѣ. („Русская Старина“ 1884 г., февраль).

⁵¹⁾ Пушкинъ пишетъ, что выѣхалъ изъ Эрзерума 19 іюля 1829 г. Придя въ этотъ день проститься съ Паскевичемъ, онъ нашель его въ сильномъ огорченіи по случаю извѣстія о смерти генерала Бурцова подъ Байбуртомъ. Здѣсь явная ошибка: дѣло въ томъ, что Бурцовъ былъ смертельно раненъ 19 іюля, послѣ полудня, въ дѣлѣ при сел. Хартъ, близъ Байбурта. Такъ какъ селеніе это отстоитъ отъ Эрзерума по меньшей мѣрѣ въ 130 в., то извѣстіе о несчастномъ исходѣ боя при Хартѣ могло быть получено Паскевичемъ не ранѣе 21 іюля, вѣсть же о кончинѣ Бурцова, послѣдовавшей 23 іюля, застала Паскевича уже на походѣ къ Байбурту, куда онъ слѣдно выступилъ изъ Эрзерума. Слѣдовательно, остается предполагать, что или Пушкинъ выѣхалъ изъ Эрзерума не ранѣе 21 іюля, когда уже было извѣстно о смертельной ранѣ Бурцова, или же, что Пушкинъ дѣйствительно оставилъ Эрзерумъ 19 іюля, а извѣстіе о Бурцовѣ присоединилъ впоследствии, при окончательной отдѣлкѣ своего „Путешествія“. Первое предположеніе кажется вѣроятнѣе, такъ какъ Пушкинъ легко могъ ошибиться въ указаніи дня выѣзда изъ Эрзерума, а, съ другой стороны, мы не имѣемъ права не вѣрить его личному свидѣтельству объ огорченіи Паскевича.

⁵²⁾ Въ „Тифлисскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ 9 августа 1829 г. № 32, въ отдѣлѣ „Разныхъ Извѣстій“, сказано: „6 августа А. Пушкинъ, возвратившійся изъ Эрзерума, выѣхалъ изъ Тифлиса къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Любители изящнаго должны теперь ожидать прелестныхъ подарковъ, коими геній Пушкина, возбужденный воспоминаніями о Закавказскомъ краѣ, безъ сомнѣнія надѣлитъ литературу“.

⁵³⁾ *Рудинъ Ивановъчъ Дороховъ*, сынъ партизана 1812 года генерала Ивана Семеновича Дорохова, хорошо образованный, способный и храбрый, могъ бы сдѣлать блестящую карьеру, если бы не помѣшалъ этому его неукротимый и буйный нравъ. Большую часть своей службы Дороховъ провелъ въ солдатской шинели за дуэли и дерзкія выходки. Разжалованный за поединокъ въ рядовые, Дороховъ попалъ на Кавказъ передъ началомъ персидской войны, былъ опредѣленъ въ нижегородскій драгунскій полкъ, участвовалъ съ нимъ во всѣхъ дѣлахъ, при блокадѣ Эривани раненъ пулею въ грудь и произведенъ въ офицеры. Турецкая кампанія 1828 г. доставила ему чинъ поручика и золотое оружіе. Въ 1833 г. Дороховъ вышелъ за ранами въ отставку и поселился въ Москвѣ, но въ 1838 г. мы встрѣчаемъ его вновь на черноморской береговой линіи рядовымъ въ тенгинскомъ пѣхотномъ полку. Произведенный за отличіе опять въ офицеры, Дороховъ служилъ въ линейномъ казачьемъ войскѣ и начальствовалъ охотничьими командами. Одну изъ таковыхъ командъ принялъ отъ раненаго Дорохова Лермон-

товъ въ 1840 г. Черезъ 12 лѣтъ, 18 января 1852 г., сотникъ владикавказскаго линейнаго казачьяго полка Дороховъ, начальствуя ракетной командой, сложилъ свою буйную голову въ Малой Чечнѣ, въ верховьяхъ р. Гойты, въ несчастномъ для насъ дѣлѣ съ чеченцами, въ которомъ погибъ съ своимъ конвоемъ самъ атаманъ кавказскаго линейнаго войска генералъ Круковской. Графъ Л. Н. Толстой воспроизвелъ типическія черты характера Дорохова въ „Войнѣ и мирѣ“ подъ именемъ разжалованнаго офицера Долохова.

*) Михаилъ Ивановичъ Пущинъ.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КАИЗА

КЪ ПУТЕШЕСТВИЮ ПУШКИНА НА КАВКАЗЪ ВЪ 1829 ГОДУ.

- 1829 марта 4. С.-Петербургскій почтъ-директоръ выдаетъ Пушкину подорожную на поѣздку отъ С.-Петербурга до Тифлиса и обратно (Сочиненія Пушкина, изд. П. В. Анненкова, I. 216).
- марта 9. Отъѣздъ изъ Петербурга въ Москву («Русская Старина», 1882 г., февраль, 468).
- мая 1. Отъѣздъ изъ Москвы. Калуга. Бѣлевъ. Орель. Свиданіе съ Ермоловымъ. Елецъ. Новочеркасскъ. Ставрополь. Георгіевскъ. Горячія воды. Возвращеніе въ Георгіевскъ. («Путешествіе въ Арзрумъ»).
- мая 15. Отъѣздъ изъ Георгіевска.
- мая 16. Прибытіе въ Екатериноградъ
- мая 18. Отъѣздъ съ окрѣпчій изъ Екатеринограда. Ночлегъ въ Пришибѣ.
- мая 19. Изъ Пришиба въ укр. Урухское.
- мая 20. Изъ укр. Урухскаго. Минаретъ. Ночлегъ въ Ардонѣ.
- мая 21. Прибытіе во Владикавказъ.
- мая 22. Изъ Владикавказа. Ночлегъ въ Ларсѣ.
- мая 23. Даріаль. Сел. Казбекъ. Встрѣча съ Фазильханомъ. Ночлегъ въ Коби.
- мая 24. Крестовый перевалъ. Долина Арагвы. Ночлегъ у Чилева въ сел. Квишетѣ.
- мая 25. Пасанауръ. Встрѣча съ Хозревъ-мирзой *). Анануръ. Ночлегъ въ Душетѣ.

*) Персидскій принцъ Хозревъ-мирза выѣхалъ изъ Тифлиса во Владикавказъ 23 мая 1829 г., въ 6 ч. пополудни.

- 1829 мая 26. Прибытіе въ Тифлисъ.
- мая 26—іюня 10. Пребываніе въ Тифлисъ.
- іюня 10. Выѣздъ изъ Тифлиса. Ночлегъ на казачьемъ посту.
- іюня 11. Волчы ворота. Гергеры. Встрѣча съ тѣломъ Грибоѣдова. Перевальъ чрезъ Безобдальскій хребетъ. Пернике. Ночлегъ въ Гумрахъ.
- іюня 12. Прибытіе въ Карсъ. Ночлегъ.
- іюня 13. Прибытіе въ лагерь дѣйствующаго корпуса на берегу Карсъ-чая. Движеніе къ Соганлугу. («Путешествіе въ Арзрумъ»).
- іюня 14. Лагерное расположеніе на вершинѣ Соганлугскаго хребта при р. Инжа-су. Пушкинъ принимаетъ участіе въ перестрѣлкѣ съ турецкими наѣздниками («Путешествіе въ Арзрумъ»).
- іюня 15—17. Стоянка на томъ же мѣстѣ.
- іюня 18. Войска оставляютъ позицію при Инжа-су и ночуютъ при р. Хункеръ-су.
- іюня 19. Пораженіе кавалеріи Гагки-паши и передовыхъ войскъ эрзерумскаго сераскира при сел. Каинлы. Пушкинъ принимаетъ участіе въ преслѣдованіи бѣгущаго непріятеля до Зивина и возвращается на ночлегъ въ Караурганъ. («Путешествіе въ Арзрумъ»).
- іюня 20. Пораженіе отряда Гагки-паши и взятіе въ плѣнъ самого паши при Милидюзѣ. Пушкинъ принимаетъ участіе въ преслѣдованіи непріятеля и проводитъ ночь съ нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ на бивакѣ между Милидюзомъ и Меджингертомъ. («Путешествіе въ Арзрумъ»).
- іюня 21. Утромъ Пушкинъ возвращается въ взятый наканунѣ турецкій лагерь при Милидюзѣ. Свиданіе съ плѣннымъ Гагки-пашей. Переходъ въ Караурганъ.
- іюня 22. Главныя силы спускаются въ долину Аракса и ночуютъ при сел. Ардостѣ.

- іюня 23. Переходъ до сел. Керпи-кея. Мостъ Чобанъ-кепри и караванъ-сарай, описанные Пушкинымъ.
- іюня 24. Выступленіе изъ Керпи-кея. Пушкинъ принимаетъ участіе въ набѣгѣ, вызванномъ ложнымъ извѣстіемъ о появленіи въ горахъ турецкой кавалеріи. Ночлегъ въ Гассанъ-кале. («Путешествіе въ Арзрумъ»).
- іюня 25. Молебствіе въ Гассанъ-кале по случаю дня рожденія Государя Императора. Послѣ параднаго обѣда у Паскевича войска отправляются въ походъ и, пройдя 20 в., останавливаются для ночлега близъ сел. Наби-чай.
- іюня 26. Утромъ войска переходятъ черезъ известковые горы, огдѣляющія Гассанъ-кальскую равнину отъ Эрзерумской, и останавливаются въ полдень въ четырехъ верстахъ отъ Эрзерума. Паскевичъ отправляетъ въ городъ генералъ-майора князя Бековича-Черкаскаго съ полномочіемъ вести переговоры и заключить капитуляцію.
- іюня 27. Около 3 час пополудни Паскевичъ занимаетъ укрѣпленную высоту Топъ-дагъ. Пушкинъ пріѣзжаетъ туда съ Юзефовичемъ. Два полка вступаютъ въ городъ и въ 6¹/₂ час. пополудни русское знамя поднимается на стѣнахъ цитадели. Пушкинъ отправляется въ городъ вмѣстѣ съ Раевскимъ. («Путешествіе въ Арзрумъ»).
- іюля 7. Паскевичъ переходитъ на жительство изъ лагеря во дворецъ сераскира въ Эрзерумъ.
- іюля 10. Н. Н. Раевскій выступаетъ въ походъ съ кавалеріей. Пушкинъ дѣлается гостемъ Паскевича.
- іюля 14. Пушкинъ узнаетъ о появленіи чумы въ Эрзерумъ и рѣшается оставить армію. («Путешествіе во Арзрумъ»).
- іюля 19. Генералъ Бурцовъ смертельно раненъ въ

дѣлъ при сел. Хартѣ, въ 15 в. отъ Бай-
бурта.

- іюля 21. Пушкинъ выѣзжаетъ изъ Эрзерума обратно
въ Тифлисъ.
- августа 1. Прибытіе въ Тифлисъ. («Путешествіе въ
Арзрумъ»).
- августа 6. Выѣздъ изъ Тифлиса во Владикавказъ.
- сентября 8. Пушкинъ выѣзжаетъ съ кавказскихъ минер.
водъ.

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ.

(1821)

Подъ бурей рока—твердый камень,
Въ волненьяхъ страсти—легкій листъ.

ПОСВЯЩЕНІЕ

Николаю Николаевичу Раевскому.

Прими съ улыбкою, мой другъ,
Свободной музы приношенье:
Тебѣ я посвятилъ изгнанной лиры пѣнье
И вдохновенный свой досугъ.
Когда я погибалъ безвинный, безотрадный,
И шопотъ клеветы внималъ со всѣхъ сторонъ,
Когда кинжалъ измѣны хладный,
Когда любви тяжелый сонъ
Меня терзали и мертвили—
Я близъ тебя еще спокойство находилъ,
Я сердцемъ отдыхалъ: другъ друга мы любили,
И бури надо мной свирѣпость утомили—
Я въ мирной пристани боговъ благословилъ...
Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мнѣ Кавказъ.
Гдѣ пасмурный Бешту, пустынный величавый,
Ауловъ и полей властитель пятиглавый,
Былъ новый для меня Парнасъ.
Забуду ли кремнистыя вершины,
Гремучіе ключи, увядшія равнины,
Пустыни знойныя, края, гдѣ ты со мной
Дѣлилъ души младыя впечатлѣнья;

Гдѣ рыскаетъ въ горахъ воинственный разбой
И дикій гевій вдохновенья
Таится въ тишинѣ глухой!
Ты здѣсь найдешь воспоминанья,
Быть можетъ, милыхъ сердцу дней,
Противорѣчія страстей,
Мечты знакомыя, знакомыя страданья
И тайный гласъ души моей.

Мы въ жизни розно шли: въ объятіяхъ покоя
Едва-едва расцвѣлъ, и вслѣдъ отца-героя,
Въ поля кровавыя, подъ тучи вражскихъ стрѣлъ,
Младенецъ избранный, ты гордо полетѣлъ;
Отечество тебя ласкало съ умиленьемъ,
Какъ жертву милую, надежды вѣрный цвѣтъ.
Я рано скорбь узналъ, постигнуть былъ гоненьемъ,
Я—жертва клеветы и мстительныхъ невѣждъ;
Но, сердце укрѣпивъ свободой и терпѣньемъ,
Я ждалъ безопасно лучшихъ дней,
И счастье моихъ друзей
Мнѣ было сладкимъ утѣшеньемъ.

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я.

Въ аулѣ, на своихъ порогахъ,
Черкесы праздные сидятъ.
Сыны Кавказа говорятъ
О бранныхъ, гибельныхъ тревогахъ,
О красотѣ своихъ коней,
О наслажденьяхъ дикой нѣги;
Вспоминаютъ прежнихъ дней
Неотразимые набѣги,
Обманы хитрыхъ узденей,
Удары шашекъ ихъ жестокихъ
И мѣткость неизбѣжныхъ стрѣлъ,
И пепель разоренныхъ селъ,
И ласки плѣнницъ черноокихъ

Текутъ бесѣды въ тишинѣ,
Луна плыветъ въ ночномъ туманѣ...

И вдругъ предъ ними на конѣ
Черкесь. Онъ быстро на арканѣ
Младого плѣнника влачилъ.
«Вотъ русскій!» хищникъ возопилъ.
Аулъ на крикъ его сбѣжался
Ожесточенною толпой;
Но плѣнникъ хладный и нѣмой,
Съ обезображенной главой,
Какъ трупъ недвижимъ оставался.
Лица враговъ не видитъ онъ,
Угрозъ и криковъ онъ не слышитъ;
Надъ нимъ летаетъ смертный сонъ
И холодомъ глетворнымъ дышетъ.

И долго плѣнникъ молодой
Лежалъ въ забвеніи тяжеломъ.
Ужъ полдень надъ его главой
Пылалъ въ сіяніи веселомъ;
И жизни духъ проснулся въ немъ:
Невнятный стонъ въ устахъ раздался;
Согрѣтый солнечнымъ лучемъ,
Несчастный тихо приподнялся,
Кругомъ обводитъ слабый взоръ...
И видитъ: неприступныхъ горъ
Надъ нимъ воздвигнулась громада,
Гнѣздо разбойничьихъ племенъ,
Черкесской вольности ограда.
Вспомнилъ юноша свой плѣнъ,
Какъ сна ужаснаго тревоги,
И слышитъ загремѣли вдругъ
Его закованныя ноги...
Все, все сказалъ ужасный звукъ!
Затмилась передъ нимъ природа.
Прости, священная свобода!
Онъ—рабъ...

За саклями лежитъ
Онъ у колючаго забора.
Черкесы въ полѣ, нѣтъ надзора,

Въ пустомъ аулѣ все молчить.
Предъ нимъ пустынная равнины
Лежать зеленой пеленой;
Тамъ холмовъ тянутся грядой
Однообразныя вершины;
Между нихъ уединенный путь
Въ дали теряется угрюмой...
И плѣнника молодого грудь
Тяжелой волновалась думой...

Въ Россію дальній путь ведетъ,—
Въ страну, гдѣ пламенную младость
Онъ гордо началъ безъ заботъ,
Гдѣ первую позналъ онъ радость,
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ обнялъ грозное страданье,
Гдѣ бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье,
И лучшихъ дней воспоминанье
Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
И зналъ невѣрной жизни цѣну.
Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
Въ мечтахъ любви—безумный сонъ,
Наскучивъ жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты
И непріязни двуязычной,
И простодушной клеветы,—
Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.

Свобода! онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ.
Страстями сердце погубя,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и лирѣ,

Съ волненемъ пѣсни онъ внималъ,
Одушевленныя тобою,
И съ вѣрой; пламенной мольбою
Твой гордый идолъ обнималъ.

Свершилось... Цѣлью упованья
Не зреть онъ въ мірѣ ничего.
И вы, послѣднія мечтанья,
И вы сокрылись отъ него!...
Онъ—рабъ... Склонясь гловой на камень,
Онъ ждетъ, чтобъ съ сумрачной зарей
Погасъ печальной жизни пламень,
И жаждетъ сѣни гробовой.

Ужъ меркнетъ солнце за горами, —
Вдали раздался шумный гулъ,
Съ полей народъ идетъ въ аулъ,
Сверкая свѣтлыми косами.
Пришли; въ домахъ зажглись огни,
И постепенно шумъ нестройный
Умолкнулъ; все въ ночной тѣни
Объято нѣгою спокойной;
Вдали сверкаетъ горный ключъ,
Сбѣгая съ каменной стремнины;
Одѣлись пеленою тучъ
Кавказа спящія вершины...
Но кто, въ сіяніи луны,
Среди глубокой тишины
Идетъ, украдкой ступая?
Очнулся русскій. Передъ нимъ,
Съ привѣтомъ нѣжнымъ и нѣмымъ,
Стоитъ черкешенка младая.
На дѣву молчи смотритъ онъ
И мыслить: это —лживый сонъ,
Усталыхъ чувствъ игра пустая..
Луною чуть озарена,
Съ улыбкой жалости отрадной,
Колѣна преклонивъ, она

Къ его устамъ кумысь прохладный
Подносить тихою рукой.
Но онъ забыль сосудъ цѣлебный,
Онъ ловить жадною душой
Пріятной рѣчи звукъ волшебный
И взоры дѣвы молодой.
Онъ чуждыхъ словъ не понимаетъ...
Но взоръ умильный, жаръ ланить,
Но голосъ нѣжный говорить:
Живи!—и плѣнникъ оживаетъ.
И онъ, собравъ остатокъ силъ,
Велѣнью милому покорный,
Привсталъ и чашей благотворной
Томленье жажды утолилъ.
Потомъ на камень вновь склонился
Отягощенною главой,
Но все къ черкешенкѣ младой
Угасшій взоръ его стремился.
И долго, долго передъ нимъ
Она, задумчива, сидѣла,
Какъ бы участіемъ нѣмымъ
Утѣшить плѣнника хотѣла;
Уста невольно каждый часъ
Съ начатой рѣчью открывались,
Она вздыхала, и не разъ
Слезами очи наполнялись.

За днями дни прошли какъ тѣнь.
Въ горахъ, окованный, у стада
Проводить плѣнникъ каждый день.
Пещеры влажная прохлада
Его скрываетъ въ лѣтній зной.
Когда же рогъ луны сребристой
Блеснетъ за мрачною горой,
Черкешенка, тропой тѣнистой,
Приноситъ плѣннику вино,
Кумысь и ульевъ сотъ душистый,
И бѣлоснѣжное пшено;

Съ нимъ тайный ужинъ раздѣляетъ,
На немъ покоить нѣжный взоръ,
Съ неясной рѣчию сливается
Очей и знаковъ разговоръ;
Поетъ ему и пѣсни горь,
И пѣсни Грузіи счастливой,
И памяти нетерпѣливой
Передаетъ языкъ чужой.
Впервые дѣвственной душой
Она любила, знала счастье;
Но русскій жизни молодой
Давно утратилъ сладострастье:
Не могъ онъ сердцемъ отвѣчать
Любви младенческой, открытой, —
Быть можетъ, сонъ любви забытой
Боялся онъ вспоминать.

Не вдругъ увянетъ наша младость,
Не вдругъ восторги бросятъ насъ,
И неожиданную радость
Еще обнимемъ мы не разъ;
Но вы, живыя впечатлѣнья,
Первоначальная любовь,
О, первый пламень упоенья,
Не прилетаете вы вновь.

Казалось, плѣнникъ безнадежный
Къ унылой жизни привыкалъ.
Тоску неволи, жаръ мятежный
Въ душѣ глубоко онъ скрывалъ.
Влачась межъ угрюмыхъ скалъ,
Въ часъ ранней утренней прохлады,
Вперялъ онъ неподвижный взоръ
На отдаленныя громады
Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ,
Очамъ казались ихъ вершины

Недвижной цѣпью облаковъ,
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.

Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,
Предтеча бури, громъ гремѣлъ,
Какъ часто плѣнникъ предъ аулomъ
Недвижимъ на горѣ сидѣлъ.
У ногъ его дымились тучи,
Въ степи взвивался паръ летучій;
Уже пріюта между скалъ
Елень испуганный искалъ;
Орлы съ утесовъ подымались
И въ небесахъ перекликались;
Шумъ табуновъ, мычанье стадъ
Ужъ гласомъ бури заглушались...
И вдругъ на доли—дождь и градъ
Изъ тучъ сквозь молній извергались;
Волнами роя крутизны,
Сдвигая камни вѣковые,
Текли потоки дождевые—
А плѣнникъ съ горной вышины,
Одинъ, за тучей громовою,
Возврата солнечнаго ждалъ,
Недосягаемый грозюю,
И бури немощному вою
Съ какой-то радостью внималъ.

Но европейца все вниманье
Народъ сей чудный привлекалъ.
Межъ горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
Ихъ вѣру, нравы, воспитанье,
Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепрїимство, жажду брани,
Движеній вольныхъ быстроту,
И легкость ногъ, и силу длани;

Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
Какъ иногда черкесь проворный,
Широкой степью, по горамъ,
Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной,
Къ лукѣ склонясь, на стремяна
Ногою стройной опираясь,
Леталъ по волѣ скакуна,
Къ воинѣ заранѣ приучаясь.
Онъ любовался красотой
Одежды бранной и простой.
Черкесь оружіемъ обвѣшенъ;
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ:
На немъ броня, пищаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
И шашка, вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга.
Ничто его не тяготитъ,
Ничто не брякнетъ: пѣшій, конный—
Все тотъ же онъ, все тотъ же видъ
Непобѣдимый, непреклонный.
Гроза беспечныхъ казаковъ,
Его богатство—конь ретивый,
Питомецъ горскихъ табуновъ,
Товарищъ вѣрный, терпѣливый.
Въ пещерѣ иль въ травѣ глухой
Коварный хищникъ съ нимъ таится,—
И вдругъ, внезапною стрѣлой,
Завидя путника, стремится...
Въ одно мгновенье вѣрный бой
Рѣшитъ ударъ его могучій,
И странника въ ущелья горъ
Уже влечетъ арканъ летучій.
Стремится конь во весь опоръ,
Исполненъ огненной отваги,
Все путь ему—болото, боръ,
Кусты, утесы и овраги;
Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
Въ пустынь топотъ раздается;

Съдой потокъ предъ нимъ шумить—
Онъ въ глубь кипящую несется,
И путникъ, брошенный ко дну,
Глодаетъ мутную волну,
Изнемогая, смерти просить
И зрить ее передъ собой...
Но мощный конь его стрѣлой
На берегъ пѣнистый выносить.

Иль ухвативъ рогатый пень,
Въ рѣку низверженный грозою,
Когда на холмахъ пеленою
Лежить безлунной ночи тѣнь,
Черкесь на корни вѣковые,
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
Свои доспѣхи боевые—
Щитъ, бурку, панцырь и шоломъ,
Колчанъ и лукъ—и въ быстры волны
За нимъ бросается потомъ,
Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка реветъ,
Могучій токъ его несетъ
Вдоль береговъ уединенныхъ,
Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
Склонясь на копыя, казаки
Глядятъ на темный бѣгъ рѣки—
И мимо ихъ, во мглѣ чернѣя,
Плыветъ оружіе злодѣя..
О чемъ ты думаешь, казакъ?
Вспоминаешь прежни битвы,
На смертномъ полѣ свой бивакъ,
Полковъ хвалебныя молитвы
И родину?... Коварный сонъ!
Простите, вольныя станицы,
И домъ отцовъ, и тихій Донъ,
Война и красныя дѣвицы!
Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
Стрѣла выходитъ изъ колчана,

Взвилась — и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана.

Когда же съ мирною семьей
Черкесь въ отеческомъ жилищѣ
Сидитъ ненастною порой,
И тлѣютъ угли въ пепелищѣ;
И спрянувъ съ вѣрнаго коня,
Въ горахъ пустынныхъ запоздалый
Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
И робко сядетъ у огня —
Тогда хозяинъ благосклонный
Съ привѣтомъ, ласково встаетъ
И гостю въ чашѣ благовонной
Чихирь отраднѣй подаетъ.
Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной,
Вкушаетъ путникъ мирный сонъ
И утромъ оставляетъ онъ
Ночлега кровъ гостеприимный.

Бывало, въ свѣтлый Баиранъ,
Сберутся юноши толпою;
Игра смѣняется игрою:
То, полный рзобравъ колчанъ,
Они крылатыми стрѣлами
Пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
То, съ высоты крутыхъ холмовъ,
Нетерпѣливыми рядами
При данномъ знакѣ вдругъ падуть,
Какъ лани землю поражаютъ,
Равнину пылью покрываютъ
И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ.

Но скученъ миръ однообразный
Сердцамъ, рожденнымъ для войны, —
И часто игры воли праздною
Игрой жестокой смущены.
Нерѣдко шашки грозно блещутъ

Въ безумной рѣзвости пировъ,
И въ прахъ летять главы рабовъ,
И въ радости младенцы плещуть.

Но русскій равнодушно зрѣлъ
Сии кровавыя забавы.
Любилъ онъ прежде игры славы
И жаждой гибели горѣлъ.
Невольникъ чести беспощадной,
Вблизи видалъ онъ свой конецъ,
На поединкахъ твердый, хладный,
Встрѣчая гибельный свинецъ.
Быть можетъ, въ думу погруженный,
Онъ время то воспоминалъ,
Когда, друзьями окруженный,
Онъ съ ними шумно пируетъ...
Жалѣлъ-ли онъ о дняхъ минувшихъ,
О дняхъ, надежду обманувшихъ,
Иль, любопытный, созерцалъ
Суровой простоты забавы,
И дикаго народа нравы
Въ семъ вѣрномъ зеркалѣ читалъ —
Таилъ въ молчаньи онъ глубоко
Движенья сердца своего,
И на челѣ его высоко
Не измѣнялось ничего.
Безпечной смѣлости его
Черкесы грозные дивились,
Щадили вѣкъ его молодой
И шепотомъ между собой
Своей добычею гордились.

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я.

Ты ихъ узнала, дѣва горъ,
Восторги сердца, жизни сладость;
Твой огненный, невинный взоръ

Высказывалъ любовь и радость:
Когда твой другъ во тѣмъ ночной
Тебя лобзалъ нѣмымъ лобзаньемъ,
Сгорая нѣгой и желаньемъ,
Ты забывала мѣръ земной,
Ты говорила: «плѣнникъ милый,
Развесели свой взоръ унылый,
Склонись главою ко мнѣ на грудь,
Свободу, родину забудь.
Скрываться рада я въ пустынь
Съ тобою, царь души моей!
Люби меня; никто донинѣ
Не цѣловалъ моихъ очей;
Къ моей постели одинокой
Черкесь молодой и черноокій
Не крался въ тишинѣ ночной—
Сльву я дѣвою жестокой,
Неумолимой красотой.
Я знаю жребій мнѣ готовый:
Меня отецъ и братъ суровый
Немилому продать хотятъ
Въ чужой аулъ цѣною злата;
Но умолю отца и брата,
Не то—найду кинжалъ иль ядъ!
Непостижимой, чудной силой
Къ тебѣ я вся привлечена,
Люблю тебя, невольникъ милый,
Душа тобой упоена...»

Но онъ съ безмолвнымъ сожалѣньемъ
На дѣву страстную взиралъ
И полный тяжкимъ размысленьемъ
Словамъ любви ея внималъ.
Онъ забывался: въ немъ гѣснились
Воспоминанья прошлыхъ дней,
И даже слезы изъ очей
Однажды градомъ покатались.
Лежала въ сердцѣ, какъ свинецъ,

Тоска любви безъ упованья.
Передъ юной дѣвой наконецъ
Онъ изліялъ свои страданья:

«Забудь меня: твоей любви,
Твоихъ восторговъ я не сгою,
Безцѣнныхъ дней не трать со мною,
Другого юношу зови.
Его любовь тебѣ замѣнить
Моей души печальный хладъ;
Онъ будетъ вѣренъ, онъ онъ оцѣнитъ
Твою красу, твой милый взглядъ,
И жаръ младенческихъ лобзаній,
И нѣжность пламенныхъ рѣчей;
Безъ упованья, безъ желаній,
Я вяну жертвою срастей.
Ты видишь слѣдъ любви несчастной,
Душевной бури слѣдъ ужасный;
Оставь меня, но пожалѣй
О скорбной участи моей!
Несчастный другъ, зачѣмъ не прежде
Явилась ты моимъ очамъ,—
Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я надеждѣ
И упоительнымъ мечтамъ;
Въ тѣ дни, когда луна, дубравы,
Морей и бури вольный шумъ,
Дѣвичій голосъ, гимны славы
Еще плѣняли жадный умъ!
Но поздно... умерь я для счастья.
Надежды призракъ улетѣлъ;
Твой другъ отвыкъ отъ сладострастья,
Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ...

«Какъ тяжело мертвыми устами
Живымъ лобзаньямъ отвѣчать
И очи, полныя слезами,
Улыбкой хладною встрѣчать!
Измучась ревностью напрасной,

Уснувъ безчувственной душой,
Въ объятіяхъ подруги страстной,
Какъ тяжело мыслить о другой!...

«Когда такъ медленно, такъ нѣжно,
Ты пьешь лобзанія мои,
И для тебя часы любви
Проходятъ быстро, безмятежно—
Снѣдая слезы въ тишинѣ,
Тогда, разсѣянный, унылый,
Передъ собою, какъ во снѣ,
Я вижу образъ вѣчно милый;
Его зову, къ нему стремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю;
Тебѣ въ забвеньи предаюсь
И тайный призракъ обнимаю;
О немъ въ пустынѣ слезы лью;
Повсюду онъ со мною бродить,
И мрачную тоску наводитъ
На душу сирую мою.

«Оставь же мнѣ мои желѣзы,
Уединенныя мечты,
Воспоминанья, грусть и слезы—
Ихъ раздѣлить не можешь ты.
Ты сердца слышала признанье—
Прости!... дай руку на прощанье.
Недолго женскую любовь
Печалить хладная разлука—
Пройдетъ любовь, настанетъ скука,
Красавица полюбитъ вновь».

Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая,
Сидѣла дѣва молодая
Туманный, неподвижный взоръ
Безмолвный выражалъ укоръ.
Блѣдна, какъ тѣнь, она дрожала;
Въ рукахъ любовника лежала

Ея холодная рука,
И наконецъ любви тоска
Въ печальной рѣчи излилася:

«Ахъ, русскій, русскій, для чего,
Не зная сердца твоего,
Тебѣ навѣкъ я предалася!
Недолго на груди твоей
Въ забвеньи дѣва отдыхала,
Немного радостныхъ ночей
Судьба на долю ей послала!
Придутъ ли вновь когда-нибудь?
Ужель навѣкъ погибла радость?
Ты могъ бы, плѣнникъ, обмануть
Мою неопытную младость,
Хотя-бъ изъ жалосги одной,
Молчаньемъ, ласкою притворной;
Я услаждала-бъ жребій твой
Заботой нѣжной и покорной;
Я стерегла-бъ минуты сна,
Покой тоскующаго друга;
Ты не хотѣть... Но кто-жъ она,
Твоя прекрасная подруга?
Ты любишь, русскій? ты любимъ?...
Понятны мнѣ твои страданья...
Прости-жъ и ты мои рыданья,
Не смѣйся горестямъ моимъ».

Умолкла. Слезы и стенанья
Стѣсняли бѣдной дѣвы грудь.
Уста безъ словъ роптали пени;
Безъ чувствъ, обнявъ его колѣни,
Она едва могла дохнуть.
И плѣнникъ, тихую рукою
Поднявъ несчастную, сказалъ:
«Не плачь! и я гонимъ судьбою,
И муки сердца испыталъ.
Нѣтъ, я не зналъ любви взаимной,

Любилъ одинъ, страдалъ одинъ,
И гасну я, какъ пламень дымный,
Забытый средь пустыхъ долинъ.
Умру вдали бреговъ желанныхъ;
Мнѣ будетъ гробомъ эта степь—
Здѣсь, на костяхъ моихъ изгнанныхъ,
Заржавить тягостная цѣпь...»

Свѣтила ночи затмевались;
Въ дали прозрачной означались
Громады свѣтлоснѣжныхъ горъ;
Главу склонивъ, потупя взоръ,
Они въ безмолвіи разстались.

Унылый плѣнникъ съ этихъ поръ
Одинъ окрестъ аула бродить.
Заря за знойный небосклонъ
За днями новы дни возводить;
За ночью ночь вослѣдъ уходитъ;
Вотще свободы жаждетъ онъ.
Мелькнетъ ли серна межъ кустами,
Проскачетъ ли во мглѣ сайгакъ,
Онъ, вспыхнувъ, загремитъ цѣпями,
Онъ ждетъ, не крадется-ль казакъ,
Ночной ауловъ разоритель,
Рабовъ отважный избавитель...
Зоветь... но все кругомъ молчить;
Лишь волны плещутся, бушуютъ,
И челоуѣка звѣрь почуетъ,
Въ пустыню темную бѣжить.

Однажды слышитъ русскій плѣнный
Въ горахъ раздался кликъ военный:
«Въ табунъ, въ табунъ!» Бѣгутъ, шумятъ;
Уздечки мѣдныя гремятъ,
Чернѣютъ бурки, блещутъ брони,
Кипятъ осѣдланые кони:—
Къ набѣгу весь аулъ готовъ,

И дикіе питомцы брани
Рѣкою хлынули съ холмовъ.
И скачутъ по брегамъ Кубани
Сбирать насильственныя дани...

Утихъ аулъ; на солнцѣ спятъ
У саклей псы сторожевые.
Младенцы смуглые, нагіе,
Въ свободной рѣзвости шумятъ;
Ихъ прадѣды въ кругу сидятъ;
Изъ трубокъ дымъ, віась, синѣеть.
Они безмолвно юныхъ дѣвъ
Знакомый слушаютъ припѣвъ—
И старцевъ сердце молодѣеть.

Черкесская пѣсня.

1.

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ;
Въ горахъ безмолвіе ночное,
Казакъ усталый задремалъ,
Склонясь на копіе стальное.
Не спи, казакъ: во тьмѣ ночью
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

2.

Казакъ плыветъ на челнокѣ,
Влача по дну рѣчному сѣти;
Казакъ, утонешь ты въ рѣкѣ,
Какъ тонуть маленькія дѣти,
Купаясь жаркою порой:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

3.

На берегу завѣтныхъ водъ
Цвѣтутъ богатыя станицы,
Веселый пляшетъ хороводъ.

Бѣгите, русскія пѣвицы,
Спѣшите, красныя, домой:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

Такъ пѣли дѣвы. Сѣвъ на брегѣ,
Мечтаетъ русский о побѣгѣ;
Но цѣпь невольника тяжка,
Быстра глубокая рѣка...
Межъ тѣмъ, померкнувъ, степь уснула;
Вершины скалъ омрачены;
По бѣлымъ хижинамъ аула
Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны;
Елени дремлютъ надъ водами,
Умолкнулъ поздній крикъ орловъ,
И глухо вторится горами
Далекій топотъ табуновъ.

Тогда кого-то слышно стало...
Мелькнуло дѣвы покрывало,
И вотъ—печальна и блѣдна,
Къ нему приблизилась она.
Уста прекрасной ищутъ рѣчи,
Глаза исполнены тоской,
И черной падаютъ волной
Ея власы на грудь и плечи.
Въ одной рукѣ блеститъ пила,
Въ другой кинжалъ ея булатный:
Казалось, будто дѣва шла
На тайный бой, на подвигъ ратный.

На плѣнника возведши взоръ,
«Бѣги!» сказала дѣва горь:
Нигдѣ черкесъ тебя не встрѣтитъ.
Спѣши, не трать ночныхъ часовъ;
Возьми кинжалъ—твсихъ слѣдовъ
Никто во мракѣ не замѣтитъ».

Пилу дрожащей взявъ рукой,
Къ его ногамъ она склонилась:
Визжитъ желѣзо подъ пилой.

Слеза невольная скатилась—
И цѣпь распалась и гремитъ.
«Ты воленъ! дѣва говоритъ:
Бѣги!» Но взядъ ея безумный
Любви порывъ изобразиль.
Она страдала. Вѣтеръ шумный,
Свистя, покровъ ея клубиль.
«О, другъ мой! русскій возопиль;
Я твой навѣкъ, я твой до гроба!—
Ужасный край оставимъ оба,
Бѣги со мной...» — Нѣтъ, русскій, нѣтъ!
Она исчезла, жизни сладость —
Я знала все, я знала радость,
И все прошло, пропалъ и слѣдъ.
Возможно-ль? ты любилъ другую...
Найди ее, люби ее!
О чемъ же я еще тоскую,
О чемъ уныніе мое?..
Прости! любви благословенья
Съ тобою будутъ каждый часъ,
Прости—забудь мои мученья,
Дай руку мнѣ... въ послѣдній разъ.

Къ черкешенкѣ простеръ онъ руки,
Воскресшимъ сердцемъ къ ней летѣлъ.
И долгій поцѣлуй разлуки
Союзъ любви запечатлѣлъ.
Рука съ рукой, унынья полны,
Сошли ко берегу въ тишинѣ—
И русскій въ шумной глубинѣ
Уже плыветъ и пѣнитъ волны,
Уже противныхъ скалъ достигъ,
Уже хватается за нихъ...
Вдругъ волны глухо зашумѣли,
И слышенъ отдаленный стонъ...
На дикій брегъ выходитъ онъ,
Глядитъ назадъ... брега яснѣли
И опѣненные бѣлѣли,

Но нѣтъ черкешенки молодой
Ни у береговъ, ни подъ горой...
Все мертво... на берегахъ уснувшихъ
Лишь вѣтра слышенъ легкій звукъ,
И при лунѣ въ водахъ плеснувшихъ
Струистый исчезаетъ кругъ...

Все понялъ онъ... Прощальнымъ взоромъ
Объемлетъ онъ въ послѣдній разъ
Пустой аулъ съ его заборомъ,
Поля, гдѣ плѣнный стадо пасъ,
Стремнины, гдѣ влачили оковы,
Ручей, гдѣ въ полдень отдыхалъ,
Когда въ горахъ черкесъ суровый
Свободы пѣсню запѣвалъ.

Рѣдѣлъ на небѣ мракъ глубокой,
Ложился день на темный долъ,
Взошла заря. Тропой далекой
Освобожденный плѣнникъ шелъ,
И передъ нимъ уже въ туманахъ
Сверкали русскіе штыки
И окликались на курганахъ
Сторожевые казаки.

Э П И Л О Г Ъ

Такъ муза, легкій другъ мечты,
Къ предѣламъ Азіи летала
И для вѣнка себѣ срызала
Кавказа дикіе цвѣты.
Ее плѣнялъ нарядъ суровый
Племень, возросшихъ на войнѣ,
И часто въ сей одеждѣ новой
Волшебница являлась мнѣ;
Вокругъ ауловъ опустѣлыхъ
Одна бродила по скаламъ,
И къ пѣснямъ дѣвъ осиротѣлыхъ

Она прислушивалась тамъ;
Любила бранныя станицы,
Тревоги смѣлыхъ казаковъ,
Курганы, тихія гробницы,
И шумъ, и ржанье табуновъ.
Богиня пѣсенъ и разсказа,
Воспоминанія полна,
Быть можетъ, повторить она
Преданья грознаго Кавказа;
Расскажетъ повѣсть дальныхъ странъ,
Мстислава древній поединокъ,
Измѣны, гибель россиянь
На лонѣ мстительныхъ грузинокъ.
И воспою тотъ славный часъ,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодушій Кавказъ
Поднялся нашъ орелъ двухглавый;
Когда на Терекѣ сѣдомъ
Впервые грянулъ битвы громъ
И грохотъ русскихъ барабановъ,
И въ сѣчѣ, съ дерзостнымъ челомъ,
Явился пылкій Циціановъ.
Тебя я воспою, герой,
О Котляревскій, бичъ Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой—
Твой ходъ, какъ черная зараза,
Губилъ, ничтожилъ племена...
Ты днесъ покинулъ саблю мести,
Тебя не радуешь война;
Скучая миромъ, въ язвахъ чести
Вкушаешь праздный ты покой
И тишину домашнихъ доловъ...
Но се—Востокъ подѣмлетъ вой!..
Поникни снѣжною главой,
Смирись, Кавказъ,—идетъ Ермоловъ.

И смолкнулъ ярый крикъ войны:
Все русскому мечу подвластно.

Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла васъ ваша кровь,
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихіе кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Батыя.
Измѣнить прадѣдамъ Кавказъ,
Забудеть алчной брани гласъ,
Оставить стрѣлы боевыя.
Къ ущельямъ, гдѣ гнѣздились вы,
Подѣдетъ путникъ безъ боязни,
И возвѣстятъ о вашей казни
Преданья темныя молвы...
Одесса, 1821. 15 мая.

ПРИПИСКИ КЪ ПОЭМѢ „КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ“.

1. 3

Примите новую тетрадь,
Вы, юноши, и вы, дѣвицы:
Не веселѣ-ль намъ читать
Игривой музы небыллицы,
Чѣмъ пиндарическихъ похвалъ
Высокопарныя страницы,
Иль усыпительный журналъ,
Который въ вѣкъ не зная цѣли,
Усердно такъ тяжелъ и грубъ—
И ровно кажды двѣ недѣли
Быть хочеть золь, а только глупъ?

2.

О вы, которыя любили
Шарнаса тайныя мечты
И вольной младости цвѣты
Вниманьемъ сладкимъ наградили—
Спасите трудъ небрежный мой
Отъ рукъ невѣжества слѣпого,
Отъ взоровъ зависти косой.
Бартинны, вымыслы, рассказы
Для васъ я вновь перемѣшалъ,
Смѣшное съ важнымъ сочеталъ
И бѣшенной любви проказы
Въ архивахъ ада отыскалъ.

Г А Л У Б Ъ.

Не для бесѣдъ и ликованій,
Не для кровавыхъ совѣщаній,
Не для разспросовъ кунака.
Не для разбойничьей потѣхи
Такъ рано съѣхались адехи
На дворъ Галуба-старика.
Въ неожиданной встрѣчѣ сынъ Галуба
Рукой завистника убить
Вблизи развалинъ Татаргуба.
Въ родимой саклѣ онъ лежитъ;
Обрядъ творится погребальный;
Звучитъ уныло пѣснь муллы;
Въ арбу впряженные волю
Стоять предъ саклею печальной.
Дворъ полонъ тѣсною толпой;
Подъемяютъ гости скорбный вой
И съ плачемъ бьютъ въ нагрудны брони;
И внемя шумъ не боевой,
Мянутся спутанные кони.
Всѣ ждуть. Изъ сакли наконецъ
Выходитъ между женъ отецъ;
Два узденя за нимъ выносятъ
На буркѣ хладный трупъ. Толпу
По сторонамъ раздаться просятъ,
Слагаютъ тѣло на арбу
И съ нимъ кладутъ снарядъ воинскій:
Неразряженную пищаль,
Колчанъ и лукъ, кинжалъ грузинскій
И шашки крестовую сталь,—
Чтобы крѣпка была могила,
Гдѣ храбрый ляжетъ почивать,
Чтобъ могъ на зовъ онъ Азраила
Исправнымъ воиномъ возстать.

Въ дорогу шествіе готово,
И тронулась арба. За ней
Адехи слѣдуютъ сурово,

Смиря молча пылъ коней.
Ужъ потухаль закатъ огнистый,
Злата нагорныя скалы,
Когда долины каменистой
Достигли тихіе волны.
Въ долинѣ той враждою жадной
Сраженъ наѣздникъ молодой—
Тамъ нынѣ въ тѣнь могилы холодной
Онъ ляжетъ, блѣдный и нѣмой...

Ужъ трупъ землю взять. Могила
Завалена. Толпа вокругъ
Мольбы послѣднія творила.
Изъ-за горы явились вдругъ
Старикъ сѣдой и отрокъ стройный.
Даютъ дорогу пришлецу,
И скорбному старикъ отцу
Такъ молвилъ, важный и спокойный:
«Тому прошло тринадцать лѣтъ,
Какъ ты, въ аулъ чужой пришедъ,
Вручилъ мнѣ слабаго младенца,
Чтобъ воспитаньемъ изъ него
Я сдѣлалъ храбраго чеченца.
Сегодня сына одного
Ты преждевременно хоронишь.
Галубъ, покорень будь судьбѣ!
Другого я привелъ тебѣ—
Вотъ онъ. Ты голову преклонишь
Къ его могучему плечу,
Свою потерю имъ замѣнишь;
Труды мои ты самъ оцѣнишь—
Хвалиться ими не хочу».

Умолкнулъ. Смотритъ торопливо
Галубъ на отрока. Газить,
Главу потупя, молчаливо
Ему недвижимъ предстоить.
И въ горѣ имъ Галубъ любуясь,

Влеченью сердца повинуюсь,
Объемлетъ ласково его.
Потомъ наставника ласкаетъ,
Благодарить и приглашаетъ
Подъ кровлю дома своего.
Три дня, три ночи съ кунаками
Его онъ хочетъ угощать
И послѣ съ честью провожать,
Съ благословеньемъ и дарами.
Ему, отецъ печальный мнить,
Обязанъ благомъ я безцѣннымъ:
Слугой и другомъ неизмѣннымъ,
Могучимъ мстителемъ обидъ.

Проходятъ дни. Печаль заснула
Въ душѣ Галуба. Но Тазитъ
Все дикость прежнюю хранить.
Среди родимаго аула
Онъ какъ чужой; онъ цѣлый день
Въ горахъ одинъ, молчить и бродить,
Какъ въ саклѣ пойманный олень
Все въ лѣсъ глядитъ, все въ глушь уходитъ.
Онъ любить по крутымъ скаламъ
Скользить, ползти тропой кремнистой,
Внимая бури голосистой
И въ безднѣ воющимъ волнамъ.
Онъ иногда до поздней ночи
Сидитъ, печаленъ, надъ горой,
Недвижно въ даль уставя очи.
Опершись на руку главой.
Какія мысли въ немъ проходятъ?
Чего желаетъ онъ тогда?
Изъ міра дольнаго куда
Младые сны его уводятъ?..
Какъ знать? Незрима глубь сердецъ!
Въ мечтаньяхъ отрокъ своеволенъ:
Какъ вѣтеръ небѣ. .

Но отецъ

Уже Тазитомъ недоволенъ.
«Гдѣ-жъ, мыслить онъ, въ немъ плодъ наукъ,
Отважность, хитрость и проворство,
Лукавый умъ и сила рукъ?
Въ немъ только лѣнь и непокорство.
Иль сына взоръ мой не проникъ,
Иль обманулъ меня старикъ?»

Тазитъ изъ табуна выводитъ
Коня, любимца своего.
Два дня въ аулѣ нѣтъ его;
На третій онъ домой приходитъ.

Отецъ: Гдѣ былъ ты, сынъ?

Сынъ: Въ ущельи скаль,

Гдѣ прорванъ каменистый берегъ
И путь открытъ на Даріаль.

Отецъ: Что дѣлалъ тамъ?

Сынъ: Я слушалъ Терекъ,

Отецъ: А не видалъ ли ты грузинъ,
Иль русскихъ?

Сынъ: Видѣлъ я, съ товаромъ
Тифлисскій ѣхалъ армянинъ.

Отецъ: Онъ былъ со стражей?

Сынъ: Нѣтъ, одинъ,

Отецъ: Зачѣмъ нечаяннымъ ударомъ
Не вздумалъ ты свалить его
И не прыгнулъ къ нему съ утеса?

Потупилъ очи сынъ черкеса,
Не отвѣчая ничего.

Тазитъ опять коня сѣдлаетъ,
Два дня, двѣ ночи пропадаетъ,
Потомъ является домой.

Отецъ: Гдѣ былъ?

Сынъ: За бѣлою горой.

Отецъ: Кого ты встрѣтилъ?

Сынъ: На курганѣ

Отъ насъ бѣжавшаго раба.

Отецъ: О, милосердая судьба!
Гдѣ-жъ онъ? Ужели на арканѣ
Ты бѣглеца не приташилъ?

Тазить опять главу склонилъ.
Галубъ нахмурился въ молчаньѣ,
Но скрылъ свое негодованье.
«Нѣтъ, мыслить онъ, не замѣнить
Онъ никогда другого брата!
Не научился мой Тазить,
Какъ шашкой добываютъ злата;
Ни стадъ моихъ, ни табуновъ
Не надѣлятъ его развѣзды,—
Онъ только знаетъ безъ трудовъ
Внимать волнамъ, глядѣть на звѣзды,
А не въ набѣгахъ отбивать
Коней съ нагайскими быками,
И съ боя взятыми рабами
Суда въ Анапѣ нагружать».

Тазить опять коня сѣдлаетъ,
Два дня, двѣ ночи пропадаетъ;
На третій, блѣденъ, какъ мертвецъ,
Приходитъ онъ домой. Отецъ,
Его увидя, вопрошаетъ:
Гдѣ былъ ты?

Сынъ: Около станицъ

Кубани, близъ лѣсныхъ границъ...

Отецъ: Кого ты видѣлъ?

Сынъ: Супостата.

Отецъ: Кого, кого?

Сынъ: Убійцу брата

Отецъ: Убійцу сына моего?....

Тазить! гдѣ голова его?

Подай! мнѣ черепъ этотъ нуженъ...

Дай нагляжусь!

Сынъ: Убійца былъ

Одинъ, израненъ, безоруженъ...

Отецъ: Ты долга крови не забылъ?

Врага ты навзничь опрокинулъ.—

Не правда ли? Ты шашку вынулъ,

Ты въ горло сталь ему воткнулъ

И трижды тихо повернулъ?

Упился ты его стенаньемъ,

Его змѣинымъ издыханьемъ?...

Гдѣ-жъ голова? Подай!... Нѣтъ силъ...

Но сынъ молчитъ, потупя очи.

И сталъ Галубъ чернѣе ночи,

И сыну грозно возопилъ:

«Поди ты прочь, ты мнѣ—не сынъ,

Ты—не чеченецъ, ты—старуха,

Ты—трусъ, ты—рабъ, ты—армянинъ!

Будь проклятъ мной!—Поди, чтобъ слуха

Никто о робкомъ не имѣлъ,

Чтобъ вѣчно ждалъ ты грозной встрѣчи,

Чтобъ мертвый братъ тебѣ на плечи

Окровавленной кошкой сѣлъ

И къ безднѣ гвалъ тебя нещадно;

Чтобъ ты, какъ раненый олень,

Бѣжалъ, тоскуя безотрадно;

Чтобъ дѣти русскихъ деревень

Тебя веревкою поймали

И какъ волченка затерзали—

Чтобъ ты... Бѣги, бѣги скорѣй!

Не оскверняй моихъ очей!»

Сказалъ и на земь легъ—и очи

Закрывъ и такъ лежалъ до ночи.

Когда же приподнялся онъ,

Былъ темень синій небосклонъ...

Ущелій горныхъ поселенцы

Въ долину шумно собрались;

Привычны игры начались:
Верхами юные чеченцы,
Въ пыли несясь во весь опоръ,
Стрѣлою шапку пробиваютъ,
Иль трижды сложенный коверъ
Булатомъ сразу разсѣкаютъ,
То скользкой тѣшатся борьбой,
То пляской быстрой. Жены, дѣвы
Межъ тѣмъ поютъ — и гуль лѣсной
Далече вторитъ ихъ напѣвы.
Но между юношей—одинъ
Забавъ наѣздничьихъ не дѣлитъ,
Верхомъ не мчится вдоль стремнинъ,
Изъ лука звонкаго не цѣлитъ.
Но между дѣвами—одна
Молчить, уныла и блѣдна.
Они въ толпѣ четою странной
Стоять, не видя ничего.
И горе имъ: онъ—сынъ изгнанный,
Она—любовница его...
О, было время!... Съ ней украдкой
Видался юноша въ горахъ;
Онъ пилъ огонь отравы сладкой
Въ ея смятеньи, въ рѣчи краткой,
Въ ея потупленныхъ очахъ,
Когда съ домашняго порогу
Она смотрѣла на дорогу,
Съ подружкой рѣзвой говоря,
И вдругъ садилась и блѣдчѣла,
И, отвѣчая, не глядѣла,
И разгоралась, какъ заря;
Или у водъ когда стояла,
Текущихъ съ каменныхъ вершинъ,
И долго кованный кувшинъ
Волною звонкой наполняла. .
И онъ, невластный превозмочь
Волненій сердца, разъ приходитъ
Къ ея отцу, его отводитъ

И говорить: «твоя мнѣ дочь
Давно мила; по ней тоскуя,
Одинъ и сирь давно живу я;
Благослови любовь мою,
Я бѣденъ—но могучь и молодъ,
Мнѣ трудъ легокъ. Я удалю
Отъ нашей сакли тощій голодъ.
Тебѣ я буду сынъ и другъ
Послушный, преданный и нѣжный,
Твоимъ сынамъ—кунакъ надежный,
А ей,—приверженный супругъ...»
1829 г.

К А В К А З Ъ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орель, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ берегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельѣ,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельѣ;

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ бесполезной

И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще! Нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснить его грозно нѣмая громады.

1829 г.

Д Е Л И Б А Ш Ъ.

Перестрѣлка за холмами;
Смотрить лагерь ихъ и нашъ:
На холмѣ предъ казаками
Вьется красный делибашъ.
Делибашъ, не суйся къ лавѣ!
Пожалѣй свое житье;
Вмигъ аминь лихой забавѣ:
Попадешься на копье.
Эй, казакъ, не рвися къ бою!
Делибашъ на всемъ скаку
Срѣжетъ саблю кривсю
Съ плечъ удалую башку.
Мчатся, сшиблись въ общемъ крикѣ...
Посмотрите! каковы?...
Делибашъ уже на пикѣ.
А казакъ безъ головы.

1829 г.

МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКѢ.

Высоко надъ семьею горъ,
Казбекъ, твой царственный шатеръ
Сіяетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣющій ковчегъ,
Парить, чуть видный надъ горами.
Далекій, вождельнный брегъ!
Туда-бъ, сказавъ «прости» ущелью,

Подняться къ вольной вышинѣ;
Туда-бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога, скрыться мнѣ!
1829 г.

О Б В А Л Ъ.

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумятъ и пѣнятся валы,
И надо мной кричать орлы,
И ропщеть боръ,
И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ.
Отгол сорвался разъ обвалъ
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могучій валъ
Остановилъ.
Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга...
Ты затопилъ, освирѣпѣвъ,
Свои берега.
И долго прорванный обвалъ
Неталой грудю лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,
И пылью водъ,
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.
И путь по немъ широкій шелъ,
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда вель
Степной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эоль,
Небесъ жилецъ.
1829 г.

О Т Р Ы В О К Ъ.

На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла.
Шумитъ Арагва предо мною.
Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой!... Унынья моего
Ничто не мучитъ, не тревожитъ,
И сердце вновь горитъ и любитъ—оттого,
Что не любить оно не можетъ.

И З Ъ Г А Ф И З А.

Не плѣняйся бранной славой,
О красавецъ молодой!
Не бросайся въ бой кровавый
Съ карабахскою толпой!
Знаю, смерть тебя не встрѣтитъ,
Азраиль среди мечей
Красоту твою замѣтитъ —
И пощада будетъ ей!
Но боюсь среди сраженій
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движеній,
Прелесть нѣги и стыда!

1829 г.

Во время оное, бывое,
Въ тѣ дни ты зналъ меня, Кавказъ,
Въ свое святилище глухое
Ты призывалъ меня не разъ.
Въ тебя влюбленъ я былъ безумно,
Меня привѣтствовалъ ты шумно...

1829 г.

О

ПРЕБЫВАНІИ

ПУШКИНА

НА КАВКАЗѢ

въ 1829 году.

Ст. Е. Г. Вейденбаума.

О пребываніи Пушкина на Кавказѣ въ 1829 году.

Пребываніе Пушкина на Кавказѣ въ 1829 г. принадлежитъ къ наименѣе извѣстнымъ въ подробностяхъ періодамъ въ жизни поэта. Отъ этого времени не имѣется или не сохранилось ни одного письма его: очень возможно, что по нѣкоторымъ соображеніямъ онъ воздерживался отъ корреспонденціи, пока находился въ арміи графа Паскевича *). Такимъ образомъ, одно «Пугешествіе въ Арзрумъ» служило долгое время единственнымъ печатнымъ источникомъ свѣдѣній о Пушкинѣ на Кавказѣ въ 1829 г. Только въ 1880 г. свѣдѣнія эти были нѣсколько дополнены воспоминаніями Н. Б. Потокскаго («Русская Старина», 1880, іюль, 576—584) и М. В. Юзефовича («Русскій Архивъ», 1880, Т. 431—446). Къ сожалѣнію, оба они взялись за перо на закатѣ своихъ дней, спустя полвѣка послѣ событій, когда многое было забыто, многое перепуталось въ старческой памяти. Къ тому же Н. Б. Потокскій былъ только случайнымъ дорожнымъ знакомцемъ Пушкина, а М. В. Юзефовичъ встрѣтился съ нимъ уже въ дѣйствующемъ отрядѣ. Оба они немного прибавили къ тому, что самъ Пушкинъ призналъ возможнымъ сказать въ своемъ «Путешествіи въ Арзрумъ». Очень богатый вкладъ въ собраніе свѣдѣній о пребываніи поэта на Кавказѣ сдѣлалъ вице-президентъ нашей Академіи Наукъ Л. Н. Майковъ, напечатавшій въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1893 г. записку М. Н. Пушина «Встрѣча съ Пушкинымъ на Кавказѣ». Драгоценная записка эта значительно дополняетъ свѣдѣнія того-же Пушина, обнародованныя впервые барономъ А. Е. Розеномъ въ его изслѣдованіи «Декабристы на Кавказѣ» («Русская Старина», 1884, февраль, 303—308).

*) Л. Павлицевъ въ своей „Семейной хроникѣ“ говоритъ, что Пушкинъ писалъ съ Кавказа Дельвигу и родителямъ своимъ чрезъ князя Дадіана („Историческій Вѣстникъ“, 1888 г., мартъ, 560; апрѣль, 35). Письма эти до сихъ поръ неизвѣстны.

Таковы, до сихъ поръ, главнѣйшіе и почти единственные источники свѣдѣній о кавказскомъ путешествіи Пушкина. Первое мѣсто между ними принадлежитъ, конечно, «Путешествію въ Арзрумъ». Какъ извѣстно, Пушкинъ не предполагалъ сначала сообщать въ печати о своихъ кавказскихъ впечатлѣніяхъ, и только книга французскаго путешественника Виктора Фонтанье побудила его обнародовать свой путевой дневникъ. Въ немъ онъ многого не договариваетъ, о многомъ видѣнномъ и слышанномъ совсѣмъ умалчиваетъ и ограничивается бѣглымъ и далеко не полнымъ обзоромъ тѣхъ событій, которыхъ былъ очевидцемъ. Все «Путешествіе» есть въ сущности оправдательный документъ противъ обвиненія поэта въ томъ, что онъ, находясь въ дѣйствующемъ отрядѣ, написалъ будто бы сатиру на графа Паскевича. «Я устыдился бы, — говоритъ Пушкинъ въ предисловіи къ «Путешествію», — писать сатиры на прославленнаго полководца, ласково принявшаго меня подъ сѣнь своего шатра и находившаго время посреди своихъ великихъ заботъ оказывать мнѣ лестное вниманіе. Человѣкъ, не имѣющій нужды въ покровительствѣ сильныхъ, дорожитъ ихъ радушіемъ и гостепріимствомъ, ибо иного отъ нихъ не можетъ и требовать. Обвиненіе въ неблагодарности не должно быть оставлено безъ возраженія, какъ ничтожная критика или литературная брань. Вотъ почему рѣшилъ я напечатать это предисловіе и выдать свои путевыя записки, какъ все, что мною было написано о походѣ 1829 года». «Путешествіе» появилось впервые въ печати въ первой книгѣ «Современника» на 1836 г. по рукописи, переписанной и исправленной въ 1835 г. Съ тѣхъ поръ, болѣе полувѣка, сочиненіе это печаталось всегда въ одинаковомъ видѣ, т. е. съ пропускомъ бесѣды съ Ермоловымъ, разсужденія о распространеніи христіанства среди горцевъ и т. д. Имена почти всѣхъ лицъ, съ которыми Пушкинъ встрѣчался на Кавказѣ, обозначались въ печати только начальными буквами. Замѣчательно, что по цензурнымъ соображеніямъ, нынѣ совершенно необъяснимымъ, сводный уланскій полкъ именовался въ печатномъ текстѣ просто уланскимъ полкомъ, а названіе *сводный* замѣнялось тремя звѣздочками.

Въ полномъ видѣ, совершенно согласномъ съ авторскимъ текстомъ, «Путешествіе» появилось только въ 1887 г. въ сочиненіяхъ Пушкина, изданныхъ Обществомъ для пособія нуждаю-

шимся литераторамъ и ученымъ. При этомъ оказалось, что въ рукописи только немногія лица названы полными именами, большинство же самимъ Пушкинымъ означено одними инициалами. Редакторъ изданія, о которомъ идетъ рѣчь, профессоръ П. О. Морозовъ, не могъ или не призналъ нужнымъ раскрыть эти анонимы. Такимъ образомъ, высказанная П. В. Анненковымъ еще въ 1855 г. надежда на то, что будущіе издатели Пушкина объяснятъ всѣ анонимы «Путешествія»,—не осуществилась и черезъ 50 лѣтъ послѣ кончины поэта. Предпринятое нашею Академіею Наукъ критическое изданіе сочиненій Пушкина вновь поставило на очередь этотъ вопросъ, очень важный для опредѣленія круга знакомствъ и отношеній поэта на Кавказѣ. Теперь большая часть этихъ инициаловъ раскрыта, и только немногіе изъ нихъ остаются подъ сомнѣніемъ *).

По словамъ профессора П. О. Морозова, «Путешествіе» написано Пушкинымъ вчернѣ еще въ 1829 г. Первоначальный текстъ этотъ, къ сожалѣнію, никогда не появлялся въ печати, и потому мы можемъ высказать только предположеніе, что онъ въ общемъ значительно разнится отъ текста, обработаннаго въ 1835 г. Дѣло въ томъ, что «Путешествіе» распадается на двѣ неравныя части. Одна изъ нихъ, составившая въ окончательной обработкѣ первую главу, написана очевидно во время самаго пу-

*) *Л. Н. Майковъ*. О поѣздѣ Пушкина на Кавказъ въ 1829 году. («Русскій Вѣстникъ», 1893 г., IX). Перепечатывая эту статью въ своемъ сборникѣ „Историко-литературные очерки“ (С.-Петербургъ. 1895 г.), авторъ отчасти измѣнилъ, отчасти дополнилъ свѣдѣнія о лицахъ скрытыхъ подъ инициалами. Такъ, спутникомъ Пушкина по Военно-Грузинской дорогѣ называетъ онъ уже не Шереметева, а Э. К. Шериваля. Г-на А., посланнаго Паскевичемъ навѣстить жену эрзерумскаго шахи, Л. Н. Майковъ, по указанію П. И. Бартенева, считаетъ полковникомъ Р. Р. Анрепомъ, который командовалъ своднымъ уланскимъ полкомъ. Догадка эта кажется намъ неудачною, такъ какъ Пушкинъ посѣтилъ таремъ 12 или 13 іюля, когда сводный уланскій полкъ уже не находился въ Эрзерумѣ. Сверхъ того, самъ Пушкинъ различаетъ полковника А. (Анрепа) отъ г-на А. По нашему мнѣнію, этотъ послѣдній былъ Абрамовичъ, ординарецъ и клеветникъ Паскевича. По показанію П. И. Бартенева, К., сообщившій Пушкину о чумѣ въ Эрзерумѣ, былъ графъ Петръ Петровичъ Коновницынъ, разжалованный въ рядовые за участіе въ дѣлѣ 14 декабря. Догадка эта основывается единственно на начальной буквѣ К.

тешествія, подъ живымъ впечатлѣніемъ видѣннаго и слышаннаго въ пути. Пушкинъ записалъ язвительные отзывы Ермолова о Паскевичѣ, излагаетъ свѣй, очень замѣчательный, взглядъ на обращеніе горцевъ въ христіанство, сообщаетъ свѣдѣнія о положеніи аманатовъ во Владикавказѣ и т. д. Въ «Путешествіи» указано даже, что первая запись въ дорожномъ дневникѣ сдѣлана имъ въ Георгіевскѣ 15 мая, вторая во Владикавказѣ 22 мая. Съ этого дня хронологическія даты прекращаются. Со словъ Пушкина мы знаемъ только, что онъ прожилъ въ Тифлисѣ около двухъ недѣль, но что дѣлалъ онъ въ Тифлисѣ и съ кѣмъ проводилъ время,—остается неизвѣстнымъ. Пушкинъ называетъ только одного Санковскаго и даетъ внѣшнее описаніе города.

Путь отъ Тифлиса до лагеря дѣйствующаго корпуса на берегу Карсъ-чая, куда Пушкинъ прибылъ 13 іюня, описанъ очень кратко и, очевидно, на память или по самымъ бѣглымъ отмѣткамъ въ дневникѣ. Наконецъ, движеніе съ войсками отъ Соганлуга до Эрзерума изложено очень сухо и сдержанно, съ опущеніемъ всякихъ подробностей, даже безъ названія тѣхъ мѣстъ (Каинлы, Милидюзь), гдѣ происходили сраженія. Пушкинъ подчеркиваетъ, что онъ не вмѣшивается въ военныя сужденія и описываетъ только то, что самъ успѣлъ увидѣть. Между тѣмъ, живя въ палаткѣ Раевского, бесѣдуя съ Вольховскимъ, Пушинымъ и другими лицами штаба, близко знавшими положеніе дѣлъ, Пушкинъ не могъ, конечно, не видѣть закулисной стороны войны, не всегда согласной съ пышными реляціями. Онъ умолчалъ, напримѣръ, о слѣдствіи, назначенномъ надъ начальникомъ штаба барономъ Д. Е. Остенъ-Сакеномъ за нерѣшительныя будто бы дѣйствія кавалеріи при преслѣдованіи 20 іюня разбитаго Гагки-паши. Слѣдствіе это окончилось выговорами Сакену и Раевскому и привело впослѣдствіи къ удаленію ихъ обоихъ изъ кавказской арміи. Пушкинъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ, что вся эта неприятная исторія была послѣдствіемъ неосторожности Сакена: еще въ Тифлисѣ онъ обратилъ вниманіе Паскевича на статью въ «Journal des Débats», въ которой говорилось, что Паскевичъ самыхъ обыкновенныхъ способностей, и что успѣхъ его кампаній должно приписать способностямъ его начальника штаба и многихъ лицъ, сосланныхъ на Кавказъ за 14 декабря.

Обратный путь изъ Эрзерума описанъ Пушкинымъ всего въ

нѣсколькихъ строкахъ и все «Путешествіе» оканчивается прибытіемъ во Владикавказъ. О своемъ, довольно продолжительномъ, пребываніи на кавказскихъ минеральныхъ водахъ поэтъ не упоминаетъ ни однимъ словомъ.

Обратимся теперь къ другимъ, названнымъ выше, источникамъ свѣдѣній о пребываніи Пушкина на Кавказѣ въ 1829 г.

Н. Б. Потокскій, по его собственнымъ словамъ, въ 1829 г., не имѣя еще и 20 лѣтъ отъ роду, освободился отъ опеки своихъ родителей и съ большими надеждами отправился на Кавказъ съ рекомендательными письмами къ Н. Н. Раевскому, П. С. Санковскому и В. Д. Вольховскому. Въ Екатериноградѣ юноша встрѣтился съ Пушкинымъ и вмѣстѣ съ нимъ отправился во Владикавказъ. Въ Тифлисъ жили они въ гостиницѣ, а по возвращеніи Пушкина изъ Эрзерума встрѣчались въ домѣ Санковского.

Такимъ образомъ, Потокскій могъ бы значительно пополнить запасъ извѣстій о кавказскомъ путешествіи Пушкина. Но, къ сожалѣнію, онъ писалъ свои воспоминанія чрезъ 50 лѣтъ послѣ встрѣчи съ поэтомъ. Никакая память не можетъ выдержать такого долгаго срока. Потокскій допустилъ хронологическія ошибки, обобщилъ отдѣльные случаи, сдѣлалъ себя центральной фигурой событій. Поэтому воспоминанія его не могутъ, по нашему мнѣнію, считаться надежнымъ источникомъ свѣдѣній о Пушкинѣ. Прежде всего они противорѣчатъ во многомъ разсказу самого поэта. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько примѣровъ. Потокскій утверждаетъ, что, ѣдучи вмѣстѣ съ Пушкинымъ въ Тифлисъ, встрѣтилъ около Пасанаура барона Фелькерзама, спѣшившаго въ Петербургъ съ донесеніемъ о побѣдѣ надъ турками. Здѣсь явная хронологическая ошибка: адъютантъ графа Паскевича баронъ Иванъ Егоровичъ Фелькерзамъ выѣхалъ изъ Эрзерума, съ донесеніемъ о занятіи этого города, только 28 іюня 1829 г., когда Пушкинъ уже находился въ дѣйствующемъ корпусѣ и присутствовалъ при сдачѣ столицы Анатоліи. По разсказу Потокскаго, Пушкинъ весь путь отъ Екатеринограда до Тифлиса сдѣлалъ верхомъ, при чемъ Потокскій неотлучно слѣдовалъ за нимъ. Только станціи за двѣ до Тифлиса Потокскій расхворался и не могъ держаться на конѣ. Тогда Пушкинъ уложилъ больного въ телѣгу и былъ при немъ неотлучно до Тифлиса. Разсказъ Пушкина не подтверждаетъ этого сообщенія. Изъ Пасанаура нетерпѣливый

поэтъ отправился пѣшкомъ совершенно одинъ, даже безъ проводника, и пришелъ до Душета. Здѣсь нагнали его графъ Пушкинъ и Шерваль и предложили отправиться дальше въ ихъ экипажѣ. Предложеніе было принято, и путешественники, крупной рысью, а иногда и вскачь, поѣхали въ Тифлисъ. Очевидно, что Пушкинъ и Потокскій встрѣтились въ пути случайно, что это было одно изъ тѣхъ мимолетныхъ знакомствъ, которыя не оставили въ памяти поэта никакого слѣда, тогда какъ на восторженнаго, романически настроеннаго юношу встрѣча съ прославленнымъ поэтомъ произвела впечатлѣніе настолько глубокое, что чрезъ полвѣка она одна осталась въ его памяти, затмивъ всѣ остальные подробности. По разсказу Потокскаго, Пушкинъ любилъ писать мѣломъ и углемъ стихи и рисовать карикатуры на дверяхъ и стѣнахъ. Такъ дѣлалъ будто бы Пушкинъ во всѣхъ укрѣпленіяхъ и даже во Владикавказѣ, по возвращеніи съ обѣда у генерала Скворцова. Очень возможно, что живой и шаловливый поэтъ написалъ гдѣ-нибудь стихи на дверяхъ, но Потокскій успѣшилъ обобщить единичный случай и возвелъ его въ особенную привычку Пушкина, какъ будто на каждомъ казачьемъ посту, въ каждомъ домѣ, гдѣ только поэтъ останавливался, были къ его услугамъ мѣлъ и уголь для расписыванія стѣнъ и дверей.

Съ Михаиломъ Владимировичемъ Юзефовичемъ Пушкинъ встрѣтился только 13 іюня 1829 г., въ день прибытія въ отрядъ, стоявшій лагеремъ на берегу Карсъ-чая у подошвы Соганлугскаго хребта. Юзефовичъ былъ тогда поручикомъ бѣлгородскаго уланскаго полка и состоялъ адъютантомъ при начальникѣ кавалеріи Н. Н. Раевскомъ. Въ отрядѣ жилъ онъ въ одной палаткѣ съ Львомъ Пушкинымъ, тоже адъютантомъ генерала Раевского. Такимъ образомъ, Юзефовичъ имѣлъ возможность видѣться съ Пушкинымъ ежедневно, но онъ писалъ свои воспоминанія въ іюлѣ 1880 г., т. е. черезъ 51 годъ послѣ событія и, слѣдовательно, многое забылъ. Поэтому онъ передалъ (какъ самъ заявляетъ) только то, что ясно и точно сохранилось въ его памяти, за правду чего можно ручаться по совѣсти. Къ сожалѣнію, въ памяти его удержалось мало новыхъ подробностей о пребываніи Пушкина въ отрядѣ.

Очень драгоценными являются въ этомъ отношеніи, какъ мы уже сказали, записки М. И. Пушина, обнародованныя впер-

lib.pushkinskijdom.ru

вые Л. Н. Майковымъ. Онъ написалъ ихъ въ пятидесятыхъ годахъ, слѣдовательно на 30 лѣтъ раньше Потокскаго и Юзефовича, когда событія кампаніи 1829 г. были еще свѣжи въ его памяти. Пушкинъ сообщилъ впервые свѣдѣнія, до того совершенно неизвѣстныя, о пребываніи Пушкина на кавказскихъ минеральныхъ водахъ въ августѣ и сентябрѣ 1829 г., послѣ возвращенія изъ Эрзерума. Пушкинъ самъ нигдѣ ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ этомъ и только на двухъ его стихотвореніяхъ 1829 г. имѣется помѣта: *на кавказскихъ водахъ*.

Официальныя свѣдѣнія о пребываніи Пушкина на Кавказѣ выразились только въ перепискѣ объ учрежденіи за нимъ тайнаго полицейскаго надзора.

Намѣреніе посѣтить Кавказъ возникло у Пушкина еще въ 1827 году. Огъ 8 мая этого года *) онъ писалъ изъ Москвы своему брату Льву Сергѣевичу, служившему тогда въ нижегородскомъ драгунскомъ полку: «Завтра ѣду въ Петербургъ... Изъ Петербурга поѣду въ чужіе края, т. е. въ Европу, или во-свояси, т. е. во Псковъ, но вѣроятнѣе—въ Грузію, не для твоихъ прекрасныхъ глазъ, а для Раевского». Намѣреніе это осуществилось, однако, только въ 1829 г., при чемъ Пушкинъ собрался на Кавказъ, повидимому, совершенно неожиданно, безъ всякихъ приготовленій. Самъ онъ объяснялъ цѣль своей поѣздки различно. Въ

*) Въ письмѣ этомъ годъ не указанъ, но всѣ издатели сочиненій Пушкина относятъ его къ 1829 г. Содержаніемъ самого письма не трудно доказать, что оно написано въ 1827 году. Изъ „Путешествія въ Арзрумъ“ извѣстно, что Пушкинъ выѣхалъ изъ Москвы на Кавказъ 1 мая 1829 г., заѣхалъ въ Орелъ повидаться съ Ермоловымъ и 15 мая былъ въ Георгіевскѣ. Слѣдовательно, онъ не могъ писать брату Льву изъ Москвы 8 мая 1829 г. Затѣмъ, вопросы: „Кончилась ли у васъ война? Видѣлъ ли ты Ермолова и каково вамъ послѣ его?“ были бы совершенно неумѣстны въ 1829 г., такъ какъ Пушкинъ зналъ объ усиленныхъ приготовленіяхъ къ началю второй турецкой кампаніи и, выѣхавъ на Кавказъ, опасался не застать Раевского въ Тифлисѣ. Точно также странно было спрашивать брата о Ермоловѣ, который въ 1827 г. покинулъ Кавказъ и удалился въ свою орловскую деревню. Напротивъ, въ 1827 г., вопросы, предложенные Пушкинымъ, были вполне естественны: Левъ Пушкинъ опредѣлился въ нижегородскій драгунскій полкъ въ концѣ 1826 г., но прибылъ къ полку только въ мартѣ или апрѣлѣ 1827 г., когда Паскевичъ только что занялъ мѣсто Ермолова (28 марта 1827 г.). Слѣдовательно, Пушкинъ имѣлъ полное основаніе спрашивать брата, видѣлъ ли онъ Ермолова и каково служитъ на Кавказѣ при новомъ начальникѣ.

черновомъ предисловіи къ «Путешествію въ Арзрумъ», написанномъ 3 апрѣля 1835 г., было сказано: «Въ 1829 г. отправился я на кавказскія воды. Въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Тифлиса, мнѣ захотѣлось туда съѣздить для свиданія съ братомъ и съ нѣкоторыми изъ моихъ пріятелей». Между тѣмъ, выѣзжая 9 марта 1829 г. изъ Петербурга, Пушкинъ отмѣтился въ полицію выѣхавшимъ не на кавказскія воды, а именно въ Тифлисъ, по дорожной, данной ему петербургскимъ почтъ-директоромъ 4 марта 1829 г. до Тифлиса и обратно. Какъ въ письмѣ отъ 8 мая 1827 г., такъ и въ черновомъ предисловіи къ «Путешествію въ Арзрумъ», Пушкинъ объясняетъ свою поѣздку желаніемъ повидаться съ братомъ Львомъ и Н. Н. Раевскимъ. Но замѣчательно, что въ письмѣ къ тому же самому Раевскому, отъ 30 января 1829 г., слѣдовательно, за мѣсяцъ до выѣзда изъ Петербурга на Кавказъ, поэтъ ни слова не говоритъ о намѣреніи посѣтить Грузію. Все это даетъ основаніе предполагать, что окончательное рѣшеніе бросить столицу и отправиться въ Азію созрѣло въ Пушкинѣ внезапно, подъ вліяніемъ того тревожнаго состоянія духа, въ которомъ онъ находился въ то время.

Неизвѣстный и крайне недоброжелательный къ поэту авторъ воспоминаній, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» 1874 года (томъ X, августъ), утверждаетъ, что кавказскую поѣздку Пушкина устроили игроки, у которыхъ онъ былъ въ тискахъ. «Ему вѣрно обѣщаютъ золотыя горы на Кавказѣ, а какъ увидятъ деньги или поэму, то выиграютъ и—конецъ». Слова о проигранной въ карты поэмѣ есть, очевидно, намекъ на уступку Пушкинымъ Н. В. Всеволожскому въ 1820 г. права изданія своихъ стихотвореній за карточный долгъ. Пушкинъ, дѣйствительно, въ 1829 г. предавался еще со страстью карточной игрѣ, но только явное недоброжелательство могло искать въ этомъ увлеченіи поводъ къ поѣздкѣ на Кавказъ. Найти игроковъ Пушкинъ могъ бы и въ Петербургѣ и въ Москвѣ. «Сулить золотыя горы на Кавказѣ» можно было только шулеру, а не человѣку, вѣчно проигрывающему въ карты.

Пушкинъ выѣхалъ на Кавказъ, не испросивъ даже разрѣшенія у кого слѣдовало. Онъ состоялъ тогда подъ секретнымъ надзоромъ, и потому внезапный отъѣздъ его встревожилъ шефа жандармовъ Бс кендогфа. Мнительному начальнику тайной по-

lib.pushkinskijdom.ru

лищи, помнившему о близкихъ отношеніяхъ Пушкина къ участникамъ происшествія 14 декабря 1825 г., показался въ высшей степени подозрительнымъ отъѣздъ поэта въ армію, въ которой находилось въ то время на службѣ много лицъ, болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ этому происшествію. Пока Пушкинъ беззаботно ѣхалъ по степямъ Предкавказья, въ Тифлисѣ дѣлались распоряженія объ учрежденіи надъ нимъ секретнаго надзора. За нѣсколько дней до выступленія въ турецкій походъ, именно 12 мая 1829 г., Паскевичъ приказалъ начальнику своего штаба барону Д. Е. Остенъ-Сакену предупредить тифлисскаго военнаго губернатора ген.-адъютанта Стрекалова о предстоящемъ прибытіи въ Грузію «извѣстнаго стихотворца, отставнаго чиновника X класса Александра Пушкина», и объ учрежденіи за нимъ надлежащаго надзора. Стрекаловъ, въ свою очередь, предписалъ 14 мая тифлисскому гражданскому губернатору, по прибытіи Пушкина, обратить на поведеніе его строгое вниманіе и доносить секретно объ образѣ его жизни. Нѣтъ сомнѣній, что Пушкинъ зналъ объ этомъ отъ своихъ друзей, служившихъ въ штабѣ и въ канцеляріи Паскевича, и принялъ свои мѣры осторожности. Время тогда было такое, что почти всѣ частныя письма съ Кавказа, даже такихъ лицъ, какъ Н. Н. Муравьевъ, подвергались перлюстраціи въ московскомъ почтамтѣ. Вотъ почему Пушкинъ избѣгалъ писанія во время пребыванія на Кавказѣ и пользовался только вѣрными случаями для пересылки своихъ писемъ. Соображеніями осторожности объясняется, по нашему мнѣнію, и то, что Пушкинъ, начавъ въ Георгіевскѣ свой дневникъ изложеніемъ мнѣнія о системѣ управленія горцами, о способахъ мирнаго покоренія ихъ и т. д., прекратилъ подробныя записи по переѣздѣ чрезъ Кавказскія горы и ограничился краткими отмѣтками о лично видѣнномъ, избѣгая всякихъ разсужденій и оцѣнки событій. Та же причина, несомнѣнно, побудила его умолчать о многихъ встрѣчахъ со старыми друзьями, или скрыть ихъ имена подъ инициалами. Вотъ почему Пушкинъ, издавая въ 1836 г. свои путевыя записки, имѣлъ полное право утверждать, что онѣ заключаютъ въ себѣ все написанное имъ о походѣ 1829 года.

Переписка о секретномъ надзорѣ за Пушкинымъ на этомъ не кончилась. Уже по возвращеніи съ Кавказа, онъ долженъ былъ дать Бенкендофу объясненіе о причинахъ, вызвавшихъ по-

ѣздку. Отъ тифлисскаго военнаго губернатора было потребовано донесеніе, «по чьему позволенію извѣстный стихотворецъ Александръ Пушкинъ предпринялъ путешествіе изъ Тифлиса въ Эрзерумъ». Представляя Бенкендорфу свои объясненія, Стрекаловъ доносилъ, что даже лично обращалъ на образъ жизни Пушкина надлежащее вниманіе.

Первыя же строки своего «Путешествія въ Арзрумъ» Пушкинъ посвящаетъ опальному Ермолову, которымъ восхищался съ давнихъ поръ. Еще въ 1820 г., возвратясь въ Кишиневъ съ кавказскихъ водъ, поэтъ писалъ своему брату Льву: «Ермоловъ наполнилъ Кавказъ своимъ именемъ и благотворнымъ геніемъ». Неудивительно поэтому, что Пушкинъ не затруднился сдѣлать лишнихъ 200 верстъ для свиданія съ прославленнымъ кавказскимъ вождемъ. Забѣчательнъ отзывъ Пушкина о наружности Ермолова. Считается почти обязательнымъ называть голову Ермолова львиной. Но Пушкинъ говоритъ, что у него голова тигра на геркулесовомъ торсѣ, и затѣмъ прибавляетъ, «улыбка непріятная, потому что не естественна». Если припомнить: что въ характерѣ Ермолова была извѣстная доля двуличности и хитрости, давшая великому князю Константину Павловичу поводъ называть его патеромъ Груберомъ *), то сравненіе Пушкина должно признать болѣе мѣткимъ, чѣмъ сравненіе со львомъ, придуманное безусловными панегиристами Ермолова. Оно еще разъ подтверждаетъ независимость мнѣній Пушкина и правдивость его въ отзывахъ даже о тѣхъ, кого онъ искренно почиталъ.

Путешествіе съ казіей по Кабардинской плоскости дало Пушкину случай высказать свой взглядъ на систему покоренія кавказскихъ горцевъ. Поэтъ находилъ, что главными средствами для этого должны служить торговля и въ особенности свободная, чуждая всякаго формализма, проповѣдь евангелія. Нельзя не узчать въ этомъ мнѣніи отраженіе сантиментально филантропическихъ идей эпохи Александра I, когда начальникамъ Кавказской линіи было запрещено дѣлать набѣги въ горскіе предѣлы, въ Тифлисѣ учреждено отдѣленіе Библейскаго общества и въ нѣсколькихъ пунктахъ открыты мѣновыя двory для привитія дикимъ горцамъ привычекъ и потребностей цивилизованной жизни.

*) Извѣстный въ Петербургѣ генералъ ордена іезуитовъ.

Великодушныя намѣренія эти не дали ожидаемыхъ плодовъ, быть можетъ, по причинамъ, указаннымъ Пушкинымъ въ его горячихъ и краснорѣчивыхъ строкахъ. Поэтъ высказываетъ надежду, что приобретеніе восточнаго края Чернаго моря, отрѣзавъ черкесовъ отъ торговли съ Турціей, принудитъ ихъ сблизиться съ русскими. Соображеніе это не могло находиться въ первоначальномъ текстѣ дневника и прибавлено впоследствии, при окончательной обработкѣ «Путешествія», такъ какъ только послѣ заключенія Адрианопольскаго трактата 2 сентября 1829 года, отдавашаго во власть Россіи крѣпости Поты и Анапу, Закубанскій край и все побережье Чернаго моря отъ Анапы до р. Чолока въ Гуріи, сдѣлалось возможнымъ принять мѣры къ обузданію непокорныхъ черкесскихъ племенъ безъ опасенія протестовъ со стороны Турціи о нарушеніи ея верховныхъ правъ на ту или другую часть кавказскаго населенія. Но надежды, возлагавшіяся на Черноморскую береговую линію, не осуществились: она окончила свое безполезное существованіе въ 1854 г., поглотивъ многія тысячи человѣческихъ жизней и огромныя денежныя средства.

Пушкинъ не говоритъ ничего о своихъ знакомствахъ во Владикавказѣ. По словамъ же Н. Б. Потокскаго, поэтъ присутствовалъ на многолюдномъ обѣдѣ у коменданта генерала Скворцова и даже написалъ мѣломъ на дверяхъ въ честь его стихи, изъ которыхъ Потокскій припомнилъ только четыре строчки и то приблизительно. Николай Петровичъ Скворцовъ былъ старый кавказскій служака, почтенный и всѣми уважаемый, съ здравымъ умомъ и твердымъ характеромъ. Разказы его не могли не заинтересовать любознательнаго поэта. Скворцовъ происходилъ изъ купеческихъ дѣтей, въ 1779 г. поступилъ сержантомъ въ военную службу, въ 1786 г. произведенъ въ адъютанты казанскаго мушкатерскаго полка и съ тѣхъ поръ провелъ всю свою службу на кавказской линіи. Въ 1788 г. ходилъ онъ за Кубань до Анапы, 30 сентября 1790 г. принималъ участіе въ пораженіи Баталъ-пашы на Кубани, въ 1804 г. въ усмиреніи кабардинцевъ. Въ 1829 г. былъ онъ уже генераломъ и занималъ должности владикавказскаго коменданта и командира владикавказскаго гарнизоннаго полка. Дочь его была невѣстой Демьяна Александровича Искрицкаго, подпоручика гвардейскаго генеральнаго штаба, за прикосновенность къ дѣлу декабристовъ переведеннаго тѣмъ же чи-

номъ въ орскій гарнизонъ, а оттуда на Кавказъ въ 42 егерскій полкъ. Въ сентябрѣ 1831 г. Искрицкій скончался въ Кубѣ отъ горячки. Вскорѣ послѣдовала за нимъ въ могилу и невѣста его.

Нетерпѣніе Пушкина увидѣть Раевского и брата Льва было такъ велико, что онъ, избѣгая задержекъ въ лошадахъ, прошелъ пѣшкомъ значительную часть пути отъ Владикавказа до Душета. Наконецъ, 26-го мая прибылъ онъ въ Тифлисъ и здѣсь съ огорченіемъ узналъ, что нижегородскій драгунскій полкъ уже выступилъ въ походъ. Пушкинъ рѣшился просить у графа Паскевича позволеніе пріѣхать въ армію. Главнокомандующій находился въ то время уже подъ Карсомъ. Около двухъ недѣль протомился Пушкинъ въ ожиданіи разрѣшенія. Онъ пишетъ, что познакомился въ это время съ тифлискимъ обществомъ, но называетъ только одного П. С. Санковскаго, издателя «Тифлискихъ Вѣдомостей» и большого поклонника поэта. Санковскій давно ожидалъ прибытія Пушкина въ Тифлисъ, но потерялъ, наконецъ, надежду увидѣть его и съ грустью писалъ въ своей газетѣ (№ 17 отъ 26 апрѣля 1829 г.): «Мы ожидали сюда одного изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ, но сія надежда, столь лестная для любителей Кавказскаго края, уничтожена послѣдними письмами, полученными изъ Россіи». Замѣчательно, что извѣстіе о прибытіи Пушкина въ Грузію появилось въ «Тифлискихъ Вѣдомостяхъ» только въ № 26, вышедшемъ 28-го іюня 1829 г. *), когда Пушкинъ находился уже въ Эрзерумѣ. Вѣроятно, поднадзорное положеніе поэта, прибытіе его въ край безъ надлежащаго разрѣшенія и неизвѣстность, какъ отнесется къ нему графъ Паскевичъ, побудили генерала Стрекалова отложить печатаніе замѣтки Санковскаго до полученія приказаній главнокомандующаго.

Большой интересъ для тифлисцевъ представляетъ вопросъ: гдѣ жилъ Пушкинъ въ Тифлисъ? Считается достовѣрнымъ, что ему была отведена для жительства комната въ домѣ Цуринова на Эриванской площади, по линіи, которая вслѣдствіе этого нынѣ называется Пушкинскою. Но самъ поэтъ говоритъ, что остановился въ трактирѣ, и жалуется, что въ трактирѣ этомъ кормили его и дорого и дурно. Н. Б. Потокскій говоритъ также, что Пушкинъ помѣстился въ единственной въ то время небольшой гости-

*) № 26 ошибочно помѣченъ 18 іюня.

ницѣ Матасси. *) Остается предполагать, что Пушкинъ, поживъ у Матасси, перешелъ потомъ въ домъ Цуринова, или же, что онъ жилъ въ этомъ домѣ по возвращеніи изъ Эрзерума.

Наконецъ, генераль Стрекаловъ получилъ отъ графа Паскевича предписаніе отъ 8 іюня № 194, которымъ Пушкину разрѣшалось прибыть въ дѣйствующій корпусъ. Раевскій запискою уведомилъ объ этомъ поэта. Пушкинъ отправился въ тотъ-же день и, можно сказать безъ преувеличенія, не проѣхалъ, а пролетѣлъ разстояніе отъ Карса. Нельзя не удивляться его тѣлесной и духовной крѣпости, позволившей ему, безъ малѣйшаго ущерба для здоровья, дѣлать въ сутки по 75 верстъ верхомъ на изнуренныхъ казачьихъ лошадяхъ въ дождь и непогоду. Усилія эти не были на этотъ разъ напрасны: Пушкинъ прибылъ къ войскамъ 13-го іюня, всего за нѣсколько часовъ до ихъ выступленія. Въ дальнѣйшемъ описаніи своего «путешествія» Пушкинъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, строго ограничивается изложеніемъ только фактической стороны дѣла и только въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ она была доступна его наблюденію. Поэтому, для пониманія хода и связи событій, необходимы нѣкоторыя поясненія.

8 іюня 1829 г. войска дѣйствующаго корпуса собрались въ лагерь при сел. Котанлы на р. Карсъ-чаѣ, въ 30 верстахъ отъ подошвы Соганлугскаго хребта. Какъ разъ въ день пріѣзда Пушкина (13 іюня) графъ Паскевичъ рѣшился предпринять движеніе чрезъ лѣсистыя горы для наступленія къ Эрзеруму. На этомъ пути, на неприступной позиціи Милли-дюзъ, стоялъ трехбунчужный Гагки-паша съ отрядомъ въ 10,000 пѣхоты и конницы. Для отвлеченія его вниманія отъ такъ называемой Зивинской дороги, по которой предполагалось направить русскія войска на Соганлугъ, Паскевичъ приказалъ г.-м. Бурцову сдѣлать ложную атаку на милли-дюзскую позицію.

Въ 5 ч. послѣ полудня, 13 іюня, всѣ войска покинули сел. Котанлы и направились по назначенію: Бурцовъ съ своимъ отрядомъ влѣво, а главныя силы по Зивинской дорогѣ. Пушкинъ

*) Матасси имѣлъ ресторацію въ домѣ армянскаго духовнаго училища, на нынѣшнемъ Солдатскомъ базарѣ. Тамъ же помѣщался тогда и клубъ или собраніе. Въ 1828 г. ресторація закрыта и Матасси перенесъ ее на Эриванскую площадь, противъ полиціи, приблизительно туда, гдѣ нынѣ гостиница „Кавказъ“.

находился при нижегородскомъ драгунскомъ полку, слѣдовавшимъ съ остальною кавалерією въ резервъ за главной колонной. Въ 8 ч. вечера, отойдя 17 в., войска стали лагеремъ близъ разореннаго сел. Котонлы. Здѣсь Пушкинъ представился графу Паскевичу. Главнокомандующій былъ веселъ и ласково принялъ поэта. Пушкинъ объясняетъ и причину этого веселья «Чуждый воинскому искусству, говоритъ онъ, я не подозрѣвалъ, что участь похода рѣшилась въ эту минуту» Дѣйствительно, Паскевичъ, всегда нерѣшительный, имѣлъ причины радоваться: демонстрація отряда Бурцова отвлекла вниманіе Гагки-паши отъ движенія главныхъ силъ, вслѣдствіе чего Зивинская дорога оказалась совершенно свободною.

Ночью, послѣ отдыха, движеніе продолжалось и къ утру 14 іюня Паскевичъ сталъ лагеремъ на вершинѣ Соганлуга, при р. Инджа-су, въ 8 в. отъ позиціи Гагки-паши.

Здѣсь удалось Пушкину осуществить свое желаніе подраться съ турками. Послѣ полудня, когда утомленные ночнымъ зоревымъ переходомъ войска предавались послѣобѣденному отдыху, значительная партія курдовъ и дели, посланная Гагки-пашею, внезапно атаковала и потѣснила нашу передовую цѣпь казаковъ. Самъ Пушкинъ говоритъ только, что поѣхалъ съ Семичевымъ посмотреть новую для него картину. Но другіе рассказываютъ иначе. По словамъ М. И. Пуцина, поэтъ, услыхавъ выстрѣлы въ цѣпи, вскочилъ на коня и исчезъ изъ глазъ своихъ друзей. Семичевъ и Пуцинъ отправились на поиски и увидели его скачущаго съ саблею на-голо противъ турецкихъ наѣздниковъ. Къ счастью, приближеніе уланъ съ Юзефовичемъ, прискакавшимъ на выручку, заставило турокъ удалиться. Пушкину не удалось попробовать своей сабли на турецкой головѣ, но зато и свою удержалъ онъ на плечахъ. По другому разсказу *), сходному въ общемъ съ разсказомъ Пуцина, Пушкинъ устремился противъ неприятельскихъ всадниковъ съ пикою, взятою имъ у одного изъ убитыхъ донскихъ казаковъ. Опытный майоръ Семичевъ, посланный ген. Раевскимъ вслѣдъ за поэтомъ, едва настигъ его и вывелъ насильно изъ передовой цѣпи казаковъ. Можно повѣрить, что донцы

*) Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи въ 1828 и 1829 годахъ.—Варшава 1843 г., II. 303. Сочиненіе это написано Н. Ушаковымъ подъ наблюденіемъ и по указаніямъ самого Паскевича.

наши были чрезвычайно изумлены, увидѣвъ предъ собою незнакомаго героя въ круглой шляпѣ и буркѣ.

Три дня простоялъ Паскевичъ при рѣкѣ Инджа-су, оправдывая свою нерѣшительность глубокомысленными соображеніями. Лица, понимавшія дѣло, сердились на бездѣйствіе. Но Пушкинъ наслаждался свободною и беззаботною лагерною жизнью. Онъ жилъ въ палаткѣ веселаго и гостепріимнаго Раевского, куда собиралось ежедневно самое разнообразное общество. Здѣсь имѣлъ случай Пушкинъ видѣть представителей различныхъ мусульманскихъ племенъ Закавказья, служившихъ подъ начальствомъ Раевского въ такъ-называемыхъ конно-иррегулярныхъ полкахъ. Особенно заинтересовали поэта курды-езиды, обвиняемые мусульманами въ въ поклоненіи дьяволу. Онъ довольно вѣрно изложилъ сущность религіозныхъ воззрѣній этой, еще и до сихъ поръ не вполне разгаданной, секты.

Однообразіе стоянки на Инджа-су прерывалось военными эпизодами. Пушкинъ вскользь упоминаетъ о дѣлѣ 17 іюня полковника барона Фридерикса съ турками. Это былъ небольшой отрядъ Осман-паши, появившійся на флангѣ нашего слѣдованія со стороны Бардуса. Противъ него былъ направленъ 1-й мусульманскій (карабахскій) полкъ подъ начальствомъ подполковника Ускова, подкрѣпленный казаками и баталіономъ эриванскаго карабинернаго полка полковника барона Б. А. Фридерикса. Турки были прогнаны и самъ Османъ-паша едва избѣжалъ плѣна.

Наконецъ, 18 іюня Паскевичъ рѣшился спуститься съ Соганлуга къ сел. Караургану въ тылъ позиціи Гакги-паши на Миллидюзѣ. Къ вечеру войска остановились для ночлега при р. Хункеръ-су. На другой день движеніе продолжалось и въ 10 ч., близъ сел. Каинлы, разѣзды наши столкнулись съ передовыми войсками турецкаго сераскира, Гаджи Магомета Салехъ-паши, прибывшаго наканунѣ къ Зивину изъ Эрзерума. Послѣ полудня завязалось дѣло, кончившееся къ ночи полнымъ разгромомъ турецкой арміи. Войска наши гнали турокъ до сел. Караургана. Здѣсь пѣхота остановилась, а кавалерія, предводимая Паскевичемъ, преслѣдовала бѣгущихъ еще 12 верстъ.

Гдѣ находился нашъ поэтъ во время боя и 40-верстнаго марша? Онъ рассказываетъ, что послѣ ухода полковъ къ назначеннымъ имъ мѣстамъ, остался одинъ и направилъ своего коня

на удачу. Сначала попалъ онъ къ ген.-м. Бурцову, занимавшему лѣвый флангъ нашего боевого расположенія; потомъ пробрался къ ген.-м. Муравьеву на правый флангъ и, наконецъ, примкнулъ къ штабу Паскевича. Въ своемъ дневникѣ, рассказывая о видѣнныхъ имъ отдѣльныхъ эпизодахъ боя при Каинлы, Пушкинъ называетъ Бурцова и Муравьева. Дѣйствительно, эти два генерала вынесли на себѣ всю тяжесть сраженія, особенно ген.-м. Бурцовъ, устоявшій съ херсонскими баталіонами противъ бѣшеной атаки 10 т. турецкой кавалеріи.

Къ вечеру, когда было получено достовѣрное извѣстіе о бѣгствѣ сераскира къ Эрзеруму, Паскевичъ возобновилъ преслѣдованіе со всею кавалеріею. Пушкинъ принялъ участіе въ этомъ набѣгѣ. Не турецкія пули и сабли были опасны въ этой бѣшеной скачкѣ, а возможность упасть съ усталымъ конемъ и быть затоптаннымъ своими же. Наступившая ночь остановила Паскевича въ бивакѣ. Сюда собрались всѣ кавалерійскіе начальники, принимавшіе участіе въ преслѣдованіи турокъ.

На другой день, 20-го іюня, рѣшилась судьба Гагки-паши. Получивъ извѣстіе о пораженіи сераскира, онъ не нашелъ возможнымъ защищаться на своей позиціи при Милли-дюзѣ: при первомъ наступленіи нашихъ войскъ, турки сдѣлали нѣсколько безвредныхъ пушечныхъ выстрѣловъ и затѣмъ бросились въ разсыпную. Самъ Гагки-паша, оставшись безъ войска, пытался бѣжать, но былъ захваченъ въ лѣсу подполковникомъ Верзилинымъ съ линейными казаками. Паскевичъ остался ночевать на Милли-дюзѣ, разославъ предварительно отряды по разнымъ направленіямъ для преслѣдованія бѣгущихъ турокъ.

Пушкинъ участвовалъ въ движеніи колоннъ противъ Гагки-паши. Онъ примкнулъ къ нижегородскому полку, шедшему въ третьей линіи, но вскорѣ отсталъ и очутился одинъ въ лѣсистыхъ горахъ. Долго бродилъ онъ отъ одной части къ другой, пока не наткнулся на нижегородцевъ, остановившихся на ночлегъ между Милли-дюзомъ и Меджингертомъ.

21 іюня Паскевичъ перешелъ съ Милли-дюза къ Караургану. Здѣсь Пушкинъ имѣлъ случай видѣть плѣннаго Гагки-пашу и наблюдать фізіологическое явленіе, извѣстное у турокъ подъ названіемъ *кеса*. 22 іюня главныя силы, продолжая движеніе, перешли къ сел. Ардосту, 23 іюня спустились въ долину Аракса и, слѣ-

дую его лѣвымъ берегомъ, достигли къ вечеру сел. Кепри-кея. Пушкинъ прошелъ молчаніемъ дни 22 и 23 іюня. Утомленіе предшествовавшихъ дней, жаркій воздухъ и отсутствіе выдающихся событий заглушили на время его любознательность. Въ эти дни присоединились къ главнымъ силамъ отдѣльные отряды, преслѣдовавшіе бѣгущихъ турокъ, и были отправлены въ Карсъ Гагки-паша и др. плѣнные турецкіе сановники. Изъ Ардоста полетѣлъ въ Петербургъ и курьеръ съ донесеніемъ Паскевича о пораженіи турецкой арміи.

Природа не привѣтлива въ долину Аракса. Бѣдствія войны сдѣлали ее еще болѣе угрюмою. «Селенія были пусты, окрестная сторона печальна», говоритъ поэтъ о мѣстахъ, видѣнныхъ имъ 22 и 23 іюня. Селеніе Кепри-кей (въ переводѣ съ турецкаго мостовое селеніе) находится при слияніи рѣкъ Аракса и Гассанъ-су. Непосредственно надъ соединеніемъ ихъ переброшенъ чрезъ Араксъ большой и древній каменный мостъ, называемый *Чобанъ-кепри* (мостъ пастуха). Пушкинъ сообщаетъ преданіе о построеніи этого моста разбогатѣвшимъ пастухомъ, могилу котораго мѣстные жители указываютъ на вершинѣ сосѣдняго холма. Намъ извѣстно другое преданіе по этому поводу. «Когда какой-то царь предпринялъ сооруженіе моста, то всѣ попытки лучшихъ строителей оказывались неудачными: все, сдѣланное днемъ, оказывалось разрушеннымъ въ слѣдующую затѣмъ ночь. Наконецъ, явился ангелъ въ одеждѣ пастуха и указалъ мѣсто для моста. Тогда работа пошла безостановочно и мостъ былъ названъ пастушескимъ».

Развалины караванъ-сарая, посѣщенные Пушкинымъ, заслуживаютъ вниманія. Полагаютъ, что онъ былъ построенъ генуэзцами во времена процвѣтанія ихъ торговли съ Эрзерумомъ и Тавризомъ.

Паскевичъ не остался на ночлегъ въ Кепри-кеѣ. Вскорѣ послѣ прибытія главныхъ силъ въ это селеніе, получено было изъ Гассанъ-кале извѣстіе о намѣреніи сераскира увезти въ Эрзерумъ находившіяся тамъ артиллерійскіе и провіантскіе запасы. Паскевичъ немедленно сформировалъ летучій отрядъ подъ начальствомъ г-м. князя Бековича-Черкаскаго и самъ повелъ его въ Гассанъ-кале. Главныя силы выступили туда-же на другой день, 24 іюня.

Походъ видимо утомилъ Пушкина и нравственно и физически. Онъ жаждалъ отдыха и уже не бросался впередъ при первомъ извѣстїи о дѣлѣ. Предъ выступленїемъ конницы изъ Кепри кея было получено ложное извѣстїе о нахожденїи въ горахъ 3,000 турокъ. Полковникъ Анрепъ немедленно поскакалъ на поиски съ уланскимъ эскадрономъ. За нимъ отправился и Раевскій. Пушкинъ присоединился къ нему, но уже не съ охотою, а съ *великою досадою*, какъ бы исполняя скучную служебную обязанность. Извѣстїе оказалось ложнымъ и набѣгъ бесполезнымъ. Къ вечеру 24 іюня Пушкинъ прибылъ въ Гассанъ-кале, гдѣ уже со вчерашняго дня находился Паскевичъ.

Развалины древней цитадели Гассанъ-кале не обратили на себя вниманїя поэта. Онъ посѣтилъ только минеральныя бани, извѣстныя съ древнихъ временъ. Пушкинъ не совсѣмъ правильно называетъ ихъ горячими желѣзо-сѣрными. Температура ихъ не превышаетъ 27 или 28° R. и по составу принадлежатъ онѣ къ желѣзисто-щелочнымъ съ примѣсю сѣры. Рѣку, при которой находится Гассанъ-кале, Пушкинъ называетъ Мургомъ. Неизвѣстно, откуда заимствовалъ онъ это имя: мѣстные жители называютъ ее Гассанъ-су или Кале-су (крѣпостная рѣка).

Движеніе къ Эрзеруму (25 и 26 іюня), смуты въ городѣ, предшествовавшїя его сдачѣ, наконецъ, самая сдача столицы Анатоли (27 іюня),—описаны Пушкинымъ кратко, но съ свойственнымъ ему искусствомъ схвачены наиболѣе рельефныя черты событїй. Когда войска наши уже заняли высоту Топъ-дагъ, на восточной сторонѣ Эрзерума, буйные арнауты открыли пушечный огонь противъ Топъ-дага, на которомъ находился Паскевичъ и эрзерумскїе сановники съ ключами. По общей просьбѣ, Паскевичъ приказалъ отвѣчать на выстрѣлы и тогда турецкія пушки умолкли. Къ этому разсказу Пушкина покойный нынѣ генералъ Э. В. Бриммеръ прибавляетъ, что послѣ перваго нашего выстрѣла Пушкинъ, стоявшїй передъ Паскевичемъ, воскликнулъ «славно!», и на вопросъ главнокомандующаго: «куда попало», отвѣчалъ: «прямо въ городъ». - «Гадко, а не славно»,—замѣтилъ на это Паскевичъ.*)

Во время трехнедѣльнаго пребыванїя въ Эрзерумѣ Пушкинъ

*) Записки Бриммера въ XVI томѣ „Кавказскаго Сборника“, издаваемого военно-историческимъ отдѣломъ при штабѣ кавказскаго военного округа.

жилъ въ обширномъ дворцѣ сераскира, занягомъ Паскевичемъ. Городъ и его обитатели заинтересовали поэта. Онъ осмотрѣлъ всѣ его достопримѣчательности, не оставилъ безъ вниманія даже башенныхъ часовъ,—единственныхъ во всей Анатолиі. Пушкину выпалъ даже рѣдкій случай посѣтить гаремъ одного изъ плѣнныхъ пашей. Что заставило Пушкина выѣхать изъ Эрзерума ранѣе, чѣмъ онъ самъ, повидимому, предполагалъ?

По его словамъ, 14 іюля, возвращаясь изъ бани во дворецъ, узналъ онъ о появленіи въ Эрзерумѣ чумы. При этомъ извѣстіи представились ему всѣ ужасы карантина, и онъ въ тотъ-же день рѣшился оставить армію.

Позволительно усомниться въ томъ, чтобъ одинъ только страхъ сидѣнья въ карантинѣ былъ причиною внезапной рѣшимости Пушкина выѣхать изъ Эрзерума. Дѣло въ томъ, что съ момента открытія чумы строгія карантинныя мѣры вступали немедленно въ дѣйствіе и, слѣдовательно, уже нельзя было избѣжать ихъ послѣ обнаруженія перваго случая заразы. Къ тому-же, карантинное наблюденіе въ Гумрахъ было обязательно во все время турецкой кампаніи для всѣхъ ѣхавшихъ изъ арміи въ Грузію. Въ 1829 г. карантинный срокъ былъ опредѣленъ въ 3 недѣли, но Пушкинъ безъ труда выпросилъ себѣ сокращеніе его до трехъ дней.

Потокскій, ссылаясь на отзывъ Вольховскаго, утверждаетъ, что Пушкинъ оставилъ дѣйствующій корпусъ вслѣдствіе ссоры съ Паскевичемъ, который, подъ предлогомъ опасенія за жизнь поэта, дорогую для Россіи, предложилъ ему немедленно уѣхать изъ арміи. Главною причиною неудовольствія Паскевича были будто бы свиданія Пушкина съ нѣкоторыми изъ декабристовъ. Шпіоны слѣдили за поведеніемъ поэта и передавали Паскевичу свои наблюденія въ преувеличенномъ видѣ.

Потокскій повторяетъ то, что тогда говорили въ арміи. Но сомнительно, чтобъ онъ слышалъ это отъ самого Вольховскаго. Такой серьезный, сдержанный и осторожный человѣкъ, какъ Владимиръ Дмитріевичъ, никогда не рѣшился бы сообщить почти мальчику, хотя бы и подъ секретомъ, такія вещи, о которыхъ тогда было опасно говорить. Вольховскій самъ имѣлъ несчастье быть названнымъ въ заговорѣ 14 дек и хотя лично ни въ чемъ не было замѣшанъ, но, тѣмъ не менѣе, это ему много вредило по

службѣ. Откуда бы, впрочемъ, ни заимствовали свои свѣдѣнія Потокскій, въ нихъ есть доля истины. Но открытой ссоры Пушкина съ Паскевичемъ они все-таки не объясняютъ и потому употребленное Потокскимъ слово *ссора* надо считать простымъ *lapsus calami*. Припомнимъ, прежде всего, что во время поѣздки на Кавказъ. Пушкинъ состоялъ подъ тайнымъ надзоромъ. Паскевичъ, разрѣшивъ ему пріѣздъ въ армію, принялъ на себя надзоръ за его поведеніемъ и сношеніями и для этого старался, по возможности, не отпускать его отъ себя. М. И. Пущинъ рассказываетъ, что Пушкинъ не могъ изъ вѣжливости оставить Паскевича, который не хотѣлъ отпускать его отъ себя не только во время сраженія, но на привалахъ, въ лагерѣ, и вообще всегда, на всѣхъ переправахъ и въ свободное отъ занятій время, за нимъ посылалъ и порядочно—по словамъ Пушкина—ему надоѣлъ. «Держа Пушкина около себя, тщеславный военачальникъ, ставившій свои сраженія наравнѣ съ побѣдами Александра Македонскаго и знаменитѣйшихъ римскихъ полководцевъ, быть-можетъ, расчитывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что поэтъ проникнется величіемъ подвиговъ новаго македонскаго героя и не откажется быть его пѣвцомъ.

Во время похода къ Эрзеруму Паскевичъ не имѣлъ возможности держать поэта постоянно около себя. Пушкинъ проводилъ большую часть времени съ Раевскимъ и считалъ себя какъ бы прикомандированнымъ къ нижегородскимъ драгунамъ. Постоянное общество его составляли, кромѣ Раевского, Левъ Пушкинъ, Юзефовичъ, Семичевъ, Пущинъ и др. Онъ чувствовалъ себя вполне привольно среди этихъ людей. Но съ занятіемъ Эрзерума эта свободная жизнь окончилась: 10 или 11 іюля Раевскій со всею кавалеріею ушелъ въ походъ, и Пушкинъ разстался съ самыми близкими ему людьми. Въ первыхъ числахъ іюля выѣхалъ изъ Эрзерума также и М. П. Пущинъ, которому было поручено доставить въ Тифлисъ плѣннаго сераскира и пашей. Неизвѣстно, самъ ли Пушкинъ не пожелалъ слѣдовать за Раевскимъ, или же Паскевичъ нашелъ предлогъ отклонить его отъ этого. Какъ бы то ни было, но поэтъ остался одинъ и 7 іюля, когда Паскевичъ перешелъ изъ лагеря въ городъ и занялъ помѣщеніе во дворцѣ сераскира, поэту пришлось сдѣлаться его гостемъ. Къ этому времени, вѣроятно, и должно отнести замѣчаніе Пущина о надоѣвшемъ поэту обязательномъ посѣщеніи главнокомандующаго. Весе-

лые пиры въ палаткѣ Раевского, приправленные живою, непри-
нужденною и остроумною бесѣдою, замѣнились официальными
обѣдами, на которыхъ малочиновный Пушкинъ занималъ, конечно,
не первыя мѣста. Надо думать, что и бесѣда была мало занима-
тельна: Паскевичъ былъ въ это время очень высокаго мнѣнія о
своихъ военныхъ дѣйствіяхъ и говорилъ только о нихъ. Можно
представить себѣ какъ несносны были эти обѣды для Пушкина,
который не могъ забыть даже одного обѣда у генерала Стрека-
лова въ Тифлисѣ и закончилъ описаніе его забавнымъ восклица-
ніемъ: «чортъ побори тифлисскаго гастронома!»

Въ совокупности всѣхъ этихъ причинъ, кажется мнѣ, долж-
но искать причину отъѣзда Пушкина. Самый городъ Эрзерумъ,
послѣ осмотра его достопримѣчательностей не могъ, конечно, со-
блазнить на дальнѣйшее пребываніе въ немъ.

Несомнѣнно, что Пушкинъ и Паскевичъ не питали симпатій другъ къ другу. Первый во время походовъ имѣлъ достаточ-
но поводовъ убѣдиться въ непомѣрномъ самолюбіи, можно ска-
зать, въ самообожаніи Паскевича, въ его высококомѣрно-презритель-
номъ отношеніи къ подчиненнымъ. Если онъ чего-нибудь не за-
мѣтилъ самъ, то друзья его и знакомые, конечно, не преминули
просвѣтить его. Всѣ они, и баронъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ, и Н.
Н. Раевскій, и В. Д. Вольховскій, и М. И. Пушкинъ,—всѣ покину-
ли службу подъ начальствомъ Паскевича или добровольно или
вынужденно, унося глубокое чувство горечи и неудовольствія
противъ него.

Биографъ-панегиристъ Паскевича, князь Щербатовъ *), утвер-
ждаетъ, что «Пушкинъ въ своемъ «Путешествіи въ Арзрумъ» не
разъ упоминаетъ о неустрашимости главнокомандующаго и о его,
среди боевыхъ заботъ, веселой привѣтливости». Достаточно было
просмотрѣть твореніе Пушкина, чтобъ убѣдиться въ томъ, что онъ
нигдѣ ни разу не упоминаетъ о неустрашимости Паскевича. Что
касается веселой привѣтливости, то едва-ли такая характеристика
можетъ быть основана на словахъ Пушкина о томъ, что Паске-
вичъ, принимая его въ день пріѣзда въ армію, былъ веселъ и
ласковъ.

*) Гене раль-фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Его жизнь и дѣя-
тельность. III. 195.

Вообще Пушкинъ едва-ли понравился Паскевичу, особенно съ тѣхъ поръ, какъ этотъ послѣдній убѣдился, что поэтъ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго желанія сдѣлаться пѣвцомъ его подвиговъ. Послѣ пораженія сераскира и Гагки-паши и занятія Эрзерума Паскевичъ былъ такъ преисполненъ сознанія необычности своихъ подвиговъ, что только и говорилъ объ нихъ Послѣ бѣгства сераскира, Паскевичъ, нагнавъ на походѣ курдскихъ бекъ, состоявшихъ при корпусѣ, не могъ удержаться отъ предложенія имъ вопроса: «видѣли-ли они когда нибудь подобное разбитіе арміи?» Лукавые азиатскіе дипломаты отвѣчали: «мы еще не опомнились отъ удивленія и только теперь начинаемъ вѣрить, что это можетъ случиться».

Пушкинъ держалъ себя по отношенію къ Паскевичу совершенно независимо, отдавая должную дань высокому его положенію. Отношенія его къ Паскевичу лучше всего охарактеризованы имъ самимъ въ предисловіи: «человѣкъ, не имѣющій нужды въ покровительствѣ сильныхъ, дорожить ихъ радушіемъ и гостепріимствомъ, ибо иного отъ нихъ не можетъ и требовать. Обвиненіе въ неблагодарности не должно быть оставлено безъ возраженія. Этими словами Пушкинъ даетъ ясно понять, что только одно опасеніе прослать неблагодарнымъ заставило его напечатать свои записки объ эрзерумскомъ походѣ.

Паскевичъ рассчитывалъ на другое и, убѣдившись въ ошибочности своихъ расчетовъ, охладѣлъ къ поэту, который составлялъ для него только обузу.

Вскорѣ послѣ смерти Пушкина Императоръ Николай Павловичъ писалъ Паскевичу изъ Петербурга отъ 4 февраля 1837 г.: „здѣсь все тихо, и одна трагическая смерть Пушкина занимаетъ публику и служитъ пищей разнымъ глупымъ толкамъ. Онъ умеръ отъ раны за дерзкую и глупую картель, имъ-же писанную, но, слава Богу, умеръ христіаниномъ“. Отвѣтъ Паскевича на это неизвѣстенъ, но Государь отъ 22 февраля 1837 г. *) вновь писалъ ему: „мнѣніе твое о Пушкинѣ я совершенно раздѣляю и про него можно справедливо сказать, что въ немъ оплакивается

*) Оба письма напечатаны въ приложеніи къ V тому біографія Паскевича написанной княземъ Щербатовымъ. Составитель этого многотомнаго труда, къ сожалѣнію, не призналъ нужнымъ напечатать письма Паскевича къ Государю.

будущее, а не *прошедшее*“. Судя по этимъ словамъ, должно думать, что Паскевичъ не очень лестно отозвался о трагически погибшемъ поэтѣ.

Обратный путь изъ Эрзерума Пушкинъ описалъ всего въ нѣсколькихъ строкахъ. Онъ выѣхалъ изъ столицы Анатолиі, по всей вѣроятности, 21 іюля, просидѣлъ три дня въ гумринскомъ карантинѣ и 1-го августа былъ въ Тифлисѣ. Здѣсь прожилъ онъ до 6 августа, проведя нѣсколько вечеровъ въ садахъ среди любезнаго и веселаго общества. Къ сожалѣнію, не сохранилось рѣшительно никакихъ свѣдѣній, изъ кого состояло это общество. Во Владикавказѣ Пушкинъ встрѣтился съ М. И. Пушинымъ и Р. И. Дороховымъ и вмѣстѣ съ ними отправился на кавказскія воды. Пребываніе его въ Пятигорскѣ и Кисловодскѣ описано Пушинымъ въ запискахъ, опубликованныхъ барономъ Розеномъ и Л. Н. Майковымъ.

Явное нежеланіе Пушкина пѣть хвалебныя пѣсни эриванскому герою не прошло ему даромъ. Газета Булгарина и Греча «Сѣверная Пчела», извѣщая о возвращеніи поэта въ Петербургъ, пыталась было напомнить ему объ его обязанности: «А. С. Пушкинъ возвратился въ здѣшнюю столицу изъ Арзрума. Онъ былъ на блистательномъ поприщѣ побѣдъ и торжествъ Русскаго воинства, наслаждался зрѣлищемъ, любопытнымъ для каждаго, особенно для Русскаго. Многіе почитатели его Музы надѣются, что онъ обогатитъ нашу словесность какимъ-нибудь произведеніемъ, вдохновеннымъ подъ тѣнью военныхъ шатровъ, въ виду неприступныхъ горъ и твердынь, на которыхъ мощная рука Эриванскаго Героя водрузила Русскія знамена». (№ 138 отъ 16 ноября 1829 г.). Но поэтъ остался глухъ къ этому призыву и, вмѣсто громогласныхъ пѣснопѣній, издалъ въ 1830 г. седьмую главу «Евгенія Онѣгина», Булгаринъ далъ поэту второе предостереженіе: «Мы думали,—писалъ онъ въ своей газетѣ,—что авторъ «Руслана и Людмилы» устремился на Кавказъ, чтобы напитаться высокими чувствами поэзіи; обогатиться новыми впечатлѣніями и въ сладкихъ пѣсняхъ передать потомству великіе подвиги русскихъ современныхъ героевъ. Мы думали, что великія событіе на востокѣ, удивившіе міръ и стяжавшія Россіи уваженіе всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, возбуждаютъ геній нашихъ поэтовъ: мы ошиблись! Лиры знаменитыя остались безмолвными, и въ пусты-

нѣ нашей поэзіи опять явился Онѣгинъ, блѣдный, слабый..» («Сѣверная Пчела» № 37 за 1830 г.). Это былъ, по тогдашнему времени, уже прямой доносъ, недвусмысленное обвиненіе въ неблагодѣтельности, но Пушкинъ и на этотъ разъ оставилъ обвиненіе безъ отвѣта. Наконецъ, въ первой книжкѣ «Современника» на 1836 г. появилось «Путешествія въ Арзрумъ». Въ предисловіи къ нему, о которомъ мы уже говорили, поэтъ отвергаетъ чье бы то ни было право распоряжаться его вдохновеніемъ». Вдохновенія не сыщешь,—говоритъ Пушкинъ:—оно само должно найти поэта», и затѣмъ объясняетъ обнародованіе «Путешествія» исключительно желаніемъ опровергнуть взведенное на него обвиненіе въ неблагодарности къ гостепріимству, оказанному ему Паскевичемъ. Понятно, что это предисловіе, въ которомъ Пушкинъ относился къ Паскевичу какъ равный къ равному, не могло успокоить Булгарина. Если поэтъ нашелъ въ своемъ сердцѣ пламенные строфы для опальнаго Ермолова, то какъ же могъ онъ остаться совершенно холоднѣй и равнодушнѣй, созерцая [подвиги всеильнаго Паскевича? Въ отчетѣ о первой книжкѣ «Современника» Булгаринъ написалъ: «есть ли что-нибудь.... въ «Путешествіи въ Арзрумъ»? Видѣнъ ли тутъ поэтъ съ пламеннымъ восторгомъ, съ сильною душою? Гдѣ гениальные взгляды, гдѣ дивныя картины, гдѣ пламень? И въ какую пору былъ авторъ въ этой чудной странѣ! Во время знаменитаго похода! Кавказъ, Азія и война! Уже въ этихъ трехъ словахъ поэзія, а «Путешествіе въ Арзрумъ» есть не что иное, какъ холодныя записки, въ которыхъ нѣтъ и слѣда поэзіи. Новаго здѣсь—извѣстія о тифлисскихъ баняхъ; но люди, бывшіе въ Тифлисъ, говорятъ, что и это не вѣрно».

«Путешествіе въ Арзрумъ» не обратило на себя вниманія читателей. Еще и теперь оно принадлежитъ къ наименѣе читаемымъ произведеніямъ Пушкина. Даже чуткій Бѣлинскій отнесся холодно къ «Путешествію». «Сочиненіе это *),—писалъ онъ,—есть одна изъ тѣхъ статей, которыя хороши не по своему содержанію, а по имени, которое подъ ними подписано. Статья Пушкина не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что бы вы, прочтя ее, могли пересказать, что бы васъ особенно поразило; но ее

*) Сочиненія Бѣлинскаго, II. 258, изд. 5-е.

нельзя читать без увлеченія, нельзя не дочитать до конца, если начнешь читать». Равнодушіе публики можетъ быть объяснено тѣмъ, что въ эпоху появленія «Путешествія» уже царилъ Марлинскій и простая пушкинская проза казалась безцвѣтною и скучною въ сравненіи съ трескучими Амалать-бекомъ и пр. кавказскими повѣстями и рассказами, обильно приправленными „бестужевскими каплями“. Но удивительно, что великій критикъ не оцѣнилъ правдивости и искренности пушкинскаго дневника, изящной простоты его изложенія и удивительнаго искусства нѣсколькими словами изобразить характерныя черты природы. Между тѣмъ, самъ-же Бѣлинскій *) находилъ, что къ особеннымъ чертамъ пушкинской поэзіи, рѣзко отдѣляющимъ его отъ прежней школы, принадлежитъ его художническая добросовѣстность. Пушкинъ ничего не преувеличиваетъ, ничего не украшаетъ, ничѣмъ не эффектируетъ, никогда не взводитъ на себя великолѣпныхъ, но не испытанныхъ имъ чувствъ, и вездѣ является такимъ, каковъ былъ дѣйствительно.»

Можно полагать, что Бѣлинскій, какъ и многіе другіе, былъ подъ влияніемъ предисловія къ «Путешествію». Пушкинъ какъ будто самъ не придавалъ никакого литературнаго значенія своему дневнику и оправдывалъ появленіе его въ печати исключительно желаніемъ показать, что онъ не писалъ никакой сатиры на эрзерумскій походъ. Надо прибавить еще, что «Путешествіе» было извѣстно Бѣлинскому въ далеко неполномъ видѣ: по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, свиданіе Пушкина съ Ермоловымъ и горячія строки о распространеніи среди горцевъ христіанства не появлялись въ печати.

И Пушкинъ, и Ермоловъ, и Паскевичъ давно спятъ вѣчнымъ сномъ. Страсти умолкли и насталъ судъ исторіи. Пора перестать смотрѣть на «Путешествіе въ Арзрумъ» какъ на доказательство того, что Пушкинъ чего то *не писалъ*, и цѣнить сочиненіе это его прямою пѣною, обращая вниманіе на то, что въ немъ *написано*. Какъ очеркъ путешествія, дневникъ Пушкина есть произведеніе великаго художника и великаго человѣка, достойное внимательнаго изученія.

*) Тамъ-же, VIII. 404, вѣд. 5-е.

СУДЬБЫ

ПОЭЗИИ ПУШКИНА.

Публичная лекція, прочитанная 22-го мая 1899 года въ лѣтнемъ помѣщеніи «Тифлискаго Кружка» въ пользу голодающихъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи.

ТИФЛИСЬ,

Типографія Я. И. Либермана, Михайловская, 64.

1899

СУДЬБЫ ПОЭЗИИ ПУШКИНА.

«Публичная лекція, прочитанная 22 мая 1899 г. въ мѣстѣ помѣщеніи,
«Тифлискаго кружка» въ пользу голодающихъ во внутр. губ. Россіи»

I.

Возможенъ ли геній, возможно ли такое крупное, стихійное явленіе безъ національной почвы? Пускай вершина его видна издалека, пускай свѣршонное имъ принадлежитъ всему человѣчеству,—но для всего этого у него должны быть крѣпкіе корни, глубоко проникшіе въ народную почву. Въ основѣ своей всякій геній непремѣнно націоналенъ. Шекспиръ, прежде всего, англичанинъ: только нація отважныхъ мореплавателей могла породить такой самобытно-смѣлый умъ, смотрящій на міръ безъ предвзятыхъ мнѣній, съ проникновеннымъ реализмомъ естествоиспытателя-прозорливца. Данте былъ, прежде всего, именно итальянецъ, католикъ и мистикъ; Вольтеръ, духовно высохшій и болѣе остроумный, чѣмъ глубокій скептикъ,—французъ; Гете—именно нѣмецкій поэтъ-мыслитель и созерцатель. Пушкинъ—*живое воплощеніе русской національной идеи и даже пророческій ея прообразъ*. Россія должна не только поклоняться красотѣ, глубинѣ и жизненности его произведеній, но и учиться по нимъ самопознанію, и даже предугадывать по нимъ свои будущія судьбы. Чтобы вполне понять исторію русской общественной жизни со времени появленія нашего великаго всенароднаго поэта до нашихъ дней, весьма важно прослѣдить за судьбами его произведеній, его творческихъ созидательныхъ идей. Нѣтъ болѣе вѣрнаго компаса въ этомъ, далеко еще не вошедшемъ въ берега, бурномъ и туманномъ морѣ.

Астрономія говоритъ намъ, что въ безпредѣльной дали небесъ есть свѣтила, которыя видны невооруженному глазу лишь послѣ того, какъ погасли: лишь тогда успѣваютъ пролетѣть до земли ихъ лучи по необъятнымъ безднамъ.... Отчасти такова судьба Пушкина, какъ творца. Правда, сразу же нашлись осо-

бенно чуткіе люди, которые, подобно астрономамъ, увидѣли и горячо привѣтствовали восходящее свѣтило.

Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ,—

съ радостною гордостью говоритъ Пушкинъ. Сразу же нашелся кружокъ горячихъ почитателей и друзей поэта. Эти люди были «солью земли», они составляли русское общественное мнѣніе, или, вѣрнѣе, воплощали въ себѣ благородно мыслящую интеллигентную Россію. Правда, были и Булгарины, и великосвѣтскіе невѣжды, глядѣвшіе на великаго человѣка недобрымъ глазомъ. Но—все мыслящее и живое было на сторонѣ Пушкина. Много ли этимъ сказано? Съ точки зрѣнія личной жизни поэта и условій его художественнаго роста—безусловно—*да*. Дружба и живое сочувствіе нѣсколькихъ замѣчательныхъ людей есть, пожалуй, величайшее счастье на землѣ для человѣка съ творчески-страстной душой. Быть можетъ, теперь замѣчается такой упадокъ литературы, между прочимъ, и потому, что общество погрязло въ эгоизмѣ и сердцу поэта *холодно*; многіе вянутъ и даже гибнутъ «отъ тоски по людямъ», какъ вѣрно замѣтилъ недавно одинъ молодой критикъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда на маленькомъ дружескомъ сборищѣ у покойнаго Н. С. Лѣскова былъ поднятъ вопросъ о тяготѣ и холодѣ жизни, одинъ изъ присутствовавшихъ тамъ поэтовъ заявилъ: «Несчастье моей жизни заключается въ томъ, что я лично не зналъ Алексѣя Толстого и не извѣдалъ сладости дружбы съ нимъ». Нѣкоторые собесѣдники собрались было расхохотаться, но Лѣсковъ, сверкнувъ очами, прервалъ, ихъ: «Не смѣйтесь! Это дѣйствительно несчастье!»... Всякому, кто знаетъ, что такое писательское сердце, сразу должно быть ясно, какое неизрѣченное счастье должна была давать Пушкину тѣсная дружба съ такимъ человѣкомъ, какъ Жуковскій.

Но, съ точки зрѣнія стихійнаго, всенароднаго значенія великаго поэта, этотъ горячій откликъ со стороны небольшого кружка исключительныхъ людей былъ только первымъ лучемъ еле забрезжившаго разсвѣта; это было «привѣтствіе астрономовъ». Положимъ, эти люди направляли теченіе русской мысли, но она была тогда еще малымъ ручейкомъ. «Имя Пушкина гремѣло по Россіи»,—какъ выразился кто-то изъ историковъ литературы. Но что значать эти слова въ переводѣ на жизненный

языкъ, вѣрный исторической правдѣ? Это значить, что Императоръ любилъ и понималъ его, кружокъ избранныхъ людей возторгался имъ, придворныя сферы, послушныя державному камертону, считали умѣстнымъ говорить о немъ, въ перемежку съ разными сплетнями; начальники окраинъ, невольно посѣщаемыхъ Пушкинымъ, получали сочувственныя рекомендательныя письма о гениальномъ странникѣ, а сантиментальныя барышни въ захолустныхъ дворянскихъ гнѣздахъ переписывали въ свои альбомы вѣщія строфы поэта изъ разныхъ мало распространенныхъ изданій, или съ рукописей своихъ столичныхъ подругъ. Въ этомъ распространеніи было, выражаясь рѣзко, больше обезьянства, нежели сознательнаго отношенія къ идеямъ поэта. Провинція обезьянила столицу, какъ умѣла. Помогали тутъ и композиторы, подчеркнувшіе и окрылившіе сладкими звуками прелесть Пушкинской формы. Положимъ кое-какія сердца трепетали и отъ идей облеченныхъ въ эту форму, но особенною популярностью пользовались въ массѣ возникавшей тогда интеллигенціи преимущественно идеи наносныя, откликъ французской революціи и косвенно вызваннаго ею байронизма,—а отнюдь не то, что составляетъ самую сущность Пушкина, его святую святыхъ,—не то, что въ немъ національно-жизненно и всечеловѣчески вѣчно.

Пушкинъ воздвигъ себѣ «памятникъ нерукотворный», но этотъ памятникъ долго былъ покрытъ густымъ покрываломъ, которое постепенно становилось то темнѣе, то прозрачнѣе и, если сказать правду, доселѣ еще не совсѣмъ снято. Былъ довольно значительный періодъ, когда народная тропа къ этому памятнику стала заростать всякими плевелами, посѣщаемая сравнительно немногими «вѣрными», а толпа «оглашенныхъ», волнуясь и шумя, проходила иными путями. Лишь за послѣднія двадцать лѣтъ завѣтная тропа стала проторяться все свободнѣе и превращаться въ широкій, всенародный путь въ живомъ естественномъ союзѣ съ ростомъ пробужденнаго почти дѣвственнаго русскаго самосознанія. Но объ этомъ поговоримъ ниже. А въ роковой и позорный для общества часъ, когда отъ руки хлыща-космополита палъ гений,

погибъ поэтъ, невольникъ чести,—

произведенія скончавшагося камеръ-юнкера Пушкина, вслѣдствіе державной заботы о матеріально необезпеченной семьѣ его, пришлось распространять при помощи полицеймейстеровъ, город-

ничихъ и предводителей дворянства, то-есть болѣе или менѣе навязывать грамотнымъ и полуграмотнымъ русскимъ людямъ! Эта простая мѣра, нужно ей отдать справедливость, была первымъ серіознымъ шагомъ къ болѣе или менѣе широкому въ тогдашнихъ предѣлахъ распространенію великихъ твореній Пушкина. Помогла этому, конечно, и трагическая смерть поэта. Въ Россіи трагическая смерть «помогаетъ» писателямъ, пожалуй, серіознѣе, чѣмъ на Западѣ долгая и плодотворная жизнь; Богъ вѣсть, какая тутъ причина: коренится ли она въ томъ, что мы еще молоды въ культурномъ отношеніи и нужны рѣзкіе факты для пробужденія общественнаго интереса,—или въ томъ, что мы—народъ «мессіаническій», выдвигающій пророковъ, и мучениковъ, и что духовное величіе неразлучно съ тяжкими страданіями, зачастую приводящими къ роковой развязкѣ. Но фактъ налицо, фактъ типично-русскій и знаменательный.

II.

Смерть озарила имя Пушкина сияніемъ мученичества и вызвала взрывъ горячей, но все-таки платонической любви къ утраченному геніальному поэту. Но, по странной ироніи судьбы, первый накинулъ покрывало на его «памятникъ нерукотворный» именно тотъ, кто кровавыми слезами и пламеннымъ негодующимъ стихомъ оплакалъ смерть Пушкина и бросилъ яростный вызовъ его убійцамъ. Да, какъ это ни странно, именно Лермонтовъ, первый на время, какъ будто, отгѣснилъ Пушкина Просто художественному пѣлителю, незнакомому съ общественною психологіей вообще и съ русскою въ особенности, этотъ фактъ можетъ показаться, на первый взглядъ, маловѣроятнымъ. Между Пушкинымъ и Лермонтовымъ такая бездна, и первый настолько выше второго, какъ художникъ и мыслитель, что они, строго говоря, даже несоизмѣримы. Чтобы сколько-нибудь объяснить фактъ серіознаго ущерба, нанесеннаго Лермонтовымъ престижу Пушкина, нужно хоть въ общихъ чертахъ выяснить главную разницу между этими двумя художниками слова, а также ознакомиться съ тою почвою, которая, такъ или иначе, воспринимала брошенные ими сѣмена идей и образовъ.

Поэзія, несомнѣнно, дѣйствуетъ на человѣческое общество гораздо болѣе образами, нежели идеями. На то она и поэзія

При этомъ она безусловно аристократична, какъ и прочія отрасли искусства. Всегда найдется больше искреннихъ почитателей у произведенія яркаго и бьющаго по нервамъ, нежели у глубокаго и облеченнаго въ форму строгую, величавую и стыдливую. Произведенія второго рода въ отношеніи формы преимущественно и заслуживаютъ названія классическихъ, Пушкинъ — классикъ по преимуществу. Чувство художественной мѣры въ зрѣлыхъ его произведеніяхъ достигаетъ такой тонкости, какая рѣдко свойственна даже величайшимъ западнымъ поэтамъ. Гете склоненъ зачастую переходить отъ поэзіи къ сухой философіи, впадая при этомъ въ многословіе; Шиллеръ, подчеркивая тѣ или иныя чувства своихъ героев, бываетъ иногда напыщенъ, а у Шекспира встрѣчаются штрихи, рѣзкіе до цинизма. И пылкій Байронъ, и гениальный ремесленникъ въ искусствѣ Викторъ Гюго, съ его зачастую фальшивымъ паэосомъ, являются еще болѣе яркими контрастами Пушкину, котораго ни на минуту не покидаютъ ни скромная величавость, ни стыдливая грація.

У него *нѣтъ лишнихъ словъ*, нѣтъ перепроизводства или нескромной махровости образовъ. Многого онъ не досказываетъ, потому что, какъ художникъ, не хочетъ лишать читателя высшаго эстетическаго удовольствія.—т.-е. наслажденія именно тѣмъ, что не досказано и требуетъ со стороны читателя особаго творчества, особой отзывчивости. И въ области недосказаннаго, на этомъ скользкомъ для художника пути, онъ не теряетъ равновѣсія и не становится непроницаемо-туманнымъ, подобно Шелли и его многочисленнымъ нынѣ послѣдователямъ. Слова у него простыя, близкія къ разговорному языку и какъ будто сразу понятныя каждому, какъ будто гдѣ-то слышанныя или когда-то передуманныя. Краски не очень ярки, особенно по сравненію съ лермонтовскими. А при этомъ такая глубина мысли, чувства и такая тонкость художественнаго вкуса, что изъ Пушкина каждый можетъ черпать по мѣрѣ своихъ духовныхъ силъ и умственнаго возраста; въ этомъ отношеніи къ нему примѣнимо сказанное про Гомера. Параллель между Пушкинымъ и Лермонтовымъ, проводимая такъ-называемою «большой публикой» весьма безцеремонно и болѣею частью въ ущербъ первому, давно занимала и долго будетъ занимать истинныхъ жрецовъ и любителей поэзіи; она принципиально весьма важна, какъ наглядный путь для рѣшенія

важнѣйшихъ эстетическихъ вопросовъ. Соберутся ли, бывало, немногочисленные друзья у покойнаго А. Н. Майкова, или «вся литература» у Я. П. Полонскаго,—непремѣнно кто-нибудь изъ «молодыхъ» подниметь невольнѣ рѣшенный имъ вопросъ о параллели между Пушкинымъ и Лермонтовымъ; если онъ художественно молодъ, а въ добавокъ успѣлъ хлебнуть спозаранку навязываемыхъ молодежи ходячихъ мнѣній или партійныхъ чувствований,—то онъ чуть не съ крикомъ отдаетъ пальму первенства Лермонтову. Старикъ Полонскій, бывало, покачаетъ укоризненно головой, горько улыбнется и отвѣтитъ образами:

— У Пушкина воздуху много, ничего лишняго нѣтъ.

Это Гомеръ, это Фидій, а Лермонтовъ—это уже пергамская школа: крикливо, несдержанно, уснащено всякими этакими завитушками.....

Пушкина, какъ поэта всеобъемлющаго и какъ художника совершеннаго, можно сравнить съ яркимъ дневнымъ свѣтомъ, въ которомъ таятся всѣ цвѣта радуги. Этотъ свѣтъ не только безгранично радуется намъ, но и физически и духовно оживляетъ послѣ тьмы; въ немъ наша жизненная сила, залогъ нашего развитія. Онъ такъ органически намъ привыченъ и естественъ для насъ, что мы, такъ-сказать, даже не замѣчаемъ его. Призма у насъ не всегда подъ рукой, чтобы разложить этотъ сложный лучъ на яркіе цвѣта радуги и по-дѣтски любоваться ими. А тутъ пусть кто-нибудь зажжетъ ярко-красный бенгальскій огонь или блестящій, пестрый фейерверкъ: всѣ бросятся туда, будутъ глядѣть, не отрывая глазъ,—и потомъ, спустя много времени, забывая о привычной красотѣ лучезарнаго дня, будутъ вспоминать о поразившемъ ихъ зрѣлищѣ. Лермонтовъ можетъ быть сравненъ съ краснымъ бенгальскимъ огнемъ или, вѣрнѣе, если отмѣтить его духовное родство съ Пушкинымъ по нисходящей линіи, то Лермонтовъ является ярко-краснымъ спектромъ гармоничнаго пушкинскаго солнечнаго луча. Лишь въ послѣднее время онъ сталъ духовно полнѣе и потому ближе къ пушкинской гармоніи; кто знаетъ? онъ, быть-можетъ, дошелъ бы до уровня свего гениальнаго учителя, или даже превзошелъ бы его, если-бы не погибъ такъ безвременно. Но мы должны считаться не съ тѣмъ, что могло бы быть, а съ тѣмъ, что было и принесло плоды. Вопросъ о духовномъ родствѣ между Пушки-

нымъ и Лермонтовымъ врядъ ли подлежитъ спору: внимательному наблюдателю ясно, что, напримѣръ, кавказскія поэмы Лермонтова представляютъ собою въ нѣкоторомъ родѣ обостреніе «Кавказскаго плѣнника», «Галуба» и т. д., а Печоринъ является гораздо болѣе рѣзкимъ и ужъ совершенно недобросовѣстнымъ продолжателемъ «Онѣгина».

Форма у крупныхъ мастеровъ искусства такъ нераздѣльна отъ содержанія, что мудрено проводить между этими двумя художниками формальную параллель, не коснувшись и самого существа дѣла, т.-е. разницы въ ихъ міросозерцаніи.

Подобно всѣмъ своимъ мыслящимъ сверстникамъ, Пушкинъ вынесъ на себѣ воздѣйствіе тогдашнихъ политическихъ событій: боевое столкновеніе съ Наполеономъ привело къ культурному сближенію тогдашняго общества съ Франціей, еще болѣе, чѣмъ прежде, всѣ стали мыслить по-заморскому, отрицая или осуждая родное. Какъ элементъ броженія и прививка для дальнѣйшаго развитія, это принесло свою долю пользы. Но нравамъ и многимъ понятіямъ это нанесло, пожалуй, не меньшій вредъ, чѣмъ татарское иго: на первыхъ произведеніяхъ Пушкина, какъ и на всемъ укладѣ тогдашняго общества, замѣтенъ рѣзкій отпечатокъ язычески-спортивнаго взгляда на отношенія между мужчиной и женщиной, въ сущности представляющія собою *таинство*. Въ области внутренней политики проявилась тенденція совершенно чуждая русскому духу, русской исторіи и механически навязанная намъ Западомъ: это тенденція, давшая намъ еще при Аннѣ Иоанновнѣ минуту мертворожденной олигархіи, приведшая затѣмъ къ кровавому недоразумѣнію 14 декабря, а впослѣдствіи выродившаяся въ самыя уродливыя формы, о которыхъ здѣсь не стоитъ говорить.

Пушкинъ былъ духовно слишкомъ силенъ и слишкомъ органически близокъ къ стихійнымъ основамъ русскаго народа, чтобы покориться наносному вліянію, или, хотя бы надолго обезличиться. Противовѣсомъ инфекции Фобласа, Вольтера, Руссо и отчасти Байрона служили природныя свойства богатырской русской души Пушкина и вліяніе старой няни, представительницы народной стихіи, посланной ему Богомъ. Пѣною и мутью вешняго половодья сошло все чужое и лишнее — и мощная струя пушкинскаго творчества потекла прозрачною и

глубокою рѣкой. «Евгеній Онѣгинъ» былъ его бессмертнымъ, покаяннымъ псалмомъ по отношенію къ «спортивной любви». Дѣтская погоня за формальною свободой, сопряженная съ отрицаніемъ основъ русской жизни, быстро смѣнилась сознательнымъ, великимъ восхожденіемъ къ идеалу *человѣческой свободы*, то-есть нравственнаго совершенства, недостижимаго и немыслимаго безъ религіи. И другъ Чаадаева, единомышленникъ декабристовъ, воспѣваетъ въ лицѣ Петра Великаго совершеннѣйшаго русскаго Самодержца, отмѣченнаго Божиимъ перстомъ. Пушкинъ художникъ свободный и *почвенный*. Онъ любитъ и понимаетъ родину всѣмъ существомъ, всѣми фибрами, а Лермонтовъ любитъ ее «странною любовью». Пушкинъ далеко опередилъ и своихъ образованныхъ современниковъ и вытекшую изъ него литературу, и еще дальше размножившееся за тѣмъ полуинтеллигентное общество, недоросшее до пушкинскихъ идеаловъ. Онъ совершилъ тотъ кругъ, который суждено пройти самому обществу. Самое драгоценное въ немъ—это глубоко-государственное и глубокочеловѣчное *примиреніе фактовъ и запросовъ исторической и органической жизни съ требованіями христіанства*, повышающими эту жизнь у Пушкина, отрицающими ее у Толстого и отрицаемыми у слѣпыхъ матеріалистовъ и позитивистовъ. Феноменальнымъ художественнымъ чутьемъ Пушкинъ понялъ и показалъ внимательному читателю, что Царствіе Божіе подобно закваскѣ, что оно дѣйствуетъ и растетъ въ органическихъ формахъ, указанныхъ Провидѣніемъ. Какъ художникъ, въ высочайшей степени одаренный способностью къ созерцанію и синтетической мысли, Пушкинъ не былъ способенъ къ прямолинейности или хотя бы односторонности. Въ скоро наступившій періодъ художественной зрѣлости, его произведенія чужды какой бы то ни было посторонней окраски: они *натуральны*, какъ сама природа, созданная Творцомъ. Вотъ почему Б. Н. Чичеринъ въ своемъ замѣчательномъ «Курсѣ государственной науки» совершенно основательно называетъ Пушкина универсальнымъ поэтомъ.

У такихъ творцовъ не можетъ быть *полныхъ* послѣдователей, потому что универсальные поэты создаются вѣками, какъ бы суммируя и воплощая въ себѣ весь духовный міръ своихъ народовъ, заранѣе открывая и запечатлѣвая въ бессмертныхъ обра-

lib.pushkinskijdom.ru

захъ то, что 'еще таится, какъ смутное предчувствіе, въ народной душѣ. Немудрено, что ихъ не скоро и понимаютъ и что первое попавшееся рѣзко окрашенное теченіе привлечетъ толпу и заставляетъ ее забывать о величественномъ синтезѣ. Такъ уже созданъ человѣкъ, что ему изъ за деревьевъ лѣса не видно!

Рѣзкое теченіе въ русской поэзіи, привлечшее всеобщее сочувственное вниманіе и отодвинувшее творенія Пушкина на второй планъ, создалъ ученикъ и пламенный почитатель Пушкина, Лермонтовъ. Въ отношеніи формы, его произведенія, за исключеніемъ нѣсколькихъ безукоризненныхъ вещей, значительно ниже пушкинскихъ, но гораздо интенсивнѣе и, если можно такъ выразиться, «заразительнѣе». Этотъ замѣчательный магъ и чародѣй не даетъ читателю труда и времени вдумываться въ огненные и порою крикливыя строки: онъ поражаетъ, жжетъ и гипнотизируетъ. Къ его произведеніямъ удивительно подходятъ строки Алексѣя Толстого:

И змѣнаго цвѣта отливы
Соблазнили и мучили совѣсть....

По содержанію своему Лермонтовъ очень далекъ отъ пушкинскаго синтеза христіанства съ природой. Его спортивное отношеніе къ любви гораздо острѣе и, въ сущности, неизлѣчимо; его религиозныя сомнѣнія гораздо крикливѣе и даже, по-временамъ, носятъ отпечатокъ нѣкоторой наглости, когда онъ доходить такъ-сказать, до панибратства съ Богомъ. Его отзывчивость на проходящіе общественные и политическіе вопросы также носитъ болѣе эгоистически-страстный характеръ, въ ущербъ художественному величію поэта: то и дѣло звучатъ нотки неудовлетвореннаго тщеславія, въ связи съ желаніемъ порисоваться и вмѣстѣ кому-то угодить. Тутъ уже видно начало грѣха передъ пушкинскою заповѣдью:

Поэтъ не дорожитъ любовію народной...

Лермонтовъ даже, какъ-будто, смутно сознаетъ это и отдѣльвается шуткой, словно отвѣчая своему великому учителю на нѣмой укоръ:

Толпу бранили всѣ поэты...

Да, приближается воцареніе толпы-законодательницы, то есть, именно той «черни», которой «печной горшокъ дороже» и

которую Пушкинъ такъ заслуженно презиралъ. Лермонтовъ одинъ изъ первыхъ, не столько сознательно, сколько въ силу особенности своего характера, сталъ служить политическимъ и инымъ страстямъ своего времени. Онъ былъ даже, въ нѣкоторомъ родѣ, создателемъ особой школы, которой почти всѣ послѣ него явившіеся поэты заплатили болѣе или менѣе щедрю дань. Недаромъ сторонники подчиненія литературы политическимъ тенденціямъ относятся къ Лермонтову съ особенною нѣжностью, и даровитый представитель такого взгляда, Н. К. Михайловскій, любовно называетъ его «героемъ безвременья». Если Лермонтовъ не отдалъ свою глыкую музу прямо въ невольницы, то лишь потому, что онъ былъ слишкомъ художественной натурой, а искусство, какъ бы его ни пригибали, тянется къ Вѣчному, какъ дерево къ небу.

Однако, трудно исчислить вредъ, нанесенный Лермонтовымъ твореніямъ Пушкина и его созидательнымъ идеаламъ, сколько дурныхъ страстей, и даже мелкихъ пороковъ, по какому-то роковому совпаденію, нашло себѣ откликъ и, какъ-будто, оправданіе въ художественныхъ твореніяхъ этого плѣнительнаго, соблазнительнаго автора! Какой удивительный гипнозъ! Скучно ли гимназисту сидѣть надъ латынью,—онъ находитъ, что

.... Жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка!..

Полѣзетъ ли какой-нибудь супругъ коллежскаго асессора въ голову всякая суетная дурь и, хотя у нея имѣется непоказной, но добрый и трудолюбивый мужъ, при помощи котораго она произвела на свѣтъ полдесятка дѣтей,—то и дѣло звучитъ въ головѣ ея стихъ:

И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды..

Да, то ли дѣло поѣхать на маскарадъ въ благородное или неблагородное собраніе,— а тамъ

Изъ подъ таинственной, холодной полумаски....

и т. д., и т. д.

а тамъ, глядишь, она уже въ «Тамары» записалась—и на лицо уже есть демонъ, кавалерійскій. пѣхотный, смотря по обстоятельствамъ, а то и просто штатскій «по особымъ порученіямъ».

«Внушеніе», достигаемое «Героемъ нашего времени», «Демономъ» и ихъ жертвами женскаго пола такъ велико, что отъ него не гарантируетъ никакая профессія или обстановка, никакое художество. Таково преимущество именно *неуравновѣшенныхъ*, не универсальныхъ, но вмѣстѣ сильныхъ произведеній, даже когда въ нихъ вложена нравственная мысль. Не могу забыть, какъ одинъ знакомый мнѣ кружокъ юношей упивался, напримѣръ, чтеніемъ «Преступленія и наказанія», а затѣмъ нѣкоторые члены этого кружка отправлялись въ разныя трущобы «искать Сою».... Лермонтовъ многихъ научилъ «искать» демона или княжну Мери. Недоучившійся юноша сталъ заодно проникаться и «жалобой турка», а изъ произведеній Пушкина принялъ къ свѣдѣнію и руководству только «Египетскія ночи», «Вишню», да нѣсколько эпиграммъ. Несравненная Татьяна была забыта; на нерукотворный памятникъ Пушкина наброшено густое покрывало.

III.

Это было сдѣлано не однимъ Лермонтовымъ, но и стихійною силою цѣлаго общества, вступившаго въ неизбѣжный односторонній фазисъ своего развитія. Наступила сперва все болѣе обострявшаяся жажда государственныхъ и социальныхъ реформъ, а затѣмъ и шумная эпоха приведенія ихъ въ жизнь. Она отличалась, между прочимъ, чрезмѣрною склонностью къ отрицанію и ломкѣ всѣхъ устоевъ русской исторической жизни. Тщетно премники Пушкина по части самосознанія, наши славянофилы, пытались направить мысль и работу общества въ болѣе національное, болѣе естественное русло: они не въ силахъ были удержать набѣжавшую волну подражанія, да и выступили въ борьбу недостаточно вооруженными для того момента и недостаточно спокойными для разумнаго и плодотворнаго компромисса. Отчасти и своя своихъ не познаша. Даже такой великій умъ, какъ Хомяковъ, недостаточно оцѣнилъ національное значеніе Пушкина!... По жестокой ироніи судьбы, такіе глубокие гуманисты и друзья истинной свободы, какъ наши славянофилы, прослыли обскурантами и ретроградями только за то, что дерзали послѣдовательно мыслить и чувствовать по-русски. Самая память ихъ была предана поруганію. Ихъ пойметъ и оправдаетъ Россія, когда вырастетъ....

Великій Пушкинъ, какъ піонеръ свободы, ненавидящій *всякое* рабство и высоко ставящій челоѣческое достоинство, былъ однимъ изъ главныхъ первоначальныхъ провозвѣстниковъ новой эры, хотя, конечно, и не специализировался въ политикѣ, но когда наступило время кипучей работы, время великое, но не лишенное и комическихъ сторонъ, столь ядовито подчеркнутыхъ покойнымъ Щербиной, всѣмъ стало не до произведеній Пушкина. Художественная полнота и созерцательная мудрость пришли совершенно не ко двору въ періодъ односторонней работы и близорукаго, а то и слѣпого увлеченія, вызваннаго столько же освободительной идеей, сколько и классовыми аппетитами и инстинктами. «Печной горшокъ» сталъ обществу дороже, чѣмъ когда-либо....

Соціально бытового воздѣйствія на поэзію игнорировать нельзя. Единичный поэтъ можетъ быть бѣднякомъ, даже нищимъ, но уровень искусства какъ стихіи, духовно-аристократичный, весьма зависитъ отъ наличности аристократіи соціальной. Первый расцвѣтъ новой русской литературы, выразившійся ярче всего въ Пушкинѣ, необходимо поставить въ связь съ тѣмъ, что у насъ создалась и расцвѣла, на перегноѣ, именуемомъ крѣпостнымъ правомъ, какая ни на есть сословная аристократія. Новыя реформы нанесли жестокій ударъ ея привиллегіямъ, ея экономическому и жизненному могуществу, съ которымъ были тѣсно связаны и бытовые условія искусства, и его руководящія идеи. Къ активной общественной жизни, въ силу требованій соціальной справедливости, были призваны общественные слои, дотолѣ поглощенные суровою борьбою за существованіе и мелкими будничными интересами, и требовавшіе еще долгаго нравственнаго и художественнаго воспитанія. Если они могли сердцемъ понять несложныя освободительныя гуманныя начала, положенныя въ основу реформъ и выраженыя зачастую съ прямолинейностью, исключаящей возможность глубокой гармоничной мысли,—то ужъ въ области художественной новые люди, давшіе тонъ жизни, были совершенно дикарями. Художественный вкусъ требуетъ развитія, воспитанія и сразу не дается; какъ это ни грустно съ точки зрѣнія соціальной справедливости,—но художественный вкусъ, какъ нѣжная роза, не можетъ обойтись безъ общественнаго перегноя. Всякое нивелирующее теченіе, особенно когда

lib.pushkinskijdom.ru

оно связано со множеством острых общественно-экономических вопросов, дѣйствуетъ на искусство разрушительно. Самые благородные, талантливые и въ другихъ вопросахъ проникательные пионеры такого теченія невольно наносятъ искусству даже больше вреда, чѣмъ та чернь, которая надвигается подъ ихъ предводительствомъ. Щедринъ очень забавно рисуетъ реакціонера-администратора, который въѣхалъ въ городъ на бѣломъ конѣ, сжегъ гимназію и упразднилъ просвѣщеніе.

Такое же татарское нашествіе на литературу сдѣлалъ Писаревъ, хотя самъ по себѣ былъ и талантливъ, и благороденъ, и въ общественномъ отношеніи даже не бесполезенъ. Въ одномъ изъ писемъ Тургенева къ Герцену нашъ знаменитый романистъ, негодуя на безвкусіе Некрасова, называетъ его «щукой въ оперѣ». Это забавное названіе въ гораздо большей мѣрѣ примѣнимо именно къ Писареву и его отношенію къ искусству. Д. С. Мережковскій, которому принадлежитъ замѣчательнѣйшая по смѣлости и чуткости изъ написанныхъ за послѣднее время статей о Пушкинѣ, весьма остроумно замѣчаетъ, что проповѣдь утилитарнаго и тенденціознаго искусства должна была привести къ одичанію вкуса и мысли. Слѣдъ грубой и мутной волны черни, нахлынувшей съ такою силою, чувствуется и понинѣ

Авторитетъ Писарева поколебленъ, но не палъ. Его отношеніе къ Пушкину кажется теперь варварскимъ.

Тѣмъ не менѣе, Писаревъ, какъ привычное тягѣтніе и склонность ума, все еще тлится въ безсознательной глубинѣ сужденій о Пушкинѣ...

Писаревъ, какъ представитель русскаго варварства въ литературѣ, не менѣе націоналенъ, чѣмъ Пушкинъ, какъ представитель высшаго цвѣта русской культуры...

Эти замѣчанія весьма вѣрны и удачно сформулированы, но ихъ высказывали многіе и ранѣе г. Мережковского. Особенный интересъ и тонкость наблюденія слѣдуетъ признать за этимъ авторомъ, когда онъ говоритъ, что Булгаринъ и Писаревъ *духовно гораздо родственнѣе другъ другу, чѣмъ обыкновенно думаютъ...*

Ихъ, конечно, различаетъ разница въ нравственномъ уровнѣ, вся въ пользу Писарева, полного благородныхъ освободительныхъ стремленій и любви къ народу; но ихъ тѣсно связы-

ваетъ душевная и художественная грубость и нетерпимость, изъ которой явствуетъ, что оба, въ сущности, *язычники*, каждый на свой ладъ: Булгаринъ представитель террора «бѣлаго», въ аркечевскомъ духѣ, а Писаревъ— террора краснаго, нигилистическаго. Понятіе истинной свободы духа и слова имъ одинаково недоступно.

Да, великая пора освободительныхъ реформъ была, увы, вмѣстѣ съ тѣмъ, порою варварскаго порабоженія искусства. Ужъ такова природа, что она одною рукою даетъ, а другою отнимаетъ; выдвигая на просторъ одни явленія, она пригнетаетъ другія. Волось дыбомъ становится, когда, бывало, слушаешь рассказы Полонскаго, Майкова, Случевского и другихъ представителей пушкинскихъ завѣтовъ о томъ литературномъ безвременѣ.

— Насъ загнали въ темный уголь, пригрозивъ намъ грязною шваброй,—говаривалъ покойный Яковъ Петровичъ съ горькою улыбкой; а покойный Майковъ подхватывалъ:

— Не пригрозили, а ни въсть чѣмъ обмазали..

Кромѣ отсутствія художественнаго развитія, у выдвинувшихся классовъ тутъ была и болѣе глубокая коренная причина: *общественныя стремленія и государственная работа основывались на принципъ діаметрально противоположномъ принципу тою искусства, гениальнымъ выразителемъ котораго былъ Пушкинъ*. Работа шестидесятыхъ годовъ была всходомъ сѣмянъ, брошенныхъ французскою революціею, на знамени которой написана опошленная всевозможными подтасовками и неосуществимая насильственнымъ путемъ формула: «свобода, равенство, братство». На знамени искусства, поднятомъ Пушкинымъ, написана другая, тоже тройственная формула: «истина, добро и красота».

Разница между этими двумя міросозерцаніями такая же, какая очевидна между Луизою Мишель и Іоанномъ Златоустомъ, между хозяйничаньемъ яacobинца Марата и мирнымъ словомъ религіи. Въ писаревское время религія была еще болѣе гонима чѣмъ поэзія.

Произведенія Пушкина были въ пренебреженіи, а изъ твореній его послѣдователей приобрѣтали нѣкоторую популярность въ массѣ читателей только тѣ, которыя были «инога духа» и носили характеръ служебный по отношенію къ вопросамъ минуты. Были, конечно, точки искреннѣйшаго созвучія и тѣснаго соприкосновенія между поэтами пушкинскаго духа и политиками-

ствующимъ обществомъ. Достаточно вспомнить такіе перлы, какъ майковскую «Ниву» или «Тройку», или фетовское «Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ»,—чтобъ убѣдиться въ вѣрности вышесказаннаго. Главнѣйшіе не по значенію въ публикѣ, а по существу поэты того времени пытались облагородить, смягчить борьбу міросозерцаній и аппетитовъ. Вспомнимъ чудное стихотвореніе Полонскаго, глубоко страдающаго отъ того, что его противникъ, человѣкъ, съ которымъ онъ спорилъ, заключенъ въ темницу. А олимпіецъ Тютчевъ! Какъ онъ призывалъ свободу и вмѣстѣ предвидѣлъ то, что она внесетъ, если будетъ основана на однѣхъ внѣшнихъ реформахъ! Въ 1857 году былъ написанъ имъ «Народный праздникъ»:

Надъ этой темною толпой
Непробужденнаго народа
Взойдешь ли ты когда, свобода?
Блеснетъ ли лучъ твой золотой?
Блеснетъ твой лучъ и оживить,
И сонъ разгонитъ и туманы ...
Но старья, гнилыя раны,
Рубцы насилій и обидъ,
Раствѣныя душъ и пустота,
Что гложетъ умъ и въ сердцѣ ноетъ....
Кто ихъ излѣчитъ, кто прикроетъ?—
Ты, риза чистая Христа....

19-го февраля 1861 года поэтъ говоритъ Царю-Освободителю коротко и глубоко выразительно:

Ты взялъ свой день... Замѣченный отъ вѣка
Великою Господней благодатью,—
Онъ рабскій образъ сдвинулъ съ человѣка
И возвратилъ семьѣ меньшую братью....

Когда закипѣла борьба между самими жизненными основами, не разъ пришлось людямъ вдумчивымъ и духовно развитымъ со вздохомъ перечитать «Поэзію» того же Тютчева:

Среди громовъ, среди огней,
Среди клокочущихъ зыбей,
Въ стихійномъ, пламенномъ раздорѣ,
Она съ небесъ слетаетъ къ намъ -
Небесная — къ земнымъ сынамъ,
Съ лазурной ясностью во взорѣ,
И на бунтующее море
Льетъ примирительный елей.

Въ самомъ разгарѣ тенденцій и страстей, бывшихъ ярымъ отрицаніемъ пушкинской идеи, явился замѣчательный человѣкъ, съ дарованіемъ средней величины, но съ великою душой, достойною Пушкина. Это былъ гр. Алексѣй Толстой, «двухъ становъ не боецъ, но только гость случайный», истинно-русскій богатырь. Его отрезвляющая и возвышающая рѣчь не возымѣла рѣшительнаго дѣйствія на общество, но не вызвала и особеннаго негодованія со стороны противниковъ. Нравственная личность этого поэта такъ обаятельна, его свободолюбіе такъ очевидно, что ему простили даже приверженность къ пушкинской идеѣ.

IV.

Увы, далеко не таковъ былъ, и не такъ, какъ Тютчевъ и Толстой, понималъ поэзію глубоко-талантливый въ основѣ Некрасовъ, отдавшій святыню искусства на поруганіе толпы Онъ сталъ, отчасти повинувъсь стихійному теченію, наемникомъ этой толпы, какъ поэтъ, порою невольнымъ льстецомъ ея страстей, покорнѣйшимъ слугою ея грубаго вкуса. Послѣ писаревского нашествія только такой поэтъ и могъ быть популярень. А онъ дорожилъ любовію народной прежде всего и весьма интересовался выгодными ея послѣдствіями. Онъ положилъ начало глубокому профессиональному развращенію въ русской литературѣ, несмотря на то, что и въ немъ были пушкинскія струны, чудно звучащія, когда онъ искренно предавался вдохновенію, а не подлаживался подъ низменные вкусы своихъ шумныхъ читателей. Но преемственно и, такъ-сказать, органически Некрасовъ—духовный сынъ Лермонтова и при томъ сынъ незаконный, или сынъ отъ очень неравнаго брака: это Лермонтовъ, огрубѣвшій и опошленный,—точно основные мотивы русскаго Байрона кто-нибудь сыгралъ на базарной гармоникѣ....

Необходимо оговориться: какъ публицисту, Некрасову принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи нашей литературы; облакая свои передовыя статьи и памфлеты въ удобо-запоминаемую форму, онъ содѣйствовалъ распространенію взглядовъ, необходимыхъ обществу. Но на ряду съ этимъ онъ льстилъ вождельніямъ демократіи и развивалъ въ обществѣ не столько сознаніе достоинства и способность къ реальному совершенство-

ванію, сколько привычку къ брюзжанію и къ примѣшиванію такъ называемыхъ «гражданскихъ мотивовъ» и уличнаго шума къ какому угодно областямъ человѣческой мысли и чувства. Эти мотивы слишкомъ низки и мелки для поэзіи и потому въ большинствѣ случаевъ придають ей характеръ неискренности. Главный грѣхъ Некрасова заключался въ томъ, что онъ, будучи большимъ художникомъ отъ природы, не замѣтилъ скрипучаго диссонанса между формой и содержаніемъ своихъ произведеній, или, вѣрнѣе, пренебрегъ основнымъ требованіемъ искусства въ угоду запросамъ дня. Онъ совѣтуетъ сѣять «разумное, доброе, вѣчное», а самъ посѣялъ довольно много разумнаго, гораздо меньше добраго и лишь нѣсколько крупницъ того вѣчнаго, которому призванъ былъ служить. Онъ имѣлъ шумный успѣхъ, столь возмутившій въ свое время эстетичнаго Тургенева, но вслѣдъ затѣмъ наступило естественное вымираніе его популярности. Теперь она сведена къ своимъ наименьшимъ предѣламъ и тѣ произведенія Некрасова, которыя типичны для него своими недостатками, остались лишь для эстраднаго чтенія какихъ нибудь буржуазныхъ дѣльцовъ передъ шаблонно-мыслящей толпой.

Успѣхъ Некрасова, однако, сильно сноровилъ и питомцевъ Аполлона и издателей журналовъ, вынужденныхъ «дорожить любовію народной», на которой зиждется подписка. Лермонтовъ научилъ начинающихъ писателей нытью, приучилъ ихъ къ выдаванію эгоистическихъ печалишекъ и заботишекъ за мировую скорбь; Некрасовъ подбавилъ къ этому нотку скорби гражданской. Появившееся въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ поэтическое поколѣніе было заражено этими двумя наслѣдственными болѣзнями. Типичнымъ представителемъ его былъ талантливый, болѣзненно нѣжный и отзывчивый, но слабый духомъ и тѣломъ Надсонъ. Это, если можно такъ выразиться, худосочный внукъ Лермонтова и облагороженный, смягченный сынъ Некрасова. Онъ не могъ не быть облагороженнымъ, такъ какъ даже тогдашнее общество, немножко успокоившись, не могло удовлетвориться грубой некрасовской манерой; кромѣ того, ужасное событіе перваго марта указало на необходимость относиться къ «гражданскимъ мотивамъ» поосторожнѣе. Рѣзкій протестъ уступаетъ мѣсто затаенному всхлипыванію. Оно было до такой степени въ соотвѣтствіи и даже

въ унисонѣ съ общественнымъ нытьемъ и брюзжаніемъ, что Надсонъ имѣлъ успѣхъ оглушительный. Такіе сравнительно громадныя поэты, какъ Тютчевъ, Мей, Случевскій, Голенищевъ-Кутузовъ забывались и тенденціозно замалчивались; о Пушкинѣ почти не было рѣчи: одни смотрѣли на него какъ на археологическую цѣнность, другіе—какъ на старую почтенную родственницу, которой надо поскорѣе поцѣловать ручку, чтобы затѣмъ уйти къ болѣе близкимъ сердцу собесѣдникамъ; третьи, видя, что Пушкина не избѣжишь, попытались завербовать его тѣмъ въ свой «лагерь» и изображать его чуть не демагогомъ. Торжество открытія въ Москвѣ памятника Пушкину далеко еще не было торжествомъ пушкинскаго міросозерпанія...

Правда, и пророчески обаятельная личность, и творенія Пушкина нашли себѣ фанатическихъ приверженцевъ среди ученыхъ—словесниковъ, углубившихся въ ихъ изученіе и толкованіе. Напр., Л. Н. Майковъ, теперешній вице-президентъ академіи наукъ, посвятилъ Пушкину всю свою жизнь. Но всѣ эти мирныя, безшумныя, самоотверженные труды, малопонятныя толпѣ и не близкіе ея сердцу, напоминаютъ отчасти тайныя моленія древнихъ христіанъ въ тиши катакомбъ и вдали отъ тревожныхъ языческаго міра, имъ чуждаго и порою враждебнаго.....

Успѣхъ Надсона, особенно если взглянуть пропорціонально, былъ, по крайней, мѣрѣ въ тысячу разъ больше пушкинскаго и, конечно, многихъ соблазнилъ: большинство сверстниковъ его заплатили щедрую дань этому нытью, а нѣкоторые даже дальше нытья и не пошли. Надсона еще многіе читатели лично и заочно любили, какъ благороднаго, отзывчиваго юношу, вдобавокъ безвременно погибшаго отъ роковаго недуга; общество чужало, что юный поэтъ могъ бы развиться и сказать *вполнѣ* свободное слово. Но его подражатели потерпѣли фіаско. Одни въ безсиліи умолкли, другіе сдѣлали отчаянный прыжокъ по направленію къ символизму, кто поталантливѣе, и къ декадентству,—кто поразвинченнѣе. И символизмъ, и отчасти декадентство представляютъ собою гораздо болѣе серіозный признакъ литературной и даже общественной эволюціи. нежели принято думать. Они, прежде всего, являются протестомъ противъ тенденціозности и инстинктивную попыткой къ отысканію въ творчествѣ новыхъ путей и созданію новыхъ образовъ. Это матеріалъ, приготовляемый малыми для ве-

ликаго; это тревожное исканіе предвѣщаетъ появленіе новой творческой силы, которая выполнитьъ универсальную для своего времени художественную задачу и черезъ головы нѣсколькихъ поколѣній подастъ руку своему истинному собрату, великому Пушкину.

V.

Возвратъ къ Пушкинской гармоніи духа и формы, нынѣ все болѣе замѣчаемый,—явленіе неизбѣжное. Здоровый общественный и государственный организмъ воспринимаетъ чужое, полученное извнѣ, усваиваетъ полезное и отбрасываетъ ненужное, противорѣчащее роднымъ основамъ. Примиреніе между ними и позаимствованнымъ извнѣ происходитъ не сразу, но представляется неизбѣжнымъ исторически и логически. Если родныя основы забыты, то сама жизнь заставитъ вспомнить о нихъ, при чемъ напоминаніе принимаетъ иногда грозный характеръ. Таково было напоминаніе 1-го марта 1881 года. Какъ набатъ въ ночи, прогремѣлъ этотъ кровавый ужасъ, пробуждая русское самосознаніе и совѣсть во всѣхъ слояхъ нашего общества. Одни, конечно, оказались отзывчивѣе, чѣмъ другіе, при чемъ руководящій тонъ былъ, по русскому историческому обычаю, данъ сверху, съ высоты Престола. Русскій Самодержецъ всею Царственной работой Своей обновилъ зарославшую тропу къ нерукотворному пушкинскому памятнику. Извѣстное пушкинское стихотвореніе «Друзьямъ», въ которомъ онъ воздаетъ должное Императору Николаю I, является пророчествомъ по отношенію къ судьбѣ и самихъ произведеній Пушкина:

Текла въ изгнаньѣ жизнь моя,
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Подаль—и съ вами снова я!
Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою,
И я-ль, въ сердечномъ умиленѣ,
Ему хвалы не воспую?
Я льстецъ? Нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ:
Онъ горе на Царя накинчетъ,
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничить.

Онъ скажетъ: презирай народъ,
Гнети природы голось нѣжный!
Онъ скажетъ: просвѣшенъя плодъ —
Развратъ и нѣкій духъ мятежный!
Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстецъ
Одни приближены къ престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчить, потупя очи долу.

И само общество, какъ бы по безмолвному уговору, протянуло руку къ забытой священной тѣни Пушкина и «почтило въ немъ вдохновенье», сердцемъ прильнуло къ нему, какъ къ русской идеѣ, къ русской правдѣ и славѣ. За послѣднія двадцать лѣтъ наше національное самосознаніе сдѣлало громадный успѣхъ, наперекоръ отрицателямъ и противникамъ. Наше общество отдѣляется отъ западнаго отличительными чертами, которыя мѣтко охарактеризировалъ покойный Константинъ Аксаковъ, сказавъ, что мы народъ *неполитическій*, стремящійся не къ народовластью, а къ свободѣ духа и жизни. Въ связи съ этимъ мы рѣдко умѣемъ формулировать свои задушевные взгляды и еще рѣже дѣлаемъ это шумно; но внутренняя работа продолжается неустанно. Въ Россіи больше, чѣмъ гдѣ-либо, теперь возможны такіе моменты, когда *почти вся печать трубитъ одно, а значительная часть общества втихомолку думаетъ другое*. И «трубный звукъ» является «звучкомъ пустымъ». Свободная мысль растетъ, какъ озимь, подъ снѣгомъ холодныхъ доктринъ. Придетъ весна и зашумятъ потоки, и новыя птицы запоютъ новыя пѣсни.

Весна, строго говоря, теперь только начинается, сумбуръ отъ зимнихъ вьюгъ еще не прошелъ. Русскую идею еще ищутъ. Христіаннѣйшій русскій философъ Владимиръ Соловьевъ, болѣе всѣхъ близкій къ Пушкину, но менѣе спокойно-гармоничный и настроенный болѣе напряженно-христіански, доводитъ заключенное въ русской идеѣ самоотверженіе почти до самоотрицанія. Его работа глубоководна, потому что она даетъ будущей Россіи то чистое золото, къ которому суровая дѣйствительность прибавитъ необходимую лигатуру. Есть и люди, самоотверженно заботящіеся о томъ, чтобы запастись лигатурой, которой нашему обществу зачастую не хватаетъ. Равнодѣйствующая или, вѣрнѣе, пропорція составныхъ частей сплава только теперь начинается

обозначаться и, въ связи съ этимъ, растеть пониманіе произведеній Пушкина. Не могу забыть, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ скромной гостиной покойной Н. В. Стасовой зашелъ оживленный споръ о безсмертной духовной дочери Пушкина,— Татьянѣ. Одинъ изъ собесѣдниковъ, застывшій человѣкъ шестидесятихъ годовъ, заявилъ, что Татьяна — особа неинтересная, некультурная и не отзывчивая на общественные вопросы; она скучный историческій типъ и больше ничего; ея добродѣтель похожа, молъ, на гипнотическое состояніе курицы, которая не смѣетъ оторвать клюва отъ черты, проведенной мѣломъ на полу! «То ли дѣло хотя бы эти ваши питомицы!»—заклучилъ онъ, указывая на двухъ бывшихъ бестужевскихъ курсистокъ, любимицъ Надежды Васильевны, пришедшихъ проститься съ нею передъ отъѣздомъ въ голодающія губерніи. Н. В., противъ ожиданія, покачала головой:

— Нѣтъ, эти дѣточки — родныя дочери Татьяны, или, пожалуй, внучки ея. Въ нихъ одна и та-же душа, прямая и чистая, подчиняющаяся не прихоти, а высшему началу!.

Всякому случалось слышать, а то и задавать себѣ вопросъ, *что же именно въ Татьянѣ національнаго, чисто-русскаго?* Оно есть и въ существѣ ея и въ той художественной формѣ, въ которую Пушкинъ облекъ свое дѣтище. Свободная, любвеобильная дѣвушка не боится признаться въ своей любви, не будучи заранѣе увѣрена въ успѣхѣ и не настаивая послѣ неудачи. Замужняя женщина, не отрѣшившаяся отъ любви къ Онѣгину, также не стыдится признаться ему въ этой любви съ истинно русской простотой и свободой, и также свободно и просто признается въ своей покорности высшему началу. Западная женщина (какъ типъ) либо отдалась бы Онѣгину, либо велѣла бы слугамъ прогнать его, либо, наконецъ, разыграла бы мелодраму съ тѣмъ или инымъ исходомъ. Такая гармоничная простота доступна только дочери наивнаго не политическаго народа, живущаго среди широкаго приволья благоуханныхъ степей. Она не разыгрываетъ бурной сцены, а плачетъ, тихо плачетъ, какъ теперь плачутъ покорныя воли Божіей русскія матери надъ дѣтьми, умирающими съ голоду, не примите эти слезы тихія за непониманіе всего трагизма минуты:

«Я плачу... Если вашей Тани
Вы не забыли до сихъ поръ,

То знайте: колючость вашей брани,
Холодный, строгій разговоръ,
Когда-бъ въ моей лишь было власти,
Я предпочла-бъ обидной страсти
И этимъ письмамъ, и слезамъ.
Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
Тогда имѣли вы хоть жалость,
Хоть уваженіе къ лѣтамъ....
А нынче!.... Что къ моимъ ногамъ
Васъ привело? Какая малость!

Въ этомъ словѣ «малость» цѣлое міросозерцаніе, цѣлый міръ души, едва полуоткрытый стыдливою русскою музою поэта! Западный художникъ, если бы нашелъ такую жемчужину, оправилъ бы ее въ яркое золото пышной романтической обстановки, съ трескучими монологами и сложными хитросплетеніями трагизма. Въ такую обстановку «оправилъ» Шиллеръ въ «Смерти Валленштейна» свою чудную Тэклу, несомнѣнную германскую родственницу Татьяны. Будничность и простота условій, въ которыхъ раскрывается душа пушкинской героини, носятъ именно національный характеръ. Если при этомъ получается глубокое впечатлѣніе, то оно должно быть отнесено и къ генію автора, и къ жизненности самого типа. Существуетъ рассказъ, будто Пушкинъ собирался сперва закончить свой романъ побѣгомъ Татьяны съ Онѣгинимъ, но какъ разъ въ это время сбѣжала отъ мужа за границу одна родственница поэта и онъ счелъ нужнымъ измѣнить конецъ своего произведенія, чтобы не подать повода къ лишнимъ толкамъ. Если такъ, то само провидѣніе помогло геніальному автору создать идеалъ хорошей русской женщины,—идеалъ осуществимый и, слава Богу, осуществляемый.

У Татьяны много дочерей не только въ жизни, но и въ литературѣ: напимѣръ, героиня «Разсвѣта» графа Голенищева-Кутузова, да, пожалуй, и Анна Каренина,—дочь, не послѣдовавшая примѣру матери и жестоко за это поплатившаяся именно потому, что была «одного духа» съ Татьяной. Вообще, что бы ни говорили и на какую бы оригинальность ни претендовали авторы, явившіеся послѣ Пушкина,—они только воздѣлывали отдѣльные клочки той необъятной нивы, которую онъ распахалъ; они дали только отдѣльные цвѣта того спектра, который содержится въ его солнечномъ лучѣ. Теперь кругъ

завершенъ и предъ глазами мыслящаго общества прошли уже всѣ цвѣта этого спектра, начиная съ горячаго краснаго цвѣта тенденціи и кончая фосфорическими холодными тонами символизма. Внутренній законъ художественной стихіи ожидаетъ появленія преемника Пушкину. И жизнь ожидаетъ новаго синтеза. Чтобъ онъ былъ намъ понятенъ и дорогъ, намъ долженъ быть сперва понятенъ и дорогъ доселѣ непревзойденный богатырь нашей поэзіи. Горячѣй надо прильнуть къ груди нашей отчизны, прислушаться къ біенію ея сердца, вдуматься въ ея думы, чутко слѣдить за пробуждающимся въ ней самосознаніемъ, и сердцемъ звать его. Самосознаніе не умерло, оно усыплено, какъ Людмила изъ пушкинской сказки. Самъ вѣщій поэтъ пророчески говоритъ каждой отважной русской душѣ:

Небесный громъ на злобу грянетъ
И воцарится тишина,
И въ свѣтломъ Кіевѣ княжна
Передъ Владимиромъ возстанетъ
Отъ очарованнаго сна!....

В. Величко.

